

ВРАЗМ  
РОТТЕРДАМСКИЙ



ИОАНН СЕКУНД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ



DESIDERII  
ERASMI  
ROTERODAMI

EPIGRAMMATA



IOHANNIS  
SECUNDI

BASIA

ЭРАЗМ  
РОТТЕРДАМСКИЙ  
СТИХОТВОРЕНИЯ



ИОАНН  
СЕКУНД  
ПОЦЕЛУИ

Издание подготовили  
М. Л. ГАСПАРОВ,  
С. В. ШЕРВИНСКИЙ,  
Ю. Ф. ШУЛЬЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ  
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой,  
И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров,  
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,  
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),  
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,  
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),  
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев,  
А. М. Самсонов (заместитель председателя),  
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР  
М. Л. ГАСПАРОВ

© Издательство «Наука», 1983 г.  
Перевод, составление, статьи,  
примечания



*Ганс Гольбейн Младший.  
Эразм Роттердамский.  
Париж, Лувр*



**ЭРАЗМ  
РОТТЕРДАМСКИЙ**



**СТИХОТВОРЕНИЯ**



1.

БУКОЛИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Страстью безумной Росфам в Гунифольде  
охвачен, в молчанье  
Ночи глубокой, один, на своей играя свирели,  
Жалобой долгой тревожил неспящие в небе  
созвездья.  
Он, вокруг кого лишь недавно забота единая, козы  
Мирно бродили, и в гротах, присмотра не требуя,  
овцы,  
Все позабыл: что он выгнал овец, позабыл  
совершенно  
Даже глубокою ночью покинутый кров свой  
увидеть,  
Но до росы далеко, на мокрой траве распростертый,  
Он на печальной свирели о страсти поет  
беспощадной:  
<sup>10</sup> «О Гунифольда, приди,— моего исцеленье  
безумья,  
Или приди, иль увидишь влюбленного верную  
гибель.  
Это Росфам твой зовет, Гунифольда, и гибнет,  
взывая;  
Ты же средь грозных вершин огонь извергающей  
Этны  
В нежных объятьях своих Полифема свирелого  
греешь,—  
Ах, пусть косматые руки не ранят лилейную шею,



Грубая пусть борода не сотрет подбородок твой  
нежный.  
О Гунифольда, приди, близ кристальных потоков  
с тобою  
Мы средь цветущих ветвей отдохнем под зеленою  
сенью.  
Разве приятно, Росфам, предаваться напрасно  
страданьям?  
<sup>20</sup> Брось, не с таким ведь пристало тебе соперником  
спорить.  
Это ли спор, хоть бы даже Циклоп головою  
огромной  
Звезды мог задевать? Пусть сам он это услышит,  
Сколь бы ни был громаден, что с ним состязаться  
готов я:  
Голосом, коль пожелает, а хочет — при звуках  
свирели.  
Я ведь тоже пасу и овец, и ягнят белоснежных,  
Статью Дамет мне уступит, лицом мне уступит  
Аминта.  
Шея моя не груба, не топорщится бычьей щетиной,  
Белая грудь у меня, отличаются нежностью губы,  
Что же, безумная, любишь ты этой собаки объятья?  
<sup>30</sup> Пашешь ты берег, Росфам; погляди, и не слушая  
вовсе,  
Жалобных стонов твоих, убегает прочь Гунифольда.  
Что ты надеешься? Пусть он губителем будет  
желанья.  
Что же ты медлишь? Закончи погибелью долгие  
муки.  
Эту прими, Гунифольда, любви последнюю жертву.  
Смерти жестокой причина, навеки прощай  
Гунифольда».

- Так он сказал, и пещеры, слова отразив,  
разносили.  
Роща в ответ,— «Гунифольда»,— зовет, отзывается  
небо.
- Тут и супруга Титона от глади богини Фетиды,  
Мало-помалу всходя на шафранной своей  
колеснице,  
40 Стала с небес изгонять темноту поредевшую ночи.  
Вот уж и звезды ночные, вершины у гор задевая,  
Стали алеть наконец от еще не взошедшего  
солнца.
- Вот и старик, что виски увенчал зеленеющим  
миртом,  
Радостен, коз молодых на знакомые пастбища  
гонит,—  
Это Дралет, кто годами других пастухов  
многолетней;  
Лоб у него хоть лишился волос и блестит  
обнаженный,  
Он, как и Нестор, тройной свой возраст уже  
исчисляет.  
В старости поздней одна у него,— и покой,  
и забота,—  
Прямо на шее косматой крученая дудка висела.
- 50 Он лишь увидел Росфам, простертого навзничь на  
росных  
Травах,— с такими словами к влюбленному сам  
обратился:  
«Что за причина, Росфам, задержала под небом  
холодным  
Стадо твое и тебя? Почему ты печален и овцы  
Вот уж и руна свои намочили росюю noctuam?»

- «Коль это можно, Дралет, о краса пастухов  
сицилийских,  
То, умереть собираясь, тебе свою страсть я поверю.  
В час, когда солнце вчера перешло за средину  
Олимпа,  
И огнедышащим зноем иссохшие травы палило,  
Я, чтобы не повредил этот зной моим козочкам.  
стадо,  
60 Что истомилось от жажды, гоню в затененную  
рощу;  
Там неожиданно вижу под кроной священного  
лавра,  
Как Аониды, Наяды, а с ними и девы Дриады  
Песне размеренной в такт, торжествуя, ведут  
хороводы.  
Иван на свирели своей, Аполлон там играл на  
кифаре,  
Двигали музыке вслед все, кто там находились,  
руками  
И танцевали, ногами сминая смиренные травы.  
Взоры увидели это и страсти похитили сердце.  
Шла вместе с ними, прекрасней, чем сами  
прекрасные нимфы,  
И выделялась, стройна, Гунифольда во всем  
хороводе.  
70 Видом — богиня сама и достойна Юпитера ликом.  
С ней не сравнится Цитере, кем мальчик рожден  
огнеопасный,—  
Будь я судьей,— не равняться Диане  
прекраснейшей с нею.  
Взоры увидели это и страсти похитили сердце.  
Феб лучезарный насколько превыше сестры  
своей, Фебы,

Феба золотая насколько Люцифера ликом светлее,  
Как засверкавший Люцифер все звезды собой  
превосходит,  
Так красотой Гунифольда сражает всех девушек-  
сверстниц.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.  
Длинные волосы вьются, колеблясь, как темное  
злато,

<sup>80</sup> Шею из кости слоновой повсюду они обвивают.  
Пламень в глазах, ее тело чистейших потоков  
нежнее  
И белоснежной снегов, и возвышенных звезд  
золотистой.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.  
А посреди хоровода был тот своенравный  
мальчишка,  
С нежными щечками он, обнажен и с повязкой  
на глазках;  
Факелом вооруженный, имел он легчайшие крылья.  
Там он присутствовал, став, дерзновенный, в круга  
середину.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.  
Вынув стрелы свои из колчана блиставшего, мне  
он

<sup>90</sup> Грудь, пораженную страстью, пронзил пламеносной  
стрелой,  
Сердце пронзил, и проник до костей моих яд  
раскаленный,  
И иступленная страсть проползла в сокровенные  
недра.  
Да, проползла — от любви непривычно внутри  
запылало.

Тут я погиб, и казаться мне жизнь начала  
нестерпимой.

И созерцал я пока эти девичьи здесь хороводы,  
Феб по последним путям проходил на высоком  
Олимпе.

Что было делать? Настало то время, когда  
устремились

Козы в ограду свою и бычки в знакомые стойла.  
Страстью лихой одержим, я брожу в бездорожии  
горных

<sup>100</sup> Пастбищ, в отчаянье тщетном, стеная, зову  
Гунифольду.

К ней я напрасно взываю — бежит от зовущего  
дева,

Слезы ничто ей мои и ничто ей мои сокрушенья.  
Неколебимей она Исмарийских утесов и глуше  
Ярого Аспида, в скалах живущего Этны высокой,—  
Скрылась в ужасной она своего Полифема пещере.

Тут я погиб, и казаться мне жизнь начала  
нестерпимой.

Вот, наконец, я назад возвращаюсь, понурое стадо  
Следом за мной; и когда никакой не осталось  
надежды —

Смерти молю у богов иль, что было б гораздо  
приятней:

<sup>110</sup> Пусть Гунифольде моей они сменят недоброе  
сердце.

2.

ЭЛЕГИЯ О СОПОСТАВЛЕНИИ ГОРЯ  
И РАДОСТИ

Пусть удалятся с небес и ненастье, и мрачные тучи,  
Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.  
Пусть перестанет вздымать ветер Африк волны  
морские,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.  
Пусть густолистные кроны Борей колебать  
перестанет,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.  
Канут тревога и боль, пусть новые радости встанут,  
Скорбь и отщенье уйдут, боль и тревога вдали.  
Боль и тревога вдали, что привыкли зеленую

юность  
10 Ранее срока пятнать складками старых морщин  
Также до срока она приближает тяжкую старость,  
Сладкие дни обрывать тоже привыкла она.  
Силы она же крадет и мозг у костей пожирает,  
А на лице от нее рушится, гибнет краса.  
Худшее это безумье из сердца и чувства уносит,  
И похищает талант это сквернейшее зло.  
Пусть же к Стигийским волнам далеко оно сгинет,  
далёко,  
В Тартаров хаос пускай канут тревога и боль.  
Пусть же радость настанет, что юности красной  
пристала,  
Нет без нее красоты, нет без нее доброты.  
Телу опора, она отдаляет прискорбную дряхлость,  
Делает дольше она полные радости дни.  
С радостью выше краса и лицо вместе с нею яснее,  
С радостью вместе и ум также бывает светлей.



И несгибаемых гнет, всё не сгибаясь, любовь.  
Так, вместо палицы твердой и мощной — орудия  
силы,

Мягкую пряжу дала в руки Алкиду любовь.  
И кого битвы сломить не сумели кровавого  
Марса,—

И Экида, его все ж победила любовь.  
И, наконец, что сильнее Самсона родил сей  
огромный

Мир? Но повергнуть его лишь и сумела любовь.  
Или что весь этот мир произвел Соломона мудрее?  
30 Но, как хотела, его также скрутила любовь.

Может любовь обмануть попеченья недремляющих  
стражей,

И над охраной ночной может смеяться любовь.  
Знает любовь, как засов отворить без малейшего  
шума,

Знает, как двери открыть, как запереть их,  
любовь.

Все превращает любовь, и неумного делает  
мудрым,

Аргуса очи слепит, хоть и слепая, любовь.  
Все превращает любовь: красноречье дает  
молчаливым,

Старцев в юнцов превратить милая может  
любовь.

Силу ломает любовь, но и слабых быть сильными  
учит,

В робких отвагу вдохнуть также умеет любовь.  
Крепкая, страшные раны любовь презирает  
и с ними

Бурею вздыбленных волн гнев презирает любовь.



Разве любовь не сильна? И самой она смерти  
сильнее:  
 Смерть, пред которой дрожат,— все побеждает  
любовь.

В сердце несчастной Дидоны любовь кинжал  
погрузила,  
 Петлей Филлиду сдавив, губит безумно любовь.  
 Из-за тебя лишь, любовь, умерла вавилонянка Тисба,  
 Из-за тебя лишь, любовь, к Стиксу Пирам  
отошел.

Что об отдельном твержу? Побеждает тот мальчик  
негодный

<sup>80</sup> Все, побеждаешь и ты, мальчика грозная мать.  
 Мальчика грозная мать, или больше тот мальчик  
негодный?

Мальчик негодный и ты, мальчика грозная мать.

#### 4.

### ЖАЛОБА НА БОЛЬ

Хоть не торчат у меня на темени белом седины,  
 Иль не блестит еще лоб, осиротев без волос,  
 Зренья в глазах острота еще не слабеет с годами,  
 Черный не падает зуб из неопрятного рта,  
 И не топорщатся руки мои щетиной колючей,  
 Кожа еще не висит дрябло на теле сухом,—  
 Словом, хотя никаких не видеть еще старости  
знаков,—

Чувствую: пекую скорбь рок мой готовит и бог.  
 Юному определили они стариковские беды,  
 Чтоб, не успев постареть, стал я уже стариком.  
 Так, молодому виски седивой осыпая печальной,  
 Вместе забота и боль опередили свой день.

5.

ЛЮБОВНАЯ ОДА

Горе мне, разве кого тот мальчик спалил  
стрелопосный  
Безжалостнее пламенем?  
Солнце заходит и тени уж поздние вечер наводит,  
Сон людям доставляющий.  
По мое сердце в огне, который не знает покоя,  
И сна любовь не ведает.  
Вот уже множество дней и ночей в свой черед  
миновало,  
Пройдя тепями черными,  
Но моя печень сухая под самую грудь усталой  
10 Недужным дышет пламенем.  
Я же, глупец, полагая, что все от любви смягчится,  
Твоим безвольно делаюсь.  
И побежденной главой отупело суюсь в недоуздок.  
Каких не дал молений я?  
Этих стеснений моих луна молчаливый свидетель  
И всех созвездий хоровод.  
Мне ведь известно, какими мою и твою оросил бы  
Я грудь тогда рыданьями?  
Тщетно, ты более глух, чем морские утесы, а также  
20 Скалы любой бесчувственной,  
И не смягчают тебя ни мольба, ни влюбленного  
слезы,—  
Тебе приятна боль моя.  
Ты еще горе познаешь, Меналк,— я мужества  
полон!  
Ведь если сила есть во мне,  
Пусть ты Венеры самой, самого Ганимеда сильнее,  
Пусть дышешь весь бальзамами,

Пусть ты настолько цветущ, как весною мы раннею  
видим

Цветы красны пунийские,  
Или тот цвет, говорят, на картинах что был  
Апеллеса,

<sup>30</sup> Тела живописующий,  
Шею, однако, твою еще я подставляю оковам,  
Сверх ожиданья тягостным:  
Мучиться будешь, увидев любовь укрощенную  
слишком

И сердце слишком трезвое;  
Плакать станешь о том, как твой изменился  
Аминта,

А я скажу: а мне-то что?!

6.

К СВОЕМУ ДРУГУ

Не всегда лик небес тучами скрыт от нас,  
Что громадой сырой гонит противный ветер  
И, струясь не всегда с неба сурового,  
Землю тяжкий терзает дождь.  
Не всегда воздымать Африк, шумя, готов  
Море, что взмятено бурными волнами,  
И не вечно гудит лес, сотрясаемый  
Аквилоном безудержным.  
Не всегда кроет снег поле бесплодное  
<sup>10</sup> И холодные льды держат не целый год  
Реки, или грустит роща, лишенная  
Всех зеленых своих кудрей.  
Прочь уходит зима, и цветоносная  
Наступает весна, после Борея вновь

Рощам вид их былой, рекам привычный ток  
Снова отдан скиталицам.

После ужаса тьмы снова любезный свет  
Феб приносит с собой, и в небесах теперь  
Смена ночи и дня попеременная

20 По закону извечному.

Звезды, море и твердь мерою равною  
(Чтобы отдых им дать в чередовании)  
Бог, природа сама мерит провидица,  
Облегчая покоем труд.

Вот уж злоба меня, боль и страдания  
Сил лишают, от зол нет и покоя мне.  
Нет, увы, никакой меры у судеб злых —  
Беды множатся бедами.

30 Что за тяжкий такой, сам я не знаю, грех  
Против воли богов вышних содеян мной  
Прежде, чтобы за то Стиксу казнь терпеть  
Или мальчика этого?

После тысячу раз темный вернется день,  
Будет множество зим, и на полях кругом,  
Что так жаждут тепла, снова холодные  
Нападут и сойдут снега.

Не смягчится забот бремя со временем  
И не сгинет в уме горечь тревожная,  
Даже слезы щадить все не научатся

40 Очи, ими набухшие.

Я погиб, если ты, лучший из юношей,  
О надежда, души ты половина всей,  
О лекарство мое в тяжких страданиях,  
Не придешь мне помочь. Прощай.

7.

О ПРЕВРАТНОСТИ ВРЕМЕНИ. К ДРУГУ

Видишь, как рожи слагают с себя густое убранство,  
Как и лоза, и трава зелени уж лишены,  
Как от фиалок сухих убегает цветов их багрянец,  
Розовых нет лепестков — шип оголенный торчит.  
Видишь, нагие поля лежат без зеленых побегов,—  
Прежде Венера, щедра, их одевала в цветы.  
Вместо приятных Зефиров ты слышишь рев

Аквилона,

Слышишь неистовый вой Нота, носителя бурь;  
Кроткое солнце на небе привычной не ластится  
лаской,

<sup>10</sup> Но нависает, клонясь, к волнам твоим, Океан,  
Где с наступлением стужи уходит тепло,

расточаясь;

Лишь убывает весна, холод жестокий грядет.  
Так же и возраста цвет, так, о друг мой, и сладкая  
юность

Вянет, увы, и спешит невозвратимой стопой.  
Гибнет краса, погибают телесные силы живые,  
И одаренности вмиг мощь исчезает и пыл;  
Рушится жизни пора, что страданий исполнена

всяких,

Вслед торопливо бредет старость согбенная

к нам.

Русые кудри, красавец, осыплет она сединою,

<sup>20</sup> Горькая, избородить рада морщинами лик.

И белоснежность лица она бледностью гнусной

покроет,

Роза нисходит, увы, с некогда розовых щек.

Радости жизни уйдут: никогда уже им не  
вернуться,  
Быстро в наследство свое вступят страданье  
и смерть.  
Значит, пока позволяют года и жестокая Парка,  
В светлых временах пока радостно юность  
цветет,  
Да не упустим ее, чтоб напрасно не канула  
в вечность:  
Будем, друг мой, ловить первые, лучшие дни.

8.

ЭЛЕГИЯ О ТЕРПЕНИИ, КОТОРЫМ ЕДИНСТВЕННО  
ПОБЕЖДАЕТСЯ ВСЕ, И О СТРАДАНИИ СМЕРТНЫХ,  
КАК ЕГО НЕ ТОЛЬКО СЛЕДУЕТ ИЗБЕГАТЬ,  
НО И ОТВАЖНО ПРЕВОСХОДИТЬ ТЕРПЕНИЕМ

Неженка, мчишься куда ты, терпеть не привыкший  
страданья?  
Ты от него побежал — следом оно за тобой.  
Не полагайся на бегство, на крыльях летит оно  
быстрых,  
И, не колеблясь, идет в бегстве твоём за тобой.  
Мчится стремительней стрел, что парфяне пускают  
из лука,  
И превосходит оно Нота крылатого лёт.  
Ты уже рад, что оно не бежит по пятам за тобою,—  
Эвра быстрее, оно уж оседлало тебя.  
И, злоехидно смеясь над беспечного радостью  
тщетной,  
10 Более грозно затем, бедный, придавит оно.

Глупый, приятно тебе, что ты спасся в краях  
отдаленных?

Первого в крае любом видит страданье тебя.  
Тщетная жажда зачем многовидно тебя похищает  
И возбуждает зачем гиблой заботою дух?  
Разве приятно менять и место, и жизни теченье,  
Неискушенному вновь к повешествам вечно  
идти?

Ты о богатстве печешься, желаешь подняться  
к вершинам,

Мнишь — от страданья тебя могут избавить они.  
Нет, говорю я, и нет,— хоть и Креза ты стал бы  
богаче,

<sup>20</sup> Или же власти твоей все б подчинилось вокруг.  
Или ты мнишь, что забот не бывает в царских  
чертогах?

Я же считаю, что их больше в высоких местах.  
Пусть восхищен ты, что счастье во всем  
сопутствует высшим,—

Часто смятенье души пурпуром скрыто владык.  
Вкруг потолков золотых Эвмениды суровые вьются,  
Держат под взором своим гордые кровли  
вождей.

Пусть среди полных столов беззаботно клокочет  
веселье,

Пусть и во множестве чаш старое пенно вино,  
Тысячей сладких напевов исходят под плектрами  
струны,

<sup>30</sup> Нежная флейта пускай, не уставая, звучит.  
Но и средь роскоши этой печального яда  
довольно,—

Радость такую с тоской рада забота смешать.

Правый закон уделяет страданье и высшим,  
и низшим,  
Равно опутав бедой и бедняков, и владык;  
И не считай, коль тебя ублажила судьба  
изобилъем,  
Что уже не к чему впредь алчной тянуться  
душе.

Тут и восстанут впервые заботы, страданья  
и вздохи,

Тут и теснины тоски мощь испытают свою.  
Так ведь Фортуна свои дары сочетает с дарами,  
40 Что непомерная желчь медом прикрыта едва.  
Лилии белые как обвивает колючий терновник,  
И как шипа острие пурпура прелесть родит,  
Так она горе с весельем и сладкое с горьким  
мешает,  
В ногу, единой стопой страх и надежда идут,  
Радости рядом с печалью и пляски со скорбью  
тяжелой;  
Слит с беззаботностью стон, отдых — с тяжелым  
трудом.

Все это Парки прядут, это рок вершит необорный,  
Нам непостижная так воля решила богов.  
Значит, сражаться тебе и бороться придется  
искусно,  
Праздность — вот враг, что тебе надо в пути  
одолеть.

И за победу над ним ты стяжаешь триумф  
величайший,  
Всяческой честью навек имя украсив свое.  
Разве не видишь, что Иов, герой досточтимый,  
повсюду



В мире прославился, став притчей у всех на  
устах?  
После кончины он жив, и теперь он заведомо  
в небе,  
И эта слава его будет во веки веков.  
Что не решаемся мы с врагом схватиться  
вплотную?  
Шаг обрати на него, силы свои испытай.  
Не сомневайся, победу мы нашими держим руками,  
60 Ты лишь ко мне обрати уши и душу свою.  
Я же оружие открою тебе и наставлю в искусстве,  
Ведь для победы твоей доля немалая в них.  
Новый есть вид у борьбы и новое Марса обличье,  
Нет привычной нужды здесь ни в копье, ни  
в стреле;  
Стой лишь непоколебимо с бестрепетным сердцем  
и верным,  
Твой да не сломят в бою копья кровавые дух.  
Враг пусть бушует безмерно, ярься, и тщится  
напрасно,—  
С ветром он бьется, и пусть тщетно потеет  
в борьбе.  
Мечет ли копьями он, иль мечом врукопашную  
рубит —  
70 Помни: ни шагу назад. Стой лишь — и ты  
невредим.  
Копьеметателя презри и меч свой поднявшего  
также;  
Сможешь врага презирать — будет победа твоя.  
Но, коль железо метнув, ранит он тебя  
в жизненный узел —  
Стрелы с отравой тогда гибель с собой  
принесут.

Стало быть, панцирь на плечи приладь, и все  
прочее густо  
Пусть чешуею своей кроет железная сеть.  
Чтоб не распались доспехи от ливня бросаемых  
копий,  
Щит да будет зажат в опытной правой руке,  
Щит, коим все, что врагом разъяренным брошено  
будет,  
80 Эта рука отразит, зоркий удар обманув.  
Пусть от груди отведется погибель искусным  
движеньем,  
Первым пусть сгибнет сам враг, наглости жертва  
своей.  
Что ж все держу я тебя непонятных словес  
выраженьем?  
Ведь не телесной рукой дело такое вершат.  
Все это дело я вскоре тебе без тумана открою,—  
Внемли и помни: иди следом за мной, победишь.  
Доблесть да укрепит терпением бестрепетный  
разум  
Против враждебных тебе копий богини судьбы.  
И чтоб сама она бед не обрушила слишком  
жестокий  
90 Натиск,— с собою возьми то, чем себя  
защитишь.  
Благоразумие будет в руке щитом необорным —  
Кто научился терпеть, нет благодатней его.  
Твердое выберет пусть его спутником верным  
терпенье,  
С сопровожденьем таким да не пугается бед.  
Он ведь слабеет и тщетно к великому малые силы  
Бросить стремится, легко сдавшись в начале  
борьбы.

Так среди бурного моря ущербен корабль без  
кормила;  
Тот, кто терпенью не друг,— не обретает венца.  
Силой терпенья своей укрепляет, берет под защиту  
100 Всех твоих доблестей строй, как предводитель  
в бою.  
Благоразумье не стерпит неистовой ярости бури,  
Если терпенья при нем не выступает вождем.  
Хочешь ли ты, наконец, чтоб я кратко поведал об  
этом?  
Благоразумный, терпи: будешь вовеки блажен.  
Ведь не найти ничего, что б терпенья смирить  
не сумело  
Мощное, и в мудреце зло побеждает оно.  
Так неподвластен мудрец превратностям всяким  
Фортуны  
И не позволит себя власти ее притеснить.  
Неколебимо плывет он при судьбах благих  
и враждебных,  
110 Он не спесив от богатств, их потерял —  
не скорбит.  
Он, беззаботен, смеется над яростным гневом  
богини  
И не страшится, дрожа, непостоянной судьбы.  
С твердостью все переносит мудрец и все  
побеждает,  
И над пучиной самой в твердом спокойствии он.  
Мощные горы не так ветерков презирают порханье,  
Или могучая гладь легкие тучки над ней,  
Как настоящий мудрец презирает враждебной  
богини  
Всяческий гром, пусть он всей злобой ее  
возбужден.

Ну-ка поведай, скажи, кто счастливей его в целом  
мире?  
Радость всегдашняя с ним, в горе не может он  
быть.  
Нас же сумятица бури, Фортуною вызванной, гонит  
И непрестанно трясет бурного моря волна.  
Нас, горемык, постоянно швыряет по вздувшимся  
волнам  
И не позволено нам суши увидеть прият.  
Мы среди моря блуждаем, любому подвластные  
ветру,  
Брошен вдали от берегов, якорь не ведает дна.  
Если ж прельстимся порой ветерком и безоблачным  
небом —  
Это обман, и разит нас, беззаботных, беда.  
Но ни во что он не ставит ветров или моря угрозы,  
130 На корабле, невредим, к милым приходит  
берегам.  
Он ведь единственный, кто среди зубового  
скрежета рока  
Может свой век проводить в мире, где правит  
покой.  
Ты, кто бы ни был, чьи думы в заботах о мире  
и счастье,  
Всё научись презирать и научайся терпеть.  
Равно терпи, что вослед за весною последует стужа,  
Что чередою своей ночи проходят и дни,  
Крайний пока не положит предел (уводящий  
печали)  
На небе бог, и тогда будешь ты вечно блажен.

9.

СОСТЯЗАНИЕ ЭРАЗМА И ВИЛЬЯМА НА ТЕМУ  
О ВЕСЕННЕМ ВРЕМЕНИ, КОТОРОЕ ОНИ, ШУТЯ,  
ВЕЛИ ДРУГ С ДРУГОМ СРЕДИ ЗЕЛЕНЕЮЩИХ  
ЛУГОВ, ИМПРОВИЗИРУЯ, КОГДА ИМ БЫЛО  
ПО ДЕВЯТНАДЦАТИ ЛЕТ

*Вильям начинает*

Мрачная скрылась зима, что цветы погубила,  
но ныне

Снова весною земля пурпурной блещет красой.

Э. Страшная гибнет зима вместе с мрачною стужей  
своею

И ликования пора следом за нею спешит.

В. Вот уж фиалки земля, вот уж розы она  
рассыпает

И, зеленея, стоит поле в убранстве цветов.

Э. Вот уж и травы в лугах украшаются снова  
цветами,

Вновь на деревьях убор, что уронили они.

В. Роща весенняя, птицы, поля и цветы без  
изъятия

<sup>10</sup> Все зеленеют, поют, радостны, льют аромат.

Э. Листья — деревьям и травы полям весна  
возвращает,

В радости землю она множеством красит  
цветов.

В. Вот с головою, увитой пурпурным венком,  
наступает

Снова весна, и земля в новой ликует красе.

Э. Вот на пустынных полях поднимаются новые  
травы

И одевается вмиг новой красой земля.

- В. Всю из-за стужи печальной красу уронили  
деревья,  
Но возвратилась весна и возвратилась листва.
- 20 Э. Лютая стужа деревья лишила красы их зеленой,  
С теплой вернулась весной снова деревьев  
листва.
- В. Из-за печального хлада сходила краса ежевики,  
Но лишь приходит весна, розой краснеет она.
- Э. Долго сухая земля под жестокою стужей  
таилась —  
В облике новом весной снова приносит цветы.
- В. Листья опали с дерев перед самую стужей,  
однако  
Им и цветы, и листья вновь возвратила весна.
- Э. Ветви деревьев сухие листвою обновляются  
снова,  
Начали снова блистать в смене весенней своей.
- В. Дерево снегом покрыто стояло зимою, но весной  
30 Все, зелснел, стоит, пышный надевши наряд.
- Э. Мрачная стужа уходит, земли же прекрасная  
юность  
Снова идет и грядет, в новых оживши цветах.
- В. О как сладко леса оглашаются шелестом листьев:  
Птицы не пели — весной снова запели они.
- Э. Птица, безмолвная было средь мрачного хлада,  
с весной  
Радости полная, вновь сладостно песни поет.
- В. Над голубою водой и Феб восходит быстрее,  
А утомленных коней медленней сводит в нее.
- Э. Лютые зимы ушли, и на земли всерадостный  
снова  
40 Свет снизошел и полям зелень пустым  
возвратил.

- В.** Ночь отлетает быстрее с небес на сумрачных  
крыльях,  
Феба квадрига из вод также восходит быстрее.
- Э.** Воздуха токи весною зефирами лучшими веют,  
Свет благодатный ведет ясный охотнее день.
- В.** Все, что лежало под снегом, теперь  
в потепленье весеннем  
Вольно опять, и земля снова листвою убрана.
- Э.** Лес одевается снова листвою, земля же — травую,  
Там, где по пленной земле ливень весенний  
прошел.
- В.** Освободилась река, что зимою закована, ныне  
Брег обнаженный ее новой красотою одет.
- Э.** Освобожденные реки с приятным струятся  
журчаньем,  
Некогда стужею их злая сковала зима.
- В.** О благая Венера, цветы тебе почва рождает,  
Роз красотою твои красит ланиты весна.
- Э.** В пору весны украшается луг травой цветоносной,  
Зелени новой, красив, лес удивляется вновь.
- В.** Ах, как приятна пора мне весенняя, что одаряет  
Вместо града — дождем, вместо снега — росой.
- Э.** Свойственно разве кому-то весною не бросить  
заботы?  
Вот и создания все новой блистают красой.
- В.** Травы, сокрыв, сторожила зима — их весна  
открывает,  
Радостно поле опять, новой покрыто красой.
- Э.** Освободившись от снега, земля в ликование  
теплее,  
Матери лоно своей травы оставя, встают.
- В.** К небу возносится пенье в лесах, и рощи  
с лугами

- Все в усыпление цветов, почва раскрыта росой.  
Э. Новой весной трава на раскованных землях  
восходит,  
Жесткий терновник опять пурпура льет  
красоту.
- В. Там, где нагая земля теплоту ощутила весной,  
70 Вдруг возникают ростки розами из-под земли.  
Э. Вот выступает земля, плодовая в родах  
цветущих,  
В лоне питает своим сжатые тесно цветы.
- В. Солнца кони еще не поднялись над гладью  
пустынной,  
А на вершине уже в зелени птица пост.
- Э. Почва весенней порой ароматными травами  
тешит  
И покрывается вновь дерево густо листвою.
- В. Флора своей теплотой так в румянце весну  
улаживает,  
Что о тоскливой зиме нас заставляет забыть.
- Э. Мертвая почва себя открывает в ростках  
воскрешенных,  
Где уже хлад отступил, изгнанный теплотой  
весной.
- В. Листья — к деревьям, цветенье — к полям  
и пение — к птицам  
Снова приходит весной, стужа уходит весной.
- Э. Красится поле повсюду цветов травянистой  
красою,  
С красными розами там лилий слилась  
белизна.
- В. Листьями — лес, и земля украшается розами,  
реки  
Прежде коляски несли, вот уж несут корабли.



- Э. Зеленью новой весной одевается поле под  
солнцем  
И многоцветной цветов прелестью блещет оно.
- В. Птица, что в зимнюю пору едва и гнездо  
покидала,  
90 Пением нового дня предупреждает приход.
- Э. Мирная землям повсюду весна дары рассыпает,  
Луг зеленеет травой, травы цветами блестят.
- В. Голову Феб над волнами быстрее подымет  
весною,  
Свет благодатный ведет милый охотнее день.
- Э. В травах зеленых земля, воды с тихим струятся  
журчаньем,  
Вот и пчела на цветке, мед собирая, жужжит.
- В. Поле сверкает в цветах и леса в украшеньи  
зеленом,  
От щебетания птиц кровли и роща звенят.
- Э. Роща весной зеленеет, земля одевается в травы,  
100 Пестрая птица поет, пчелка летит на цветы.  
Солнце охотнее красит квадрагою розовой небо,  
Воды кристальной реки ластятся светлой  
струей.  
Мягче шумит ветерок, к нему тянется возраст  
цветущий;  
Помня и ты о весне, мрачные думы отбрось.

10.

ЭПИТАФИЯ МАРГАРИТЕ ГОНОРЕ

Здесь Маргарита лежит, кто заслуженно звалась  
Гонорой,  
Ты, Фисциний Вильям, взял в ней супругу  
под стать.  
Как хорошо сочетались в вас прелесть и сердце,  
и годы,  
И даже смертью самой нерасторжима, любовь.  
Но вот похищена ныне в цветении юности первой,  
Розе подобно, едва млека явив лепестки.  
И половина — супруг остается без милой супруги  
Скорбный, как голубь — вдовец, горлицы милой  
лишен.

11.

МАГИСТРУ ЭНГЕЛЬБЕРТУ ЛЕЙДЕНСКОМУ

Тихими сколько почвами на небе огней золотится  
Звездных, и сколько волна капель вмещает  
в себя,  
Сколько и нивы Цереры златой, и Вакха бокалы,  
Сколько зеленой травы в поле бывает весной:  
Столько же благ величайших, поэт божественный,  
Муза  
Наша для жизни твоей страстно желает тебе.  
Вечно болтлива, молва, широко среди народов  
разлившись,  
Не позволяет не знать ни одному о тебе.  
Ты, хоть на месте своем пребываешь всегда  
неизменно,—

В мире огромном паришь, поднятый этой  
молвой.  
Сделала эта молва, что и я тебя знаю, конечно,  
Хоть и лица твоего я не видал никогда.  
И когда эта молва до меня достигла недавно,  
Вестница славы твоей, как и талантов твоих,—  
Превознесла она мужа и редкостной чести, и музам  
Милого, и вознесла к звездам небесным его.  
Но и великая слава, такого достойная мужа,  
Все же сама по себе меньше достоинств твоих.  
Ибо (чтоб ныне вполне я поверил речам  
ненадежным),  
<sup>20</sup> Впившись, глаза мои все строки впитали твои.  
В них для униженной Музы великая светит  
надежда,  
Эта надежда, о стыд, в мире поникла без сил.  
Так, я молю, проложи, о муж наилучший,  
тропинку,  
Пусть это рвенье в тебе множится день ото дня.  
Пусть же невежество сгинет, поэзии ж дар  
благодатный  
Пусть под главенством твоим к звездам главу  
вознесет.  
Будь же здоров, и пусть боги дадут тебе вечные  
годы,  
Пусть же и Парка тебе дарит бессмертные дни.

12.

ЭПИТАФИЯ БЕРТЕ ДЕ ГЕЙН

Ты, кто твердой стопой здесь проходишь, прочти  
эти строки.  
Вот саркофаг перед взором твоим, он сурово  
благие  
Берты останки скрывает; отныне святилища неба  
Душу вмещают ее, заслужившую эту награду  
Среди достойных; ведь в годы, пока ее жизнь  
продолжалась,  
Матерью доброй была для сирот она, бедных  
отрадой,  
Как и кормилицей тем, кого голод терзал  
беспощадный,  
В горе — надеждой единой, больным — безупречной  
сиделкой.  
Щедрая, с нею она разделяла все блага когда-то,  
<sup>10</sup> Чтобы, стократ их умножив, стяжать себе вышние  
блага.

13.

ДРУГАЯ ЭПИТАФИЯ

Обрати взор сюда ты, о путник,  
Прочитай эпитафию нашу;  
Холм, который ты зришь пред собою,  
Ты стопою дави нетяжелой.  
Он скрывает блаженные кости  
Берты, лет бесконечных достойной.  
Век ее воспрославит грядущий  
И до звезд вознесет в испошеньях,  
Пока будет земля плодоносной,

- <sup>10</sup> Пока светлое небо — в созвездьях,  
Пока солнце наш мир озаряет,  
Пока Феба росистая — полночь.  
Ведь ее пережив, ни в едином  
Опустелого мира пределе  
Так никто доброту не любила,  
Не была в справедливости тверже.  
Всем была она матерью нежной,  
Кто свирепостью лютого Орка  
Был лишен среди горестных судеб
- <sup>20</sup> И любви родных и опоры.  
Всем была и кормилицей также,  
Притесненным жестокой нуждою,  
Для страдальцев — надеждой единой,  
Для больных — возвращением к жизни.  
Пусть могильным холмом невысоким  
Скрыты эти, лишённые света  
Лишь недавно, бескровные кости;  
Но когда-нибудь время настанет,  
Когда чувство живое, увидя
- <sup>30</sup> Обиталище прежнее снова,  
Воскрешенным из праха могилы,  
Вместе с ним к небесам вознесется.

14.

АПОЛОГИЯ ЭРАЗМА И КОРНЕЛИЯ, ИЗЛОЖЕННАЯ  
В ВИДЕ ГОРЕСТНОГО ДИАЛОГА ПРОТИВ ВАРВАРОВ,  
КОТОРЫЕ ПРЕЗИРАЮТ ДРЕВНЕЕ КРАСНОРЕЧИЕ  
И СМЕЮТСЯ НАД ИСКУСНОЙ ПОЭЗИЕЙ

*Эразм*

Я к тебе, кто донесь был неизвестен мне  
И кто славой мне дан громкого имени,  
О искусник, пишу: пусть без тебя чуть-чуть  
Слух наполню обидами.

Что привыкли к стихам, перья мои, собрат,  
И к тому же, о боль, песни мои вослед  
Зависть гложущая мне отложить велит;  
Я их все отложил теперь.

Не хожу по святым Зевса пределам я,  
10 И недолго пришлось видеть мне таинства,  
Там где любит венчать голову мудрых лавр;  
Все отброшено это прочь.

Нет влечения к тому, чтобы священных муз  
Свет меня озарил, нет и желанья  
Увидать, наконец, пики горы двойной  
И поток Геликона мне.

Не без слез я сказал: муза моя, прощай,  
И прощай навсегда также ты, Феб-отец,  
Отдых некогда наш, наша любовь; тебя

20 Против воли бросаю я.

Зависть гложет, теснит дивных поэм стихи,  
Их терзает толпа непонимающих;  
Да, теснит, но есть честь — сонмы Аркадии,  
Звезд самих многочисленной.

Эти песни, что всем древним векам милы,  
О несчастье, она в долгих гонениях  
С Каллиопой самой красноречиво  
Давит лютой стопой, взъярясь.

Зависть, воспламенясь черным огнем, поверь,  
30 Непрестанно своим зубом, вносящим яд.  
Всех искусных людей будет терзать всегда,  
Будет их поносить всегда.

*Корнелий*

Думал часто один молча об этом я,  
К человеку стремясь всею тоской своей,  
Кто кифары святой гнал бы завистников.  
Рад я: здесь ты союзник мой.

Я признаюсь — меня вяжет лихая боль;  
Спеси, варварства всех наглых ревнителей,  
Дщери Зевса, прошу, вместе оплачем здесь,  
40 Случай этот ведь стоит слез.

Сонм невежд, что святых не понимает строф,  
Презирая чернит звуки Кастальских муз;  
Ты же, муза, гоня глупых, безмозглых прочь,  
В безысходной нужде сама.

Но безумство их душ, сердца безжалостность  
Укрощает она, лютого демона.

Коль подобен ты ей, песни любви, берясь  
Вновь за лиру, что дарит мир.

Но уж так глубоко в сердце твоём теперь  
50 Ярость та и теснит печень во всю твою,  
Что Пеона рукой не истребить ее,  
И спасения нет тебе.

Как ты жалок, увы, кто отвергаешь дар  
Столь целебный тебе дивного пластыря,  
Ты вредишь и врачу — разве излечишься?

Ты не жив, ты кончаешься.  
Жалкий, я ухожу: песни претят тебе?  
Вот апостол, писал Павел галатам кто,  
Внес в посланье свое лиру Меонии,  
Порицая обжорства грех.  
Очень часто к тому ж люди ученые  
В книгах нравственных все, лавром венчанные  
Песнопенья берут, к церкви приладив их,—  
Лев, Лука и Иероним.

*Эразм*

Что ж? Ужель не сочтешь верной причину ты,  
Создающую стиль? Разве не правду я  
Здесь сказал обо всем, спутник мой? Правду здесь  
Я сказал, а судьей ты был.  
Не услышишь нигде трубный Вергилия  
<sup>70</sup> Глас и лиру — нигде, прелесть Гомерову,  
И нигде, мне поверь, не услышать стихов  
Утонченных Папишия.  
Где, скажите мне, Флакк, светоч поэзии?  
Или где тот Лукан, кто убиение  
Зятя пел языком славного Пиндара?  
Позабыты и презрены.  
В крае Фебовом в сем солнечном не было  
Места, и островка не было малого,  
Каллиопа не шла где бы стопой своей,—  
<sup>80</sup> В песнопеньях искусная.  
Пухлогубый индус с кожей смуглою,  
Кто над светлой водой первым идет смотреть  
Феба новый восход златоголового,—  
Любит даже и он стихи.  
Феспиадов Гадес также стихи познал,  
Что всех ближе лежит к солнцу закатному,



И последним глядит, как оmyвает день  
В океане дневную пыль.  
Что о многом твердить? Крайняя Туле их  
<sup>90</sup> Знала, в сонме теней Стикса пустынного  
Не в презренье стихи: вот и свидетель есть —  
Сам Родопский поэт, Орфей.  
Он игрою своей, о похищении  
Эвридики скорбя, царство подземное,  
Говорят, умолил, тронул Плутона он,  
На кифаре играючи.

*Корнелий*

Я скажу, и Стримон, мчащийся в пене вод,  
Укротил Эагрид песнями; вышними  
Он услышан, и вот сам он своей рукой  
<sup>100</sup> В небе место стяжал себе.  
И Бистонский поэт лирой,— то знают все,—  
Что ему Аполлон дал при рождении,  
Тронув плектром своим струны, игрой пленил  
Лес, а также и рощ богинь.  
Звери дикие тут, пенья заслушавшись,  
Все пришли, и дают неприрученные  
Гривы в руки, пока песни поет Орфей,  
Покоряясь во власть певца.  
Эта нива и птиц тянет непомнящих,  
<sup>110</sup> Пока ищут они милым птенцам еду,  
И на крыльях паря, ловят среди небес  
Той кифары звучание.  
Большим кажется все от изумления:  
И корабль в парусах, не поддававшийся  
Всех усилиям, вдруг море влечет, подняв,  
Восхитившись его игрой.  
Но я больше скажу: небо и край теней

Он равно покори́л нежнозвучащею  
Песней, даже и груз тяжкий Сизифа он  
120 Пригвоздил своей песнею.  
Вспоминая, теперь книг я коснусь святых:  
Побеждал Гедеон, пела пока труба,  
и Саула Давид песней сумел смирить,  
И костер свой унял огонь.  
Это я говорю, чтоб подтвердить, что все  
Песня может смирить; кто же талантлив, тот  
Безрассуден, увы, если дерзнул презреть  
Песни, глупый, бессмертные.

*Эразм*

Разве нет? Ты правдив, горе, увы, и стыд!  
130 Преисподней самой здесь человек лютей,  
Не пленяет его песнь сладкозвучная,  
Звуков сладостных он бежит.  
Больше, он ведь всегда будет преследовать  
Ярым гневом своим, алчных волков лютей,  
И свирепее птиц тех, что питаются  
Пищей всюду пернатую.  
И творенья лежат дивные пограны;  
Каллиона сама, хора поэтов свет,  
В небреженье, из всех изгнана мест, живет  
140 Средь скалистого хаоса.  
Дикость всюду царит, царство надменное  
Над искусством твоим с трона смеется, Феб,  
Лавроносным, мужик варвар над песнями  
Знатока проявляет власть.  
Но зачем все глупцов вины преследую  
В этих строфах монах? Думаю, до зари  
Воспер, небо кругом звездами красящий,  
Ясный, скроется от меня.

Столько звезд не блестит в небе сверкающих  
150 На вершине его ночью безмолвною  
И не столько весна с теплым Фавонием  
    Изливает на землю роз,  
Сколько уст у меня пусть будет, сколько пусть  
Звуков, но пикогда, верь, их не хватит мне,  
Чтоб скорбеть о нужде давней священных строф,  
    Что повержены злом в наш век.  
И на песни за то ныне в досаде я,  
О поэты,— души часть не ничтожная,—  
Потому, говорю, бросил я страсть свою,  
160 Муз огонь уж совсем остыл.

*Корнелий*

Так как жар Аонид ныне в забвении,  
Ум безумный творит, впавший в невежество;  
Тех, кто песни поют, мнит он безумцами,  
    Пальцем тычет со смехом в них.  
Так вот редкостный дар зависть к себе влечет,  
Но все это сразив, он победит; вы, прочь,  
Кто в убожестве сник. Голову, зависть, спрячь,  
    Что раздулась от глупости.  
Все, что хочешь, тверди: только бы песни нам  
170 Поспешили, звуча, дать наслаждение.  
Смейся — это ничто: будет все больше нас,  
    Славой будем мы венчаны.  
Ты, завистник, теперь свой прикуси язык —  
Мы не спели еще песни святылищам;  
Но Давида уж скиптр пусть я возьму, что был  
    Из Мелхома отлит венца.  
Дебелаима дочь пусть будет мне женой,  
От блудницы ведя славный Израйля род,  
И заблещет отсель Господа род славней

- 180 В лоне сладостном Либетрид.  
Против нас, говорю, можешь, завистник, вздор  
Изрыгать, изнурять завистью грудь свою,—  
За славнейшими мы рьяно последуем,—  
Конь не чувствует мошкары.  
Рвенья наше тебе больше доставит мук:  
Перестань-ка теперь песни преследовать,  
Чтоб тебе не пропеть скверную песнь, лжив  
Щеки всем посрамленные.  
Если, аист ты наш, будешь упорствовать,  
190 То сумеешь едва ль мерзкий отдернуть клюв:  
Поедай среди рош гадов ползучих ты —  
И священных не тронь орлов.

*Эпизм*

- Как в былые года, флейты Родопские,  
Не иначе мою музу тревожили,  
Так на благо и ты, новый Тиринфлянин,  
Движешь души остылые.  
Жар святых Аонид вновь возвратился к нам;  
Скорбь изведав и боль, снова воспрянула  
Муза, хоть и слаба, все же моя,— и вот  
200 С лирой дружит опять, резвясь.  
Какова, ты скажи, радость была тогда,  
Когда после словес музы торжественных,  
Наконец, среди дня строфы твои, поэт,  
Слушал я сладкозвучные?  
Слава, пусть велика,— меньше она заслуг,  
Слава, пусть велика, но, признаюсь, твои  
Песни, как и стихов метры искусные,  
Выше славы самой твоей.  
Ты второго стихом даришь Вергилия,

210 А коль мило сплетать прозу свободную —  
Прозой, я признаюсь, ты — Цицерон второй:

Так мне нравится все твое.

Так иди же стопой избранной, я молю,—

Не ничтожная ты слава столетия,

Ты — надежда одна, ты и огонь в груди,

Тех поэтов реликвия.

Пусть занятиям твоим музы содействуют,

И пусть судьбы тебя долго хранят для нас

В жизни этой, и нить самую долгую

220 Пусть Лахеса тебе продлит.

И когда для тебя смертный настанет день,

Всё же ты навсегда будешь для нас живым

И у всех на устах, вечно в чести за свой

Превосходный талант. Прощай.

15.

ХОТЯ ЭРАЗМ И КОРНЕЛИЙ ПОСЕТОВАЛИ ДРУГ  
ПЕРЕД ДРУГОМ В СТИХАХ О ГЛУПОСТИ ВАРВА-  
РОВ, КОТОРЫЕ ПРЕЗИРАЮТ ДРЕВНЕЕ КРАСНО-  
РЕЧИЕ И СМЕЮТСЯ НАД ПОЭЗИЕЙ, КОРНЕЛИИ  
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРИВОДИТ МНЕНИЕ БОЖЕСТ-  
ВЕННОГО ИЕРОНИМА О НЕОБХОДИМОСТИ ЧТИТЬ  
ПОЭЗИЮ, ВЫСТУПАЮЩЕГО КАК БЫ ПОСРЕДНИ-  
КОМ МЕЖДУ НИМИ

*Иероним говорит*

Ты мне провидящим быть повелел в этом деле  
арбитром:

Так благодарно прими заключения нашего

твердость.

Это похвально, что древних прочел ты поэтов

творенья

И что насмешников ты поражаешь стихом  
беспощадным.

Речью возвышенных муз сильны Соломоновы

Притчи.

Песни невесты, Мудрец и Иов играют стихами;  
Пел и Давид свои песни, их в метры стиха облакал  
Но сообщу я, каких избегать ты обязан ошибок:  
Бди, чтоб надменность ума твоего запятнать

не сумела,

<sup>10</sup> Или не презри благих, если песен они не познали;

Не презирают поэтов они — их ценителей любят.

Если сам слог по душе, по душе и рождение мысли;

В них отражаясь, сверкают (считаю) Аонии музы.

Не отвергаю я рвенья, к читателю я расположен;

Ты, между тем, не просто ценя Святое Писанье,

Но почитая его, — предаешься любви к Пиеридам.

А от того твоя речь воспримет в манере высокой

Стиль утонченный, и ты, из Египта блестящие

взявши

Вазы, Господу ими украсишь священные сени.

<sup>20</sup> И не осудит тебя, но хвалою хвалу ты заслужишь.

Так, полагаю, прочтешь, как велят предписанья,

что надо

Господу мёда первины вести от чистого сердца.

И приношеньем благим благосклонность Христа ты

заслужишь.

Если ж, однако, к словам ты труда прилагаешь

излишек, —

Меда ты славно отведал, но соли к нему не добавил,

А без нее ведь ничто ни приятно, ни сладостно богу.

Музу не осуждаю, хочу лишь напомнить, чтоб

только

Ты не подумал презреть воздержности догмы  
святые.  
Если ж о подвигах древних читаешь ты в речи  
свободной,  
<sup>30</sup> Хочешь ты их заключить в размеры и в стопы  
искусно:  
Я почитаю талант, наслаждаюсь сладостной песней.  
Так как ты подражать сочинениям хочешь  
священным,  
Муза пусть слог твой украсит, Писание смысл  
предоставит.

*Корнелий заключает, соглашаясь*  
С Иеронима словами, сладчайший Эразм,  
я согласен:  
Так да свершим мы все в них, что поэзии прелесть  
штает.

16.

КНИЖКА ГОВОРИТ

Мне безразлична хула иль хвала легкомысленной  
черни;  
Славно, коль ты по душе мудрым мужам иль  
благим.  
Буду и больше в надежде, коль то и другое  
удастся:  
Если понравлюсь тому, чтит кто Христа,—  
хорошо.  
Ведь для меня Аполлон — единый даритель таланта,  
Тайные речи его — это и мой Геликон.

17.

В ПОХВАЛУ  
БЛАЖЕННЕЙШЕГО ПАПЫ ГРИГОРИЯ

Ныне вместе земля, как и небесный хор,  
Гимны громко поет, вся в ликовании,  
Славит радостный день, миру несущий днесь  
    Праздник папы Григория.  
Высочайший, и ты,— пастырь с небес,— пребудь  
Средь поющих, благой, как то велит обряд.  
Пусть язык наш тебе всюду поет хвалы,  
    В нас благой пусть ликует ум.  
Ты, впервые забыв про благородный род,  
<sup>10</sup> Сtimул века, богатств кто суету презрел,  
Ты, щедрейший для всех, сбросив шафран одежд,  
    Отлетаешь нагим к Христу.  
И когда средь тревог жаждет главой тебя  
Видеть Рим, не хотя чести такой, бежишь  
К бездорожью нещер, но не скрываешься,  
    Выдан ясным сиянием.  
Значит, низший, грядешь ты к наивысшему,  
Не возносит почет, ни диадемы все,  
Но лишь к пастве любовь неутолимая,  
    Пастырь, движет одна тобой.  
У того на лугах веры достаточно  
Под главенством твоим жизни целебных благ,  
Наставляешь кого, таинство сея слов,  
    Жизнью учишь еще своей.  
Высший пастырь, блюди паству свою, тому,  
Кто, оскаливши пасть, ищет, кого б схватить,  
По овчарням твоим рыща, разбойнику  
    Не давай никому вредить.  
И да будет Отцу должной хвала, и пусть



Духу будет Отца лишь одному хвала,  
Нераздельное в ком Бога единство все  
Есть под именем тройственным.

18.

ЭПИГРАММА О ЧЕТЫРЕХ ПОСЛЕДНИХ ВЕЩАХ

Смерти горестный день, гнев судьи, наводящего  
ужас,  
И Флегетонта — реки шумно текущий огонь,  
Иерусалим, наконец, не знающий скорби о себе;  
Радостям не суждены там ни конец, ни предел:  
Если об этом всегда будешь помнить с волнением  
в сердце,  
Стыд охватить никакой душу не сможет твою.  
Все, что тяжелого ты, нестерпимого прежде увидел,  
Скажешь: вот было легко, сладостным это  
сочтешь.  
Но и стремительней дыма бегущие этого мира  
Радости все ты сочтешь за величайшую скорбь.

19.

ЭПАН БОЖЕСТВЕННОЙ МАРИИ,  
А ТАКЖЕ О ВОПЛОЩЕНИИ СЛОВА

Так приди сюда скорым шагом, муза,  
Золотым звучать кто искусна плектром;  
Геликона край ты оставь любезный  
С влагой Кастальской.  
Плющ, что вьется, ты отложи,— из лилий  
Белых свей венок ароматом дивный:

Зелени простой избегая, ищет

Лилии дева.

Ты Софокла слог заслужила мощный,

<sup>10</sup> Полногласна песнь, что поешь,— и все же

Не отвергни ты этой скромной музы,

Дивная, нашей.

На Олимпе ты восседаешь вышнем,

И тебя, святым кто блаженна сыном,

Славит весь собор благозвучной песней

Жителей неба.

Госпожу, тебя славят все пророки,

Сход апостолов восхваляет царский

И священства хор, и без счета сонмы,

<sup>20</sup> Славные родом.

Лишь тебя одну, о богиня, девы

Чистые, всегда что идут за агнцем,

Песнею в своем хороводе славят,

Прочим запретной.

Но к чему о том вспоминать? Колена

Преклонив, тебя в песнях вечных славят

Ангелы и все, кто живет на небе

Или рожден им.

Но и черный Стикс, и Аверн враждебный,

<sup>30</sup> И со всей толпой Флегетонт угрюмый

Пред тобой дрожат и,— губить не в силах,—

Чудище бледно.

Нехотя тебя восхваляет Критский

Радаманф, и вот, сотню змей вздымая,

Сестры пред твоей полны страха волей,

Дева Мария.

Так склони сюда благосклонно взоры,

В целом мире ведь,— и по праву это,—

Не пайти угла, где б тебе не цели

Радостных гимнов.

Набатей, небес опаленный солнцем,  
Где, восходя, Титан лик из волн являет,  
Чтит тебя, молясь, вознося обеты

С дымом Сабейским.

Край, что ближе всех к золотой квадриге  
Феба, кто в лазурь голубую сходит,  
В храмах у себя возглашает оды,

Дева, тебе лишь.

Не молчит земля, где высоко блещет

<sup>50</sup> Севера звезда, как и та, что вечно  
Пурпуром влажна и полна твоими

Песнями, дева.

Ты одна краса высшего Олимпа,  
Мститель мощный ты за убийство, жизни,  
Что лишился век, лишь одна, богиня,

Ты отомститель.

Ты того, кто над бледножелтой пастью  
Триязыкой в мир изрыгает, змея,  
Горло, что шипит, попираешь смело

Чистой стоною.

Золотое ты побеждаешь солнце,  
Дивною росой превосходишь звезды,  
Ясные рога пред тобой склоняет

Росная Феба.

Сам высокий тот наблюдатель видел,  
Как луну стопой попирала, дивной  
Звезд окружена золотой короной,

Солнца сияньем.

Некогда певцы, все провидя, пели

<sup>70</sup> О тебе, кому суждено потомство

Непорочно дать, кто век новый явит  
Землям в разрухе.

Матерью царя вечного ты станешь,—  
Ведь о том же песнь и Сивилл Делийских,  
И в писаньях все достоверных это  
Сказано, Дева.

От поры глухой Ветхого Завета,  
Что в грядущих уж восходила тенях,  
Разной у отцов, но правдивой встала  
8" В воображенье.

И терновый куст низкорослый, в жарком  
Пламени еще не сгорев, поведал,  
Что ты бога нам породишь, оставшись  
Чистою девой.

И ковчег, небес заключавший манну,  
Показал, что ты в непорочном чреве  
Бога нам зачнешь, кто питатель жизни,  
В чреве, как в храме.

Метит ветвь тебя в необычных родах,  
90 Плодна миндалем и еще цветами,  
Влажное тебя отмечало руно  
В месте иссохшем.

Древле и Эсфирь образ твой явила,  
Тысячам смягчив иудеев беды,  
С блеском отомстив, и Юдифь, навеки  
Славная тем же.

О тебе врата говорят пророка  
Неотверсты, блеск отражая солнца,  
Смотрят на восток, для царя лишь только

100 И проходимы.

Этими тебя предвосхитить, дева,  
Знаками хотел созидатель мира,  
Не пустыми, их подкрепивши тени  
Истиной скоро.

Ибо в час, когда среди теснин Олимпа

Люцифер, с толпой вниз катясь надменной,  
Молнией блеснув, низвергался в Тартар  
Тьмы непроглядной,  
О великом том сокрушаясь крахе,  
<sup>110</sup> «Неба павший строй,— говорит Создатель,—  
Надо вновь поднять и раскол исправить  
Части небесной».

Создается тут существо из красной  
Глины, сам творец вдохновеньем божьим  
Добрый, семена вслед придал живые  
Массе бесплодной.

А затем велел среди рощ блаженных  
Обитать, в полях, озаренных солнцем,  
Где течет поток четырьмя струями,  
<sup>120</sup> Сладко журчащий.  
Вечная весна в ароматах дивных  
Блещет там всегда среди роз прекрасных,  
И фиалки там, и земля не знает  
Стужи враждебной.

Там леса стоят, не теряя вовсе  
Зелени густой и приятной взору,  
И всегда несут винограда лозы  
Сочные грозди.

Малобатр струит благодатный запах,  
<sup>130</sup> Циннамом и вард обонянье тешат,  
И бальзамь там, как слеза, спадают  
С веток зеленых.

И отец главой в тех краях поставил  
Человека,— тот был им только создан;  
«Это все, Адам,— он сказал,— тебе я  
Препоручаю.

Волен будешь ты, и куда захочешь,  
Властную свою распрострешь десницу;

- С этих лишь ветвей опасайся тронуть  
140 Плод вредоносный.  
Яблоко сие разродится смертью,  
Коль в недобрый час ты его коснешься;  
Сколько горя,— ах,— под плодовой скрыто  
Льстящею кожей!»  
Не стерпел, ярьсь, столь высокой чести  
Змей — завистник и он искусством хитрым  
Тщится помешать, чтобы падший снова  
Неба достигнул.  
«Жалкие, доколь,— он сказал,— поверив  
150 Повеленьям сим хитроумным, жизни  
Вы бежите, где вышней волей вскоре  
Вкусите плод вы?  
И жена, увы, легковерно этим  
Увещаньям всем льстивого поверив  
Змея, увидав, плод взяла, вкусила —  
Пала готчас же.  
А потом жена обманула мужа  
Лживая, а он, уступив любви  
Нежной, принял плод, взял, вкусил — и то же  
160 Пал вслед за нею.  
О злосчастный день, что отметить надо  
Камнем черным, о неизменно слезный,  
Веку, и всему, ты один приносишь  
Столько несчастий.  
Ведь откуда вполз тот порочный корень  
В род потомков; за невоздержность предков  
Злая смерть была для потомков-внуков  
Тяжкой расплатой.  
И кому творец небеса готовил,  
170 Те уже (о боль!) для бичей свирепых  
Демонов свои клонят шеи, взяты

Бездною мрака.

Делал что отец при таком смятенье?

И ваятель сам недоволен явно

Тем, что создал он, человека также

Долей плачевной.

«Вот пока мы здесь на земле готовим

Небо,— он сказал,— их, увы, обоих

Гибели отец, сокрушая сходно,

Карою губит.

Он, пособником обойден несхожим,

Змеем, страшный яд восприял, другой же —

Сатана, своей, а не чьей-то волей

Зло совершивший,

Вечные теперь избывать повинен

Наказанья, что заслужил: и рана

Тайная внутри, клокоча, целебных

Средств избегает.

Дальше, кто сражен чужеземной кознию,

<sup>190</sup> Не своей воспрять он и должен силой:

Хитростью чужой он прельщен — пусть тем же

Будет избавлен».

Высший он, отцом порожденный высшим,

Мудрости он ключ, что неиссякаем,

Тайные открыл, что не видны, счета

Сердцем отцовским.

«Кто искусством взят,— он сказал,— пусть им же

Будет возвращен, но не рукотворной

Силой, чтобы вид отвечал спасенья

<sup>200</sup> Смерти началу.

И избавить плоть надо плотью также;

Если злую смерть причинило древо —

Древом и целить, и по праву должно.

Древом священным.

И поскольку смерть под шипенье змея  
Принесла жена, то пристало, чтобы  
Божьей волей жизнь вновь жена вернула,  
В мир выдыхая.

Смертию поправить надо смерть лихую  
210 И страданье в нас исцелить страданьем,  
Рану, наконец, и по праву, лечат  
Рапою также.

Что же? Вот, томясь прегрешеньем предка,  
Всякий сын отцу соревнует в муке,  
Но божественность — та не знает смерти  
Судеб жестоких.

Так кому ж дадим искупленья долю  
За грехи людей? Суждено творенью  
Сгибнуть, если бог сам не уничтожит  
220 Смерти оковы.

Но коль примет смерть лишь подобье наше,  
Вечной ночи казнь это разве смоет?  
Для чего влагать было в емкий облик  
Божию душу?

Остается путь лишь один из многих:  
Божество смешать с плотью тленной надо;  
Высочайший бог облечен быть должен  
Телом, как тенью».

И отец с лицом благосклонным, сына  
230 Одобряя, — «кто, — говорит, столь верный  
Дал совет, тот сам и зиждитель дела,  
Сам и помощник».

Дева, твоего брак священный чрева  
Вечного себе посвятило Слово  
Бога, кто прельщен был стыда прекрасным  
Благоуханьем.

Ветра он быстрее иль стрелы летящей



- С неба вниз скользит, как невесты дружка,  
И, невидим, сам во святое входит  
240 Девы жилище.  
Молвит Гавриил ей благие вести,  
Трепеща, она обращает кверху  
Лик, безмолвно тут постигая сердцем  
Слов необычность.  
Он же, весь лучась благосклонным взором,  
Доверенья полн, всей своею речью,  
Мягкостью ее, беспокойство Девы  
Все удаляет.  
«Почему,— он рек,— о благая дева,  
250 Бледность на лице, этот спутник страха?  
И зачем, скажи, гвой румянец милый  
Щеки покинул?  
Не страшись, пришел я поведать волю  
Вышнего отца: понесешь во чреве  
Иисуса ты, род спасет он гиблый,  
Ты же взаимно  
Миру дашь того, кто родитель мира;  
Славное дитя царственного рода,  
Расцветешь для всех Назарейским цветом,  
260 Ветвь Иессей.  
Вопрошаешь, как? Подозренья бросить  
Об объятых тел иль слиянье духа  
Ты должна, отнюдь не боясь, что будут  
Ложа соблазны.  
Ты не думай, что, как на свадьбах, будут  
Факелы,— родишь ты от Слова Слово,  
Чистая, зачнешь осиянной волей  
Духа святого,  
Дева, кто несет и, родив,— невинна.  
270 И твой плод стыда не нарушит; верь же,—

Целомудрие, что с тобой, не тронет  
Матери чести.

Как через стекло луч проходит солнца  
Без вреда, вот так и твой сын проникнет  
Чрево, но его не нарушит,— будешь  
Ты еще чище.

Как струят свои ароматы лилий  
Дивные цветы, если их не трогать,  
Так, Мария, ты родишь — невинна —  
230 Божьего сына».

Вышнему она предсказанью верит  
Благостно, и вновь на Олимп родимый  
Гавриил летит, рассекая воздух  
Чудо — крылами.

И мгновенно, быстр, от созвездий вышних  
Сам Христос, златясь, с высоты небесной  
Сходит, молчалив, во святое чрево  
Девы достойной.

О смущенье дум и явлений новость!  
290 Знаешь ли, что ты заключаешь в чреве?  
Счастлива стократ, знаешь ли, кто в недрах  
Скрыт твоих, Дева?

Кто колеблет сам мановеньем звезды,  
Кто смирят бурь бушеванье в море,  
И десницей кто не дает погибнуть  
Суше бессильной,

Кто владеет всем в высочайшем мире,  
Тенями в краю ледяного Орка,  
Над землею всею кто браздами право  
300 Правит единый.

И отныне, мать, у тебя под грудью  
Господин одиѣ всех вещей, кто тонким  
Чревом окружен и кому уступит

Мир этот круглый.

Жалкие, теперь вы рыданья бросьте,  
Дети Ада, все племена, кто стонет  
В тяжких кандалах под вождем жестоким,  
Ввысь посмотрите.

Вот приходит к нам тот вещей создатель,  
310 Не грозящий нам жесточайшей злобой,  
Кто не помнит зла и десницей вражьей  
Молний не мечет.

Мальчик, кроток он, мальчик, над веками  
Прошлыми взнесен, кто благим сияньем  
Век золотой давно принести назначен  
Землям несчастным.

Восний среди тайных недр во чреве,  
Дивное дитя, в трепетной тревоге  
Шаткое узри ты творенье, святость  
320 Лица яви нам.

О священный день всех веков, в который  
Иисус, дитя, чей отец — всевышний,  
Во плоти земной ты себя являешь  
Смолкшему миру.

Сколько кликов здесь принесла, рожденный,  
Радость о тебе: жизнь собой вернувший,  
Твой являет глас, что пришло спасенье  
Роду людскому.

Твоему теперь все рождению радо,  
330 Светлы лица всех, и уже столь близкий  
Пробуждает свет Аполлон, бегущий  
Лучшей стезею.

Хор среди облаков ликованья полный  
Дивные свои начинает песни;  
О тебе волхвы по звезде далекой  
Ведать стремятся.

- Чтит тебя и скот, наклонив неловко  
Морды, и тебя безыскусной песней  
Хвалит селянин — благочестно рад он,  
340 Стадо оставив.  
Ты бы видеть мог, как в лесах дремучих  
Возродилась вдруг зелень их, и поле  
Все в цветах кругом, и ликуют травы  
В полную силу.  
Быстрые текут уж Лиэя струи  
Сладостно в реках, и лозою пахнут  
Воды, и росой падают бальзамы  
С щедрого неба.  
Новые меды гор дают вершины,  
350 Исмара скалы ароматом нарда  
Теплятся и дуб-великан амомом  
Влажен сирийским.  
Среди них каким ликованьем,— скажешь,—  
Чистой девы грудь вся полна, кто держит  
Под одеждой все исполина-мира  
Радости сразу?  
Здравствуй же, о мать отпрыска такого  
Чтимая, к твоей припадает груди  
Бог земли и сам повелитель мощный  
Высей Олимпа,  
Млечная кого насыщает влага  
Все, питает все, что парит в эфире,  
На земле живет, обитает в море  
Вечно тревожном;  
В чистом лоне чьем все покой находит,  
Не вместят кого все круги эфира,  
Розовым щекам чьим дает благая  
Пить поцелуи,  
Он, кто предпочтен пред людей сынами,

- 370 Вышнего отца образец, взаимно  
Губками, смеясь сладко, поцелуи  
Воспринимает.  
Коль попросишь, мать, разве в чем откажет  
Сын тебе, и что он не в силах сделать  
Для просящей, коль чтит одну тебя он  
Честью такую?  
Потому тебе досаждают люди,  
Жалуясь в мольбах справедливо, если  
Что-то их гнетет, лик страхась увидеть  
Судии грозный.  
Тем, кто на судах крутобоких бурный  
Адрий бороздит и свирепых Сиртов  
Воды, их веди, морякам ты блещешь  
В небе звездою.  
А когда уже Аквилоном парус  
В клочья разнесен, и корабль во власти  
Бури, лишь тебя, дивная, на помощь  
Все призывают.  
Лишь тебе несет немощный, богиня,  
390 Все моления, тот лишь к тебе взывает,  
У кого сковал тяжелой цепью шею  
Варвар — хозяин.  
Сострадая, всех ты целишь, к обетам  
Благосклонно слух преклонив молящих,  
Милости царя, из богинь богиня,  
Грешникам даришь  
Вот страдаю я, заболев душою,  
И тону в грехах, как в пучине моря,  
Вот подавлен я и позорно цепи  
400 Давят мне шею.  
Дева, ты моим сострадай рыданьям;

Лишь к тебе свои обращаю взоры,—  
Так услышь мой, в песне сей воспета,  
Жалобы эти.

20.

ПЕСНЬ О ЧУДОВИЩНЫХ ЯВЛЕНИЯХ,  
БЫВШИХ ПРИ КОНЧИНЕ ХРИСТА

Что за дерзостный вихрь и величайший столь  
Нежданно трепет все потряс?  
Страх немалый наш ум полнит тревогою  
И бледность заливаает лик.  
Феб едва лишь достиг неба срединного,  
Девятый проходя предел,  
И мрачнее ночей зимних уж черная  
Закрыла звезды пелена.  
Задрожала земля в вихре чудовищном  
10 И скалы сами рушатся.  
Виснет тяжким горбом неба громадина  
И книзу вся склоняется.  
И откуда такой почти невиданной  
Свалился ужас на землю?  
Не погибла бы лишь в страхе природа, коль  
Законы все нарушены,  
Лишь громаду бы всю не уничтожили,  
Распавшись, связи вещные;  
Лишь бы мрак не сгубил неба сияние,  
20 Земные руша крепости.  
Не окутал бы все черною теменью  
И не нарушил смену дня,  
Мрачный Таргар не слил все сотворенное  
С лишенным формы сумраком.

Коль в темнице своей тени умерших день  
Теперь земной увидели б,  
Ни остатка, поверь, этой махины всей  
День не увидит завтрашний.  
Грех такой воспрети, о высочайший бог,  
Создатель неба высшего.  
Всепобедная пусть доблесть спасет сей труд,  
Его десницей созданный.  
Что же хуже еще в бедах таких себе  
Смятенный ум предчувствует?  
Вот, уж сбившись с пути, ряд непостижный звезд  
Ночь эту раньше требует.  
Став виновницей вдруг, Феба нежданно  
Собой закрыла братний свет.  
Так сюда же, сюда, сколько есть в Греции,  
40 В стране Халдеев сколько есть  
Тех, кто неба круги разные смог постичь,  
Звезд ход и возвращение,  
И тот месячный путь, коим идет луна,—  
Предстаньте же, не мешкайте.  
Осветите эфир и научите, как  
Какие звезды кружатся,  
Покажите исток ночи неведомой,  
Коль он постигнут может быть.  
Горе людям земли, рыбам и зверям,— всем,  
Кто этим небом заперты,  
Горе, горе вдвойне злобный готовит рок  
Своей жестокой волею.  
Вскоре сгибнет земля, тяжестью сдавлена  
Небес, что сверху рушатся.  
Ночь и ужас вдвоем лишь одного хотят:  
Века кричат, погибельны,

И, распавшись, звенят скрепы исконные,  
    Какими все стянул сам Бог.  
И луна,— широка,— не закрывает дня,  
60   Замедлив светоч солнечный,  
Кто, уж ныне полна, теням неведомым  
    Свет изливает розовый.  
Слушай! гулом каким сонм огласился весь,  
    Какой в толпе великий страх?  
Трепет мощный какой беглых объял толпу?  
    И что за страх у гибнущих?  
О невидящий гнев, ярость бесстыдная!  
    О ты, народа страшный грех!  
Вот неверная чернь, бога дерзнув сгубить,  
    Горит слепую яростью:  
Кто и небо, и твердь создал, кто — море,— все  
    Своей рукой могучею,  
Тот, к кресту пригвожден телом истерзанным,  
    Белеет смертной бледностью.  
Жизнь убийство снесла, мертвая уж сама!  
    Зашло то солнце правое.  
И не все ли скорбит, новый увидя грех,  
    Толпою злой содеянный,  
И творцу своему богу сочувствует,  
    Отца уже лишенное?  
Оттого, оттого небу день пагубный  
    Внезапно полный мрак принес.  
И, зажата с краев, оцепенела вдруг  
    Орбита Феба зоркого.  
Свет свой скрыла она тучею черною,  
    Чтоб тех не зреть погибелей.  
И земля, не снеся тлжкого бремени,  
    Дрожит до самых недр своих;  
Ах, как все, что ни есть в царстве безжизненном,



Все за царем пошло своим.  
Но что б ни было то, то не касается  
Всех, о Христе стенающих.  
Он отнюдь не пришел, чтобы разрушить все,—  
Но укрепить ослабшее.  
Ждет отмщенье судьи, племя слепых, тебя,  
Кто и скалы бесчувственной:  
Содрогнулся сам Феб, это покрывший зло,  
Твердь ощутила хладнал,  
Ты же, племя слепых, нагло не ведаешь,  
100 Какого бога губишь ты.

21.

ЭПИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ О ПАСХАЛЬНОМ ТОРЖЕСТВЕ,  
А ТАКЖЕ О ТРИУМФАЛЬНОМ ШЕСТВИИ  
ВОСКРЕСШЕГО ХРИСТА И О ЕГО НИСХОЖДЕНИИ  
В АД

Ясные звезды ликуют на небе своем  
просветленном,  
Звезды, которые прежде, при Господа смерти,  
бросали  
Отблеск дрожащих лучей, удрученные тьмою  
угрюмой,  
Снова ликуют, быстрее притушенный блеск  
возвращают.  
Что за злосчастная ночь чернотой теней  
обнимает  
Все небеса? Эта ночь, убегая, под землю стремится.  
Вот-вот черному мраку на страх нарождается снова  
День и рождается свет, столь возлюбленный этому  
миру.

- Да, это света творец. Диеспитер это родился,  
10 Тот, кому суждено тьму сей ночи ужасной  
отринуть.  
Снова в цветенье ликует земля, пусть дары  
изливает,  
Траур да сбросит с себя и украсится мило цветами;  
Пусть начинает немедля рядить оголенные ветви  
В кудри зеленые лес и себя увенчает листвою.  
Стаи пернатых опять пусть начнут свои вольные  
песни;  
Пусть модулируют сладко в эфире звучащие трели  
И, успокоившись, волны пусть ярые бури утишат.  
Нот с проливными дождями пусть прочь унесется  
далеко,  
Австр многошумный вздымать перестанет свирепые  
волны,  
20 И наконец, вся природа, исполнившись радости,  
новый  
Облик пусть примет, себя отдавая для радостей  
новых.  
Средь столь великих торжеств пусть пребудет  
и вышних сословье,—  
Все собирайтесь сюда, даже больше, чем край  
благодатный  
Жителей неба имеет, пусть все поспешают из  
звездных  
Храмов и, легкие, пусть пелену облаков разрывают  
И да придут напоследок увидеть и наши пределы.  
Землям сей день ликования и землям же новую  
радость  
Предоставляет Христос, день, что даже и вышним  
неведом.  
Но благодетель-отец велит на общих началах

- 30 Быть и земным и небесным, коль отпрыск  
единственный отчий  
Алою кровью своей семена былого раздора  
Смыл, умирая. И вот уже нет вражды совершенно,  
Повода нет ненавидеть, ведь всю нашу грязь на  
себя он  
Принял, божественное нам взамен отдавая начало.  
Наше он принял, а отдал свое и, смертное взявши,  
Вечное он возвратил; ведь подобный обмен  
применяя,  
Плоть он сблизил с отцом и смешал он низшее  
с высшим,  
Связью единой связав воедино и небо и землю.  
Так, чтобы у человека он не был в презрении,  
призван
- 40 Душ святых этот хор, спустившийся с высей  
Олимпа;  
С нами сольется он пусть, чтобы в наших пределах  
прославить  
Этот всерадостный день и затем, после битв  
жесточайших,  
Победоносца — царя к нам привлечь  
торжественной песней.  
Песнь запекает небесную он, на земле мы земные  
С голосом слабым сольем в ликованье земные  
органы.  
Пусть он на лире играет, а наш тронет звучные  
плектры;  
Тот пусть поет под кифару, наш — тронет  
дрожащие сестры.  
Здесь пусть грянет дыханьем труба, там — пусть  
чередует

Нежная флейта приятный напев для триумфов  
владыки.

Но ведь и наша не может ничтожною песнею  
муза

Не восхвалить, уклонясь, победителя Господа новых  
Славных триумфов и блеск за собой не вести  
хороводов.

Действуй же, наша Камена, и верным всю  
звучность, какая

Есть у тебя, удели; ныне время велит, запевай же:  
Так начинай, воспоем Иисуса великую славу.

Плющ легковесный с чела убери и священные  
лавром

Ты виски увенчай и оливой, что миру подруга.

Надо воспеть нам победы вождя, петь нам надо  
трофеи,

Ведь нашу смерть победил он в своем умирающем  
теле,

<sup>60</sup> Также, ведь он, уничтожив виновника ночи  
ужасной,

Победоносным крестом обезлюдел владения ада

И у плененных племен сокрушил их тяжелые цепи,  
Цепи, в которых в темнице держали седых

патриархов.

Так, когда мрачное иго с крепчайшей державою  
смерти,

Сам претерпев, он попрам безвишней своею  
кончиной,

После жестоких сражений, схвативши свой посох,  
которым

Иссиня черную пасть поразил он свирепого змия;

Как победитель, ликуя, средь вечного мрака  
к твердыне

- Чешуеносной подходит, добычу спешит увести он.  
70 Мрака однако когорта и ночи безгласной  
подруга  
Издали как ощутили, что день уж ясный сияет  
И что глубокая ночь непривычным рассеяна  
светом,—  
Нового видят триумфа они лучезарные знаки,  
И содрогнулись в душе, задрожав от знамений  
нежданных,  
И вот уж мрачная вся, приводящая в трепет  
пещера  
В смутном смятении всюду от недр глубочайших  
до высей  
Дрогнула и под землю волна Флегетонта застыла;  
Остановили свой бег и Коцита бродячие струи.  
Затрепетали владыки теней, задрожали внезапно  
80 Сто Эвменид и поднялись их волосы в кольцах  
змеиных,  
И от грозной руки лучезарные скипетры пали;  
В страхе тризвенную пасть закрыл исполинский  
привратник;  
Множество чудищ, какие в ужасной темнице  
Аверна  
Место имеют свое, побледнели от хладного страха.  
И, потрясенные трижды крутящимся вихрем,  
жилища  
Тартара все задрожали и — дивно промолвить  
такое —  
Трижды в молчании мрака мычание гнусное было;  
И в глубочайших пещерах возник ужасающий  
отзвук.  
Он ведь рыдал, дикий зверь, что пришел на него  
поражатель,

- 90 Алчную глотку его лишитъ поглощенной добычи,  
И завывал он уже в предвкушении страшных  
триумфов.  
Мало того, величайший сам царства теней  
повелитель,  
Затрепетавший в душе и пасть едва приоткрывший,  
Оцепенел, побледнел и застыл со трепетом  
в сердце:  
Что эти знаменья все предвещают чудовищам  
новым,  
Он хоть отчасти и знал, но не ведал о всем  
достоверней.  
Разумом он постигает вещания мудрых пророков  
Древних о бoге, который грядет, чтобы плотью  
святою  
Слезный род искупить во спасение павшему  
миру,—
- 100 Так они пели, сокрыты двусмысленной тенью  
Завета.  
Он понимает с тревогой, сколь мощные дива  
когда-то  
Бога свидетельством были, сокрытого в немощной  
плоти.  
Сам, не вдали находясь, он увидел своими глазами,  
Как человек на кресте испускал последние вздохи  
И как природа внезапно, о древних забывши  
законах,  
В ужасе вся содрогнувшись, безвинную смерть  
осудила.  
И уже вновь, схоронив в глубине существа свою  
ярость,  
Хладный, он задрожал, и стон из груди его вышел;

Длилось недолго медленье, безмолвье он скоро  
нарушил  
<sup>110</sup> И обратился к своей он когорте со скорбною речью:  
«Часто же эти злодейства наш ум приводили  
в смятенье,  
Храбрые спутники, ибо поистине тот вероломный,  
Тайно в обличье чужом подползая, неожиданные дива  
Миру являл непреклонный и делал великие знаки.  
Даже и сам я сюда подошел, чтобы разным  
искусством  
Мужа сего испытать и рассеять сомнение в мыслях.  
Он же сокрылся в себе и смятенная мука, утратив  
Доблесть, меня обманула, ведь,— чадо родителей  
смертных,—  
Он голодал, холодал и сосал материнское млеко,  
<sup>120</sup> Плакал в младенчестве, рос, а теперь сверх того  
испытал он  
Самую смерть, и в кончине великая жизнь  
завершилась.  
Но уже поздно теперь, теперь мы постигли  
искусства  
Тайные, горе, теперь, побежденные, хитрость  
и муки  
Поняли поздно, и зрим у креста оружие в блеске.  
Ранит оно и у нас на душе оттого тяжелее:  
В трезвом уме сами мы для врага эти копыя  
сковали  
Нам же на гибель: увы, побеждают нас нашим  
оружьем».  
Близко меж тем подойдя, победитель во свете  
великом  
Тут приближается прямо среди говорящего речи.

- <sup>130</sup> Здесь он стоит потрясенный и после, помедлив  
немного,  
В створы ударил дверей, сокрушил засовы из меди  
И повелением божьим тяжелую свергнул громаду.  
В глубь он нисходит затем беспощадного Дита,  
в деснице  
Прямо простертой неся лучезарно горящие скиптры;  
Молнией он озаряет пристанища бледные эти.  
Души усопших тогда изумились в жилищах  
отверстых  
Вдруг наступившему дню, и дивятся сиянию Феба,  
Свету, сошедшему в пропасть на розовоцветной  
квадриге.  
Видя такое, что ты в это время, Плутон,  
ощущаешь?
- <sup>140</sup> Что ты за скрежет издашь, когда Тартар в обилии  
света,  
Если чудесное ты пред своими видишь глазами,  
Зришь в смятении Орк от такого сверкания  
молний?  
Бездна там есть, и она под последними сводами  
ада;  
Там непомерный хаос, что без света мерцает  
огнями  
Мрачными, Этне подобно, где вечные терпят  
мученья  
Души виновных в огне, за свои платя преступленья:  
Дважды настолько она устремляется в пропасть  
наклонно,  
Сколько оттуда до неба высоко несущего звезды.  
Прежде низверглась сюда, сомкнувшись когортою  
тесной,
- <sup>150</sup> В страхе толпа Люцифера, не вынеся вовсе такого



Среди дрожащих огней трепетания дивного молний:  
Мало того, погрузились они еще в серные печи.

Он же, шествуя кротко по этим пустынным  
пределам,  
Входит, высокий, в места и Аверна безмерного,  
в коих  
Все в запустенье, проходит средь теней, недвижно  
застывших.

Он, победитель, легко Флегетонт с водою горящей,  
Страшный, раздувшийся там и струящийся серным  
потоком,

Пересекает и, быстрый, у края становится бездны.

Но зловещие сестры, внезапным застигнуты  
светом,

160 Вниз головою, кружась, в глубочайшую сами  
стремятся  
Бездну и прячутся там в глубине бездонной  
провала.

Те же, плененных кого многолетние цепи и муки  
Уж истомили, как только узнали при свете великом,  
Что в их пределы под землю спустился Бог  
величайший,

Тщетно надежду прияли на жизнь и, умерив  
стенанья,

Оцепенелые взоры напрасно средь вечного мрака  
Ввысь поднимают и слух обращают, внимания  
полный,

Лишь бы конец, лишь бы меру назначил тот для  
страданий.

Но справедливейший тут судия своим голосом  
грозыным,

170 Сверху крича, порицая глупейшие некогда души,  
Громоподобно вещает, что все это им по заслугам.

Лютого после врага Господь своим словом могучим  
Вяжет и сильным ударом сражает дрожащего

в страхе,

Шеи плененные следом обвивши железа цепями.

Трогает после несущего смерть, чтобы тот

не рассеял

Яда на бога рабов и рабынь, зев кровавый пытается,

Залитый кровью весь у растерзанной этой добычи.

Тяжкое дело свершив, он зловонный предел

покидает,—

Всякая снова надежда исчезла в погубленных

душах;

<sup>180</sup> Вновь, головами поникнув, в унынье они застенали,

Разом весь Тартар они преисполнили воплями горя

И начались тяжелее везде уможаться рыдания.

Так, так угодно тебе, вождь всех чтущих

Христа всепобедный,

Чтоб они видели это и больше страдали; явись же

Снова любезным тебе, пусть увидят и стоны

оставят.

Так, возвращается он по дороге, которою прибыл,

И достигает начала Эреба и мест наивысших.

Здесь же и те, кто издревле, от самого мира

рожденья,

Хоть и пребыли верны Моисеевым правым законам,

<sup>180</sup> В ночь глубочайшую свергнуты были за грех своих

предков,

В долгой надежде ослабили душою и вот орошают

Лица свои нескончаемым плачем и в сердце

скорблящем

Длят бесконечные вздохи, в тюрьме заключенные

темной,

- К ним пока не придет тот, кто, смерть отринувши,  
вырвет  
Их из узилища мрака и выведет к свету на воздух.  
Так, едва лишь креста воссияли победные знаки,  
Что против вражьих громад и ворот он выставил  
медных,—  
Рухнули створы тотчас и махина тюрьмы  
исполинской,  
Потрясена, зазвенела, таким устранившись  
паденьем.
- <sup>200</sup> Стали раскрытые видны дома и отверзлись пещеры:  
И лишь рассеялся мрак, сразу черная ночь  
прекратилась.  
Здесь тот священный народ после долгих молений  
впервые  
Ясный день увидел, после туч увидел он солнце.  
И ликовав, вожделенный, увидев воочию светоч.  
Радость какая тогда вдруг умы озарила внезапно?  
Мера тогда ликованья какая, ты думаешь, в бурных  
Рукоплесканьях была? Наконец, после скорбных  
молений  
Он, наконец-то своими глазами узреть Иисуса  
Смог победителя, здоровый, и вовсе не  
в воображеньи;
- <sup>210</sup> Зреть Иисуса, кого прославили древних поэтов  
Вещие песни, кого, когда мир начинался, рождаясь,  
Непреставая отцы призывали с горением сердца.  
Без промедленья большого открыл он железные  
створы  
И разорвал он оковы, обвившие шеи безвинных.  
Вольная, шествует тут за учителем вслед  
восходящим

В белых одеждах толпа по стопам полководца  
такого.  
И чтобы о нечестивом никто и не вспомнил  
жилище,  
Он дуновением легким развеял его совершенно,  
И от удара мгновенно распалось ужасное зданье.  
220 Ныне начни-ка — велит и величие дел  
благородных —  
Муза, коль что-либо можешь, высокую песнь  
начинай ты.  
Муза, начни, применить надо все без изъятия силы:  
В блеске каком, расскажи, выступали толпы, ликуя,  
И как, предшествуя всем им, славнейший сам  
победитель  
Шел впереди, волоча к небесам за собою добычу.  
Здесь же и ты, воспеванья достойный, внуши  
песнопевцу,  
Чтобы он должное пел, и открой ему то, что  
сокрыто.  
Шествуют в первом ряду патриархи седые,  
издревле  
Чтимые, вслед же за ними в согласии с волею  
вышней  
230 Вся вереница пророков, за коими шествует следом  
Любящих бога царей нескончаемый ряд  
в багряницах.  
К ним примыкает толпа и по жизни и духу  
могучих  
Славных мужей, в наивысшем восторге они  
поспешают.  
Юность за ними идет: это — мальчики, нежные  
девы.  
Матери здесь же идут, обнявши деток любимых,—

- Рвение равно у всех и един восхваления голос,  
Все и любовью одной и единою радостью полны.  
Нет никого, кто молчал бы,— поют достославные  
битвы  
Мощной десницы, добычу, а также трофей  
знаменитый
- 240 И, аплодируя, песней торжественной светлого  
славят  
Вместе вождя, восхваляя и сердцем его и устами.  
Новый грядет победитель пред всеми со славою  
новой,  
Но не обычной одеждой покрыт необычный  
воитель:  
Молнии самой сродни и сиянию Феба подобна  
Вкруг головы диадема, и весь озаряется светом  
Ясным и пурпурным царь; и отсюда, как в пламени  
пламень,  
Весь он сверкает и свет отражен в средоточии  
света;  
И, ниспадая от плеч и до пят его самых спускаясь,  
Паллий, багрянкой окрашен, сверкающий пурпуром  
розы,
- 250 Золотом и самоцветов мерцаньем искрится  
глубоким.  
Так, если летом на солнце огням его прямо  
подставить  
Сотню гладких стекол, отражающих блеск, то,  
принявши  
Ровной поверхностью огонь, без задержки они  
возвращают  
Все, что восприняты ими лучи, и трепещущим  
блеском  
Им подражают и даже стремятся к победе над  
солнцем:

Прелесть камней такова же, такой же у желтого  
злата  
Вид был в то время, когда в удивительном блеске  
каменя  
Все диадемы огни извергают, что приняли сверху  
260 И словно звезды в эфире на красном сияют  
виссоне.  
Средь величайших триумфов здесь царские реют  
знамена,—  
Ведь необорной десницей креста животворного  
кверху  
Он знамена вздымал, что вовеки не ведают смерти,  
Также не знают позора, обычного срама не имут.  
Но по излитии крови невинного агнца и после,  
Как освятилось царя высочайшего имя, повсюду  
Блеск украшений пестрит и венки на главах из  
оливы.  
С честью такой победитель, идя величаво, оставив  
Весь Флегетонт за собой, к увенчаниям высшим  
восходит  
270 Средь ликованья, спеша перед ним распростертому  
миру  
Снова явиться, чтоб всюду надежда не обманула  
Страждущих, в сопровожденье толпы,  
распевающей гимны.  
Вот уже пройденный путь оказался у адского  
жерла  
И у пределов, какими он кверху выводит, на  
воздух.  
А между тем на земле, что подавлена вихрем  
смятенным,  
Род человеческий трепещет и весь он и денно, и ночью

- В сердце заблудшем своем погрязает в незрячей  
тревоге,  
Что чудеса наяву сулят тяжелейшие людям  
Беды, что будет и впредь вина тяготеть на  
виновных,
- 280 И нелегко рассказать, какая забота, тревога  
Любящих давит сердца, какие мольбы и стенанья  
Плачущих, непреставая, гнетут их тревожные лица.  
Нет покоя глазам, дни и ночи все плач  
нескончаем;  
Даже и сладостный сон истомленных глаз не  
смежает.  
Что ж удивляться? Ведь щедро надежда под  
тяжестью страха  
Души терзала все эти три дня, хоть и тщетно,  
однако  
Все ж непрестанно (а дни были целого года  
длиннее).  
Вопль стоит и у жалких напрасные катятся слезы,  
Плачут они об ушедшем, о взятом могилою  
скорбной,
- 290 Хладные камни кого охладевшего скрыли в могиле  
Темной; громада скалы придавила бескровные  
кости,  
И запечатаны входы, суровые воины всюду  
Толпами, стража с мечами закрытые все охраняет  
Двери, и денно и ночью с оружием бдит  
непрестанно.  
Сможет ли выйти, разрушить он сможет ли эти  
затворы?  
Пусть даже сможет, но он одолеет ли ярость  
людскую?  
Разве он сможет пройти изнутри сквозь всех этих  
стражей?

Этими бедами мучим, у жалких колеблется разум,  
 Гибнет от страха надежда, но рухнуть готовую  
 снова  
 300 Ободряет любовь,— злое в страхе, благое —  
 в надежде.  
 Вот уже третий рассвет при редеющем сумраке  
 ночи  
 Стал загораться на небе, и тут по его обращенье,  
 Поздно, но все ж, наконец, и часов медлительных  
 дольше,  
 День, наконец, вожделенный настал. И вот  
 спешают  
 В зыбком утреннем свете, еще не расставшемся  
 с тьмою,  
 К той плите гробовой, где, быть может, учителя  
 облик  
 Явится им, даже пусть от обилия слез  
 охладевший,—  
 Ибо несчастных иная томит и изводит надежда:  
 Влагой и миррой душистой омыть его хладное тело,  
 310 Пред обескровленным чтобы хоть этим долг свой  
 исполнить,  
 Горькую также любовь утолить надмогильным  
 рыданьем.  
 Что же ты медлишь, Христос, что тебя, из царей  
 наилучший,  
 Держит? И что у тебя с Флегетонтом, что мрачные  
 долго  
 Держат преддверья тебя? Веру ты возврати: вот уж  
 третью  
 Солнце; взгляни на колеблемый мир, нависающий  
 тяжело,



Взор обрати, Христос, чтоб от взора все вновь  
оживилось.  
Ведь, пока медля, собой озаряешь ты Тартар  
бесплотный,  
Мир уже гибнет совсем и, увы, уж почти  
сокрушилась  
Мира громада, и звезды совсем уж с пути  
посбивались.  
<sup>820</sup> Ведь и сама уж земля, потрясенная, страшным  
крушеньем  
Ныне грозит и тревожит людские сердца  
появленьем  
Знамений пагубных,— хуже, и мраком еще  
непроглядным  
Души окутала ночь, пока царство подземное  
держит  
Истинный светоч, тебя; никого, никого не найдется,  
Кто бы деянья твои сохранил, не забывши, благие;  
Сбился с дороги весь мир, и при самом учителе  
вера  
Хоть и была глубока — при отсутствии долгом —  
ослабла.  
И у самих у них также пропала надежда и вера;  
Ученикам, всеблагой, день верни, взор яви  
благосклонный,  
<sup>830</sup> Сумрак из душ изгони и рассея запустение ночи.  
Так воспрянь же, и пусть тебя неутешные стоны  
Плачущих снова пробудят, печальных  
приверженцев слезы.  
Так, покидая немедля врата и предел  
пограничный,  
И на моления страдальцев душой сострадающей  
глядя,

В блеске шествует царь средь торжественных  
всюду триумфов  
К вышним пределам,— и сразу земля, озаренная  
светом,  
Вдруг ощутила его, в несказанной грядущего славе,  
Ощутила, и вмиг, травы выпустив, ими оделась;  
В кудри зеленые лес, оголенный вчера, облачился,  
<sup>340</sup> Диво — и поле цветами украсилось сразу повсюду,  
И благодатной травой в ликовании бога встречает.  
Но и Титан не сокрылся, он знает, что новой  
звездой  
Он превзойден, и поспешно идет к своему  
восхождению.  
И возвращенью творца все, что в небе живет, что  
имеет  
Также земля и что — воздух, что плавает в море,  
ликуя  
Рукоплещет и все возвращенье торжественно  
славит.  
Сам же, приветливый, он в зеленой дубраве  
стремится,  
В солнечных райских лугах поселить овец, им  
пасомых.  
Вплоть до поры, когда вновь во плоти они к жизни  
воскреснут  
<sup>350</sup> И наградит он собою любовь печальную милых,  
И укрепит и наставит своих, и до неба возвысит  
Он человека, чей образ он сам от матери принял,—  
С этой добычей своей вечно жить победителем  
в небе.

22.

ЯМБИЧЕСКИЙ СТИХ В ПОХВАЛУ АННЫ,  
БАБКИ ИИСУСА ХРИСТА

Так здравствуй, мать святейшая,  
Святым супругом славная,  
Еще святее — дочерью  
И внуком всесвященнейшим.

Светлей что дома этого  
И краше? И какой другой  
Столь многожды прославился,  
Один так много дал чудес?

Здесь, здесь супруга старого  
<sup>10</sup> Отцом старуха сделала.  
Есть дева — дочь понесшая,  
Внук — бог и слово божее.

Стыдливый отрицает муж  
Отцовство в родах жениных.  
Клинется, что нетронута,  
Не мыслит о сопернике.

Так Анна, мать лучшая,  
Твои полней воистину  
Бог осушил рыдания,  
<sup>20</sup> Чем Сары плач с Ревеккою,  
Иль той, с тобою сходственной

Делами и прозванием.  
Ее, когда сердечную  
Безмолвно изливала скорбь,

Счел от вина безумною,  
Совсем нетрезвой, Илия.  
Тебя ж с супругом благостным,  
Иметь потомство жаждущим,  
Дары во храм принесшую

- 30 Жрец оттолкнул неистовый.  
«Эй,— рек он,— мне безбожные  
Моленья бросьте тотчас же.  
А сами прочь подалье  
От мест святых изыдите.  
Даренья ваши богови  
Угодны будут, мните вы,  
В каких для брака чистого  
Нет ничего,— лишь похоть есть;  
И старцев невоздержанность
- 40 Терпима ль в этом возрасте?  
И где не переменятся  
Супругов лица скромные,  
Которых отвратительный  
Отказ привел в смятение?  
Иоаким, не вынесший  
Стыда, к себе на пастбища  
Бежал, в свой дом печальная  
И Анна удалилася.  
И оба в плаче горестном
- 50 Моленьями упорными  
Все просят, молят господа,  
Чтоб честно снял бесчестие.  
Достигли неба жалобы,  
Тут ангел предстает от звезд,  
Велящий ради отпрыска  
Все прекратить стенания.  
Они встают и, радуясь,  
Хотят сказать о виденном,  
Супруг средь золотых ворот
- 60 Себя находит ищущим  
Супругу; здесь восторг у них  
Исторгнул слезы радости;

Затем они опять идут  
Вдвоем в жилище скромное.

Бесплотный глас пророчества  
Над старцев верой не шутил:  
Луна, родившись десять раз,  
Старуху зрит родильницей.

- И тем она счастливее,  
70 Что, позже ставши плодною,  
Мать ныне Анна дочери,  
И не какой-то дочери,  
Но дочери, которая  
Родит, оставшись девою.  
Кого родит блаженная?  
Дитя отца всевышнего,  
Кто над землей и небом власть  
С отцом имеет общую;  
Един — кто человек и бог,  
80 Он, смерть поправший смертию,  
Умерших к жизни вновь вернул,  
Открывши путь им на небо.  
О трижды и четырежды  
Блаженная,— ведь можешь ты,—  
Так помоги мольбам людей,  
Тебя же почитающих,—  
Ведь за тобой, заступница,  
Лишь пожелай, последуем,  
Того ж и дочь захочет пусть;  
90 И мальчик, коль она его  
Попросит, пусть уступит ей.  
Так любит сын родителя,  
И не отвергнет сына тот,  
Сам также сына любящий.  
Аминь.

23.

ЭЛЕГИЯ ПЕРВАЯ ПРОТИВ ЗАБЛУЖДЕНИЙ  
ВЫРОДИВШИХСЯ ЛЮДЕЙ, ЛЮБЯЩИХ ВМЕСТО  
ВЫСШЕГО НЕБЕСНОГО БЛАГА КАЖУЩИЙСЯ  
БЛЕСК РАЗЛИЧНЫХ ЛОЖНЫХ БЛАГ

О как сердца́ми людей заблуждение ночи незрячей  
Властвует, как это зло держит рожденных  
землей,  
Хоть и назначены им настоящие блага на небе,  
В страхе пекутся они только о благах пустых;  
Высшего блага не знают, откуда единственно  
в мире  
Все, что прекрасного в нем, все, что в нем  
доброе есть.  
Вот он, однако, богатства копает во мраке  
Стигийском,  
Выкопав, ненасытим, это добро бережет.  
Весь он соблазнами нежными занят, любви  
предается,  
<sup>10</sup> Любит губящие он радости плоти одни.  
Спесью надувшийся весь, домогается власти  
надменной  
И, высочайший, занять высшую жаждет ступень;  
Пусть он и рад, что он тот, кто постиг созвездий  
движение,  
И досконально познал новые связи вещей.  
Этот — одним, тот — другим, — одержим своей  
прихотью каждый;  
Каждый выходит в моря, ветром гонимый своим.  
Род человечий, куда ты влеком, и усилием  
тщетным  
Что выбираешь дары, кои погубят тебя?

Связи какие, скажи, у тебя с бестолковой землею,  
Если отчизна твоя — небо, а бог — твой отец?  
Ищешь в изгнании ты, что под отчим находится  
небом:  
Нет, не найти здесь богатств, что так любезны  
тебе.  
Что ж по скалистым вершинам гоняться за  
рыбами, или  
По беспредельным морям зайца ловить бегуна?  
Ищешь в бесплодных кустах ивняка ты яблوك  
златистых;  
На ежевичных кустах ищут культурную гроздь.  
Разве не тщетны старанья — найти какую-то  
радость  
Здесь, где одна лишь печаль, здесь, где рыданье  
одно?  
Что же ты любишь изнеженный плач, эту роскошь  
темницы?  
50 Есть лишь единственно плач (ты мне поверь)  
на земле.  
Все эти блага, к которым гоним ты недужною  
страстью,  
Ах (если веришь ты мне) — вовсе не блага они.  
Те ж, что тебя окружают, неведение истины  
может,  
Хоть и не блага они, выдать за видимость благ.  
Больше того, это все — лишь тень настоящего  
блага,  
Эта обманная тень околдовала твой взор.  
Радости.— разве не видишь? — от горечи мук  
извратились,  
Смех превращается в плач, и этот плач  
вестерним.

Слит со страданьем покой, непорочной не сыщешь  
улады,  
И продолжительной нет, нет и лишенной тревог.  
Что есть богатство, почет, что пурпур и что  
диадема,  
Как не обуза души, хоть и красива она?  
Также прибавь, что все это, суетной судьбы  
порожденье,  
Вводит владельцев в обман и ненадежно для  
них.  
Ты, человек, эти блага берешь, что вредят  
многолико,  
Но в треволнениях отнюдь благ не найдешь  
никаких;  
Нет в них и бога; но прихоть — для каждого бог  
настоящий,  
Клонится каждый ко злу от заблуждений своих.  
Ну, так очнись, наконец, я молю, и, свет  
восприявши,  
С глаз эту ночь отряхни, я умоляю, твоих.  
Ввысь свой взор обрати; там отчизну свою и отца  
ты  
Узри, туда и неси мысли твои и мольбы.  
Крови твоей благородный исток ты там же  
постигни;  
Первые там семена духа познай своего.  
Ты ведь не абориген, хоть и житель земли  
бестолковой:  
Ты ведь потомок небес и порождение их.  
Сам творец, от чьего производишь ты ясного лица, —  
Что еще больше? — тебя назвал подобьем своим.  
Значит, глупец — человек, что к земному ты так  
прилепился,



Бога забыв своего, сам о себе позабыв?  
Земнорожденным — земное, а тленное тленным  
оставь-ка,  
Ты не умрешь, так ищи непреходящих богатств.  
Легкий, к звездám вознесись, огляди свое поприще  
сверху,  
Стыдно должно быть тебе шеей ярмо выносить.  
Там — что достойно любви, там — что должен  
желать ты по праву.  
Там находится все, в чем все моления твои;  
Верные радости там, что не ведают горестной  
скорби,  
Там же и мирный покой, с горем не слит  
никаким,  
Мир безмятежный, далéко войны и смятенье,  
и грохот,  
70 И изливается там, не иссякая, добро.  
Зависти честь не страшится, там скипетры  
и диадемы  
Блещут огнями сильней средь звездоносных  
небес.  
Там, наконец, и конец и начало всех благостных  
качеств,  
Там же и бог, чтоб ты мог зреть его  
и постигать.  
Если же дел столь великих тебя не трогает слава,  
Душу твою не берет значимость стольких  
наград,  
Пусть же хотя бы подвигнут мучения мстящей  
геенны,—  
Если любовь не ведет, страх пусть потащит  
тебя.



24.

ЭЛЕГИЯ ВТОРАЯ НА ЮНОШУ,  
ГИБНУЩЕГО ОТ РОСКОШИ,  
А ТАКЖЕ НАПОМИНАНИЕ О СМЕРТИ

Глупый, что с юных годов ты себе измышляешь  
надежду,  
Рад, что еще далеки старцев дрожащие дни;  
Жизни тебе предстоящей считая безмерные годы,  
Жизнь до седой головы ты обещаешь себе.  
А между тем предаваться излишествам хочешь  
желанным,  
Милым ты радостям рад плоти бесстыдной  
своей?  
И пока рок,— говоришь,— позволяет счастливый  
и возраст,  
Будем на всяческий лад тешить желанья свои.  
Пусть ликование будет, пиры, хороводы, услады,  
10 Плески, объятья, любовь и поцелуев восторг,  
И наслажденья Венеры, и нежного огонь Купидона,  
Пусть и забавы придут с шутками к нам без  
числа.  
Пусть не отсутствует флейта, кифары пусть будут  
и лиры,  
Боль и забота — вдали, горести все — далеко.  
Вышним богам предоставьте о прочем о всем  
попеченье,  
И треволнение пусть праздных тревожит богов.  
Пусть проведем мы прекрасно досуги юности  
нежной,  
Пусть же зловредность забот капет в кипении  
волн.

Возраст используем свой, чтоб не втуне оставил  
остылых,  
20 Юность, ликуя, пока нежно цветет на щеках.  
Молви, несчастный, зачем на тростник опираешься  
хрупкий.  
Сломлен,— погибель тебе, срезан,— и ты  
упадешь?!  
Не на беглянку ли юность надеешься ты, и без  
толку,  
В мире огромном кого нет ничего неверней?  
Нота быстрее она, окрыленное быстрого Эвра,  
И быстротечней самих Гебра стремительных  
вод.  
Даже быстрее стрелы, со звящего лука  
слетевшей;  
Но опадает она раньше цветка по весне,  
Призрачной облачка также, обманчивей тени  
прозрачной,  
Снега, что в солнца лучах стает и станет водой.  
Птицы быстрее она рассекает неба средину,  
Юность цветет, как цветок, гибнет, как легкий  
зефир.  
Гибнет она, иль как дым растворяется в воздухе  
тонком,  
И постоянства у ней, нами возлюбленной, нет.  
Если пустое твержу, поучись у искусной природы:  
Вот наставляет она,— смена времен коротка.  
Ты посмотри, как повсюду пурпурным цветов  
одеяньем  
Блещет земля, как в поля нежно приходит  
весна.  
Дерево буйно растет, в свою облаченное зелень,  
40 И, возродившись, трава вьется в зеленых кудрях.

Красною кровью рожденья фиалок окрасились  
грядки;

Нежные розы вокруг острый окутали шип.  
Травы, поросшие густо, сверкают цветов  
многоцветьем,

Новой красой, наконец, всё заблестало кругом.  
Но подожди: вот проходит весны благовонное  
время,

Грозная стужа спешит вместе с ненастьем  
своим.

Не зеленеют луга и безлистное дерево скорбно;  
Кудри роняет листья лес утомленный с ветвей.

Пурпуром красных цветов уж не красятся грядки  
фиалок;

50 Розовых нет лепестков — шип заостренный  
торчит.

И, безобразны, поля на себя без травы непохожи,  
Гибнет негаданно вокруг всюду и цвет, и краса.

Так вот и возраста цвет, так неверно прелестная  
юность

Быстро проходит, увы, невозвратимой стопой.  
Рушится жизни пора, что страданий исполнена  
всяких,

Сгорблена, старость вослед шагом дрожащим  
бредет,—

Вся из тяжелых забот и болезней, печали несущих,  
С плачем и сотнею бед, нагроможденных

кругом.

Неумолимо виски осыплет она сединами,

60 Сморщит, лохматая, всю вислую кожу тебе.

Тело уж мертвое сразу тогда же покинет услада

И одаренности всей сила исчезнет и пыл.

Гибнет краса; погибают телесные силы живые,

Роза нисходит, увы, с некогда розовых щек.  
Лоб многолетние вдруг бороздят кочковатый  
морщины  
И уж в глазницах пустых темные гаснут глаза.  
Не подбородок, а ум твой размяк; ты уже обезьяна,  
Сам ты неведом себе и непохож на себя.  
70 Пыне иди, полагайся, несчастный, на юные годы,  
Всем упованиям твоим долгуя радость вещай,  
Если, однако, судьба тебе даст безмятежную  
юность,  
Если позволит она зрелых достигнуть годов.  
Но беспощадная смерть рада жизни молодые  
начатки,  
Часто и всходы ее, рано пресечь, погубив.  
Смертное все облетает она на Тартаровых крыльях,  
Словно огромная ночь кружит во мраке пустом;  
Тысяча пагуб кругом и болезней, внушающих  
трепет,  
Тысяча жал на плечах, в черный окунутых ид.  
Медные зубы ее непрестанно и страшно  
скрежещут,  
80 Алчно насытить стремясь голод неистовый свой.  
Ужас внушая, она за тобой на губительных  
стрелах;  
Хитрая, с петлей своей следом она за тобой;  
И не щадит ни красы, не щадит она юности  
ранней,  
Вечно голодная, жрет юные щеки она.  
Что ж, сомневаешься, глухой, словам моим этим  
поверить?  
Сам на свои лишь глаза ты полагайся тогда.  
Разве не видишь, что гибнут юнцы без разбора  
и старцы?

Вместе со слабым отцом — юноша, полный огня?  
Гибнет один до рожденья, сокрытый у матери

в чреве,

И саркофаг для него — матери бедной нутро.  
Гибнет другой, от груди материнской сладчайшей

оторван,

Гибнет ребенком один, юношей гибнет другой.  
Вот уже многих, горячих, из самых излишеств

средины

Смерть вырывает, мрачна, дротики бросив свои.  
Тут и скажи, о юнец, услаждениям преданный

ложным,

Где они, плоти пиры, прежние радости где?  
Где,— говорю я,— былая надежда на долгую

старость,

Время, которое ты поздним считал, но своим?  
Разве не все и внезапно час смерти похитил

короткий?

<sup>100</sup> За господином своим славы тщета не идет.  
Все словно облачка дым, словно сон убегает

бесплотный,

Так что ты мог бы считать: не было здесь

ничего.

Ты же, кому суждено искупить в вечном пламени  
вины,—

К водам Стигийским гоним, как многослезная

тень.

Этот конец — завершенье услад легковесного мира,  
Смех — на мгновенье одно, стоны — на веки

веков.

Значит, пока еще можно, подумай: что моря

волпенье

Для корабля, если он выброшен морем на брег.

Прежде, чем явится смерть, ты провиди ее  
приближевь.  
110 Так поступай, чтобы страх с нею к тебе  
не пришел.

25.

ЭЛЕГИЯ ТРЕТЬЯ НА СКУПОГО БОГАЧА

Также и ты, кто какой-то напрасной надеждой  
обманут,  
Скряга, все копишь свое, ненасытимый, добро;  
Сам ты к тому же дерзнул обещать себе жребий  
счастливый,  
Только б к молениям твоим милостив был твой  
сундук.  
Так покидают дома, так детей с дорогою женою,  
Родину из-за богатств так покидают свою.  
Ищут,— какая б земля ни лежала на самом  
востоке,  
Или какая ни есть скрыта в закатном краю.  
Скал не страшатся, Харибды, судам внушающей  
ужас;  
10 Буря, и та нипочем, Нотом в дождях рождена.  
В тысяче бедствий на море, среди тысячи бедствий  
на суше,  
Правдой, неправдою всей среди многоликих  
смертей  
Ищут зловредные деньги ценою забот неисчетных,  
Те, что добыты, сгубить могут хозяина их.  
Глупый, что новых предлогов ты ищешь с лицом  
одержимым?  
Что поднимаешь глаза лишь на вредящее им?



Пагубней денег не сыщешь,— чего тут дивиться,—  
скажу я,  
Более лютого зла мрачный не выдумал Стикс.  
Сами они и родитель и зол всевозможных  
кормилец,  
<sup>20</sup> Пластырь пороку, они — мачеха злая добру.  
Первыми страшные деньги внесли чужеземные  
нравы,  
Первыми деньги гадюк в мире рассеяли яд.  
В кражах, сокрытых от глаз, все чужое хватать  
научили  
И убиеньем родных дикие руки пятнать.  
К прелюбодейству, войне, грабежу, к нарушению  
клятвы  
Деньги влекут, и они сводню творят и разврат.  
Делают так, что и друг злодеем становится другу,  
Делают так, чтоб судья истины не разобрал.  
Учат и мачех они подмешивать лютые яды,  
<sup>30</sup> Деньги возносят лжецов, давят хороших людей.  
Злато рождает раскол, и тщеславье родится  
от злата,  
Тяжбы, предательство, гнев, гиблая зависть —  
от них.  
Даже и чувства людские они слепотой поражают,  
И ненасытный глазам голод внушают они.  
Гнев господина деньгами Ахар возбудил на евреев,  
Лепрой, как снегом покрыт, сгинул Гиезий за  
них,  
Именно деньги Самсона предали врагам  
филистейским,  
Усугубила жена хитрые ковы свои.  
Также и ты из-за денег, невинного агнца  
предатель,

40 В самой веревке хрипишь, горло обвившей твое.  
Что я твержу обо всем? Деньги — это единое чрево  
Всех преступлений, врата ада и к смерти стезя.  
Это нетрудно понять, ибо этому учит природа,  
Мощной преградой скрыв скопища вредных  
богатств.

Въяве золотая Церера на нивах открытых восходит,  
Вина, что радость несут, льются с обильной лозы,  
Яблоки спелые также золотятся на ветках открытых,  
Тучная, тысячу благ всем изливает земля.

Но природа сама, все явленья на свете провидя,  
50 Злые дары утаить от земнородных велит.  
В недрах сокрыла земных она груз вредоносного  
злата,  
Множество гнусных богатств в Стике погрузила  
она.

Так, повелела она, чтоб под мраморной гладью  
скрывались

Все самоцветы, водой путь потаенный закрыв.  
Но не дано даже тайне остаться сокрытой:

старанье  
Скряги находит ее, вырвыши из тайников.  
Да и куда не доходит неистовый голод? До самых  
Стикса теней, и во глубь рвется потока его.

С риском для жизни хватают добро, хоть оно  
и сокрыто,

60 Это — погибель людей, пища для всякого зла.  
Но, допустим, я лгу; но ты сам и испробуй,  
несчастный,  
Выгоды эти к своей выгоде (рад буду я).  
Но никакую из них, разве только случайно,  
тревогой

Ты не сочтешь. А ведь что, как не тревога она?

- Даже блаженный сундук, и тот тебя давит обильем  
Всяких вещей, что скопил ты из бесчисленных  
зол.  
Сысканы в страхе дрожащем, они, столь искомые,  
мучат,—  
Вот и надежда и страх давят, беднягу, тебя.  
Днем твой встревоженный дух неуверен в волнении  
вечном,
- 70 Ночь настает,— и тогда сам беспокоен покой.  
Да и не так, я сказал бы, терзают у Тития печень  
Коршуны, как у тебя злые желанья грудь,  
Что по заслугам тебя и богатым зовут,  
и несчастным,  
Как и Мидаса, кого деньги сгубили давно;  
Пусть даже все у него превращалось в желтое  
злато,  
Алчность желаний его алчности новой вина.  
После, богатства презрев, и в лесах, и в полях  
обитал он,  
Молвя,— великое зло — свойство великих  
богатств.
- Да и к тому же дельгам, что в злодействах  
накоплены стольких,
- 80 Жадности ни усыпить, ни облегчить не дано.  
Жажда жестокая злата растет с возрастаньем  
кубышки,  
И хоть набита она, большего жаждет еще.  
И как море везет все в заливы единого чрева,—  
Всем, что водой привезли, все же не сыто оно.  
И как обильная пища питает свирепое пламя,  
Так же и в алчной еде голод зловредный растет.  
Радость какая = ларцы распирает несчетной  
казною,

Если и дух твой себя сам не постигнул еще?  
Всякий алчущий — нищ, не имеет того, что имеет,  
И среди самых богатств алчный как нищий  
живет.  
Ломится стол от еды — он терзается голода мукой,  
Блюда пред взором его бешеный голод родят.  
От убегающей влаги вот также и Тантал  
страдает,—  
Глотка сухая его жаждет средь самой воды,  
Или же тот, кто утробой голодною все пожирает  
И, ненасытный вовек, члены съедает свои.  
Конченный, что серебро, что никчемное золото  
копишь,—  
Давит владельца сильней то, что не в радость  
ему;  
То, что готовит узду и ярмо для шеи плененной,  
В рабство ввергает тебя, бывшего вольным  
вчера.  
Ибо ты раб, раб вещей,— мне можешь поверить,—  
своих же,  
Каждый, повержен, лежит, страстью позорной  
сражен;  
Стражник — не господин, и не властвует — им он  
подвластен,  
Скряга-богач никаких прав не имеет на них.  
Ибо как только Фортуна наш мир повернет  
мимолетный,  
Все, что сегодня твое,— вмиг будет завтра  
чужим.  
День лишь единый тебя из Креза сделает Иром;  
Был ты безмерно богат, ныне от голода мрешь.  
Вообрази по безмерным желаньям безмерную  
прибыль,

- 110    Вообрази, что она твердо растет и растет;  
Что́, когда смерть подойдет, вещей последняя мѣта,  
Уж не пойдет ли добро за погребенным вослед?  
Пользу какую тогда принесет вещей изобилье?  
В Тартар нагим ты сойдешь и не вернешься  
назад.  
Все, что ты в поте добыл, пожрет тебе чуждый  
наследник,  
Кто, провожая, едва труп твой прикрыл  
лоскутом.  
Уж не считаешь ли ты, что судьбу ты обманешь,  
к молениям  
Неумолимую, день смерти, последний из всех?  
Мни, что обманешь, надейся, кого-нибудь если  
отыщешь,  
120    Кто от сокровищ своих вечную жизнь получил,  
И если в чем-то, хоть в чем-то и Крассу и Крезу  
богатство  
Помощь дало, и ни тот прахом не стал,  
ни другой,  
Если жестокая смерть не взяла Соломона —  
счастливица,  
И если не увесла Лаомедонта она.

26.

К ЛЕСБИЮ, ТЕМА О ДЕНЬГАХ

Коль достигнуть чего желаешь, Лесбий,  
Нет нужды находить тебе патронов,  
Если твой кошелек раздут от денег.  
Нет патрона, чтоб был он денег лучше.  
Если ж нет у тебя такой опоры,

- То напрасно, поверь мне, друг мой Лесбий,  
Цицерон защищал тебя бы самый.  
Ничего убедить быстрее не может,  
Ничего кошелька быстрее благого.
- <sup>10</sup> С ним, кем хочешь ты быть, тем будешь тотчас:  
Знатен, красноречив, красив ты будешь,  
Будешь непобедим, любим и мудр ты.  
С кошельком консул ты и император;  
Хочешь, сделает он тебя и богом,  
Равным Зевсу. Когда ж кошель набитый  
Тяжелить перестанут деньги,— снова  
Тем же станешь, кем был ты прежде, Лесбий.  
Так любезен своим друзьям ты будешь,  
Как, считаю я, к ним приходит первый
- <sup>20</sup> Воздержания день: ведь им приятна  
Лишь бутыль до краев, да кухни запах.  
Так, лишь только иметь не станешь, Лесбий,  
Ты шкатулки,— и вот не мил ты: денег  
Не даешь, и тебя не любят больше.

27.

ДВЕ СЕРЕБРЯНЫЕ СОЛОНКИ, ПОСЛАННЫЕ  
В ДАР НЕКОМУ АББАТУ МОНАХИНИАМИ  
МОНАСТЫРЯ, ВСЮДУ ИЗВЕСТНОГО КАК  
«ДОЛИНА ДЕВ»

Здесь мы солонки от «Дев из долин»; мы две без  
порока:  
Чистое этого все лишь и достойно стола.

28.

НАДПИСЬ НА ДРУГОЙ СОЛОНКЕ

Девственность — блеск серебра, а соль — это самая  
мудрость.

Дева дает серебро; отче, ты соли добавь.

29.

ЭПИТАФИЯ ОДИЛИИ,  
КОТОРУЮ НАДО ПРИКРЕПИТЬ  
НА КЛАДБИЩЕ ПОД ЗНАКОМ РАСПЯТИЯ

Мертва, живому шлет привет Одилия.  
Зачем бледнеешь, слыша речь загробную?  
Живому я, живая, шлю привет. И слов  
Жестокость в деле добром и благом к чему?  
Плохая жизнь — вот гибель, погребенье, ад.  
Так вот чего страшись ты, коли смерть страшна.  
Ведь для благих скончаться — значит вновь ожить.  
Ничто, и волос даже не умрет у нас,  
Коль не погибнет семя в плодном чреве жен,  
<sup>10</sup> Кому с благим приростом вновь рожать дано.  
Подумай-ка: скончаться — не родиться ль вновь?  
В могиле быть: не быть ли как посев в земле?  
Не за горами день, судьбой назначенный,  
Когда весной, — возьмется лишь Фавоний дуть, —  
Сухие эти кости, этот прах сухой  
Ростки дадут, воскреснув, из гнилых пустот.  
Заблещет вмиг, ликуя, эта нива тел,  
Кого расцвет вовеки никогда увясть  
Не сможет; и в надежде лишь на то земля  
<sup>20</sup> Останки эти в лоне все своем хранит.  
Но ум, отбросив этот тленный плен оков,

Живет, хоть и невидим, и тебя вблизи  
Он чувствует и видит,— и трикрат сильней  
Награды жизни прошлой по заслугам взяв,  
И жатву пожиная, что посеял он.  
Всех нас известен жребий, но сокрыт от вас,  
Благая часть от членов сохраненных вокруг  
Мольбы, летая, ловит проходящих здесь,  
Чтоб от грехов, что надо смыть, очищена,  
<sup>30</sup> Набравшихся в земном прикосновении,  
Чиста, могла достигнуть неба чистого.  
Их облегчай молитвой непрестанною  
И помни: ты дождешься смену скорую.  
А жертвы высоко с креста свисающей  
Молить и смерть, молить и раны надобно;  
И коль живым из этого источника  
Прощенье будет, будет и усопшим всем.  
Коль дальше поспешаешь, словом вымолив  
Покой и утешенье, ты ступай, себя  
<sup>40</sup> Готовь могиле: скоро твой черед. Прощай.

30.

ПЛАЧ ЕЕ ЖЕ  
ОБ ОСТАВШЕМСЯ В ЖИВЫХ СЫНЕ

Сказано было, что имя Одилия мне у священных  
Вод, и ты видишь, что сын ныне единственный  
жив.  
Прочее схитила смерть, и лишь прах мой и кости  
сухие  
Мать — земля у себя в лоне лелеет своем.  
Лютая смерть, что достойно в тебе, коль тебя  
не умолим,—



Мило тебе разрывать то, что связала любовь?  
Это ничто ведь — из тела исторгнуть жизнь

дорогую:

Нечто ведь сладостней есть сладостной жизни

у нас.

Ты, нечестивая, можешь от сына отторгнуть

родную

<sup>10</sup> Мать, или можешь еще сотню ты уз разорвать.

Тех, кто природой могучей, и кроме тебя

всепобедной,

Редкою верностью кто, кто и любовью своей,

Кротким характером также, согласиём

единодушным,

Узами столь хорошо столькими соединен,—

Ты, чтобы их разлучить, губишь мать без родного

залога,

Так моя лучшая часть осиротела теперь.

Благо, что смерть наша рушит, твоя же, Христос,

возмещает

И больше блага дает, чем наша делает зла.

31.

ОТВЕЧАЕТ СЫН ПОД ИЗОБРАЖЕНИЕМ  
РАСПЯТОГО ХРИСТА, МОИСЕЯ И ЗМИЯ

Быстротекущая жизнь не надолго дает нам

разлуку:

Вот, беспристрастная смерть, что отняла,

то дала.

Двух благочестье одно сочетало когда-то, как ныне

Также обоих одна прах укрывает земля.

Лица обоих видны на одной и той же картине,—

Это у смерти взяла щедрым талантом рука.  
Ты же, смотрящий, о доле для всех одинаковой  
помни,  
Прямо от сердца излей мертвым моления свои.  
Смерти смиритель, Христос, созидатель  
немеркнувшей жизни,  
Смертью своей возроди непреходящую жизнь.  
Ты — тот священный утес, что жезлом ударенный  
круглым,  
Дал для народов живых бьющий струею родник.  
Ты же — спасительный знак змеи на древе  
известном,  
Что укрощает весь яд древнего змия собой.  
Ведь и сейчас для благих тот источник  
немеркнувшей жизни  
Кровью бьет и водой прямо из взрытой груди.  
И от дыханья его бездыханное снова теплеет,  
Он же позорное всё разом смывает с души.  
Значит, с такими дарами и сладким залогом, имел  
<sup>20</sup> Мать одесную, Христос, паству свою охраняи.

32.

ЭПИТАФИЯ ЯНУ ВАН ОКЕГЕМУ,  
ВЕЛИЧАЙШЕМУ МУЗЫКАНТУ

Так неужели умолк  
Тот глас, славнейший некогда,  
Глас Окегема златой?  
Так музыки угасла честь?  
Ну говори, говори  
На струнах скорбных, Аполлон,

И Каллиопа сама,  
Одета в траур, с сестрами  
Слезы священные лей.  
<sup>10</sup> Скорбите, страстность милую  
Музыки взял он с собой.  
И мужа восхвалите вы:  
Да, Аполлоновых чар  
Он был священным Фениксом.  
Злая, что делаешь, смерть?  
Умолкнул голос — золото,  
Золото — голос того,  
Кто скалы вел бы пением:  
Гибкий, искусный напев.  
Не раз в прозрачной ясности  
В храме взносившийся ввысь  
Ко слуху небожителей,  
И земнородным мужам  
Сердца глубоко трогавший.  
Знал, что делаешь, смерть?  
Как здесь к нему пристрастна ты,  
Кто беспристрастна ко всем!  
Ты без разбора многожды  
Дело губила людей;  
Но божье дело музыка,—  
Что же ты богу вредишь?

33.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ О ДОМЕ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ  
ХРИСТОС, И О БЕДНЫХ РОДАХ БОЖЕСТВЕННОЙ  
ДЕВЫ МАРИИ, СЧАСТЛИВО НАЧИНАЕТСЯ

Что же доселе идем мы за зрелищем давних  
деяний?

Сюда, сюда стремитесь все.

Дом этот, что в запустенье стоит под соломой  
грубой,

Даст новое нам зрелище,

Прадеды в оное время какого еще не видали

И не увидят правнуки.

Он, кто громом своим в трепет землю и небо  
приводит,

Кричит и хнычет маленький;

Он, величайший ребенок, огромного мира владыка,

<sup>10</sup> Сосцы вкушает девичьи.

Я бы сказал, что дворцы императоров Рима  
не больше,

Чем эти ясли, счастливы,

Ни Соломоновы храмы (огромные пусть),  
ни золотые

Дворцы тирана Лидии.

Здравствуй прославленный дом, что и самого неба  
блаженней,

Святые роды видел ты.

Зависти полпы к тебе пусть Юпитера ложного  
храмы,

Что горды истуканами.

Пусть колыбели святой и Египет завидует, свергнет

<sup>20</sup> Она постыдных идолов.

Богу не меньше угодна ты тем, что сквозь щелей  
зиянье

Ветра́ приемлешь с ливнями,  
Что без удобств и в покрове нуждался, на сене  
колючем

Родишь дитя румяное.  
Ложе такое Христу подобало в рождении, чтобы  
Пришел он, тот, кто отучил  
Нас от гордыни, от роскоши с ней и от всяких  
пороков.

Не блещут багряницы здесь,  
Или из листьев венки, и ни факелы, с молниями  
схожи,

Ни стол дорогостоящий,  
Дом не шумит, горделив от обилья прислуги,  
и ложа

Не тешат здесь родильницу.  
В яслях на жестком младенец лежит, обернут  
в лоскутья,

Но живостью божественной  
Блещет и, плача, кругом сиянье отца излучает.

Скоты, и те почуяли  
Бога,— и в меру свою дыханием теплым смиряют  
Декабрьский холод мальчику.

Вот на свирели пастух, козам прежде игравший,  
играет

40 Пусть безыскусно — благостно.

Тут и небесные сонмы порхают вокруг колыбели,  
Как будто в дни весенние  
Сонмища пчел, что царя — вырожденца прогнали,  
и ныне

Владыке рады новому,

Крыльями плещут и всем восхваляют высокого  
сынмом;

Так толпы небожителей  
Вкруг вождя своего, лежащего, диву даются  
И чтят, склонивши головы,  
И у ясель звучит песнь, что дню подобает  
рожденья.

<sup>50</sup> Меж тем супруг стыдливейший,  
Павши, трепещущий, ниц, великого славит питомца.  
А после дева, славного  
Зрелища добрая часть, с неподвижным застывшая  
взглядом,

Сама себя не чувствует,  
Вместе дивясь и себе, и своим, породившая, родам,  
Супругу не обязанным.  
Но материнская благость отбросила оцепененье,  
И подтвержденье милое  
То обнимает она, то дает ему грудь, чтоб  
не плакал,

<sup>60</sup> То на коленях зябкого  
Теплых лелеет, нежна, и губкам дает поцелуи.  
То жмет его к своей груди,  
То своим шепотом тихим в нем нежные сны  
вызывает.

И ты взаимно да узришь,  
Как счастливая мать гордится божественным  
сыном,  
А сын тот — девой — матерью,

34.

ОДА В ПОХВАЛУ БЛАЖЕННЕЙШИХ АНГЕЛОВ  
СЧАСТЛИВО НАЧИНАЕТСЯ. ОБРАЩЕНИЕ,  
ОХВАТЫВАЮЩЕЕ ВЕСЬ ЗАМЫСЕЛ

Первый в небесах, Михаил, и души  
Все святые, пусть вам угодно будет,—  
Просим,— чтоб мольбам благосклонно вяло  
Вышнее небо.

Но молящих чтоб,— пусть и по заслугам,—  
Не был глас презрен, от твердыни светлой  
Пусть слетит сюда Серафим, сверкая  
Пламенем крыльев.

Кто в огне святом алтаря, в пыланье,  
<sup>10</sup> Уголек живой, как когда-то схитив,  
Пусть к устам его он приложит нашим,  
Лица осушит.

Пусть испепелит он порока бледность,  
Праздную души изгоняя вялость,  
В огненных рядах пусть звучит (как должно)  
Пламенем слово.

А затем и ты, Михаил блаженный,  
Песнопений тех восприми начало,—  
При таком вожде — триумфатор вечный  
<sup>20</sup> Воинство неба.

Ты сверкаешь в нем, как пироп сверкает  
Средь других камней благородных, или  
Как средь звезд родных красотой Люцифер  
Огненный блещет.

Власть над смертью всю и над жизнью также  
Передал тебе повелитель мира;  
Можешь добрых ты охранять, негодных  
Смертью карая.

- Ты защитник наш, за благих ходатай,  
30 В божьем храме ты средь святилищ чистых  
Виден, держишь там ты в деснице полный  
Ладана ларчик.  
Благовонный дым, что над ним восходит,  
Достигает пусть громовержца трона  
И да будет мил обонянью бога  
Дар испаренья.  
Благостные ты поселяешь души  
В радостных краях, и далеко слышным  
Песнопеньем ты, пробудив, исторгнешь  
40 Мертвых из праха.  
Плеск какой звенел в благочестном сонме,  
Когда небо все сотряслось паденьем:  
Пал коварный змий и противник ярый  
Не без сраженья.  
Семь горящих вдруг до небес высоких  
Зевов он своих (все оцепенели)  
Стал вздывать, и змей набухали шеи  
Сотней тройною.  
В огненных глазах полыхало пламя,  
50 Монстр Авернский яд выдыхал зловеще,  
Молниям сродни изрыгая пастью  
Огонь со смолою.  
Но тебя ничто не страшит в грозящем  
Чудище, смилив его силой вышней,  
Ты велишь, чтоб он возвратил добычу  
Высям небесным.  
Под крыла твои, что сверкают медью,  
Мчится та, полна радости и страха,  
Словно птица, что избежала только  
Лапы когтистой.  
Чтобы страха ей не знаять, зловещий



Низвергаешь труп, и висит, свисая,  
Этот жуткий груз, и земля отверзла  
Тартар бездонный.

У Пелора так Сицилийский берег  
Виснет над водой высотой своею,  
И, страшась его, раздается море,  
Разом отпрянув.

Там, цепей своих укрошен железом,  
70 Он главой трясет, что приводит в трепет,  
Карами грозит и взъяренный катит  
Тщетную злобу.

Вышней ты храним, Михаил, десницей,  
Новые тебя ждут рукоплесканья  
И, бесчестный, зла не родит Антихрист  
В мире спасенном.

Этот свет и тот ликованья полны,  
Уж хвалы поют, и эфир высокий  
Рад тебе, равно и земле на радость

80 Славный заступник.

Там среди торжеств песен чистых звуки,  
Здесь же, так как все в беспорядке полном,  
Бренные, мы, слив с песнопеньем пени,  
Молим смиренно.

Видишь, сколько бед нас теснит жестоко,—  
Признаемся, мы заслужили это,—  
Ах, слепцы, века мы теряем, тратя  
В войнах преступных.

Коль не зря о нас ты заботу привял,  
90 Коль блаженный мир по тебе недаром  
Назваи, изгони далеко безумства  
Войн кровожадных.

Сделай так, молясь, чтобы царь Олимпа

В ножны меч вложил, состраданья полный,  
Пусть он мир нам даст и воздаст покоем  
Землям усталым.

35.

ОБ ОСОБЕННОЙ ХВАЛЕ  
АРХАНГЕЛА ГАВРИИЛА

Как тебя воспеть, Гавриил, достойно,  
Вышний сонм кого чтит по праву первым,  
О, ближайший ты громовержца — бога  
Оруженосец?  
Битвами его ты, отважный, правишь;  
Лучше ведь никто не хранит оплота  
Нравственных людей и не ломит злобных  
Ярые силы.  
Храмов святость ты охраняешь; древле  
<sup>10</sup> Вестником тебя о грядущих бедах  
Тот познал, кого льву лизать приятно  
Пастью отверстой.  
Пред Захарией, тем супругом старым,  
Ладаи кто курил, как залог потомства  
Позднего,— пред ним изумленным стал ты —  
Вестник нежданный.  
Что об этом всём мы поем суетном?  
Сладко помнить, что был подобный вестник:  
Радостней его ничего не ведал  
<sup>20</sup> Мир этот скорбный.  
Не было тогда ни спасенья, даже  
Ни надежд спастись, но, ишед от Стикса,  
Смерть, людей в полон захватив, стирала  
Незащищенных.

И творец тогда об искусствах новых  
Думая,— чтоб мир человек постигнул,  
Лишь тебя призвал, Гавриил, на помощь  
В деле великом.

«Полети к земле,— говорит,— приветствуй  
30 Деву: скоро та матерью мне станет.  
Тайну сохрани, чтоб не вызнал это  
Недруг лукавый.

Дело так сверши». Это лишь промолвил  
Он, а ты, скользнув, рассекаешь плавно  
Птицы-облака, опереньем пестрым  
Небо украсив.

Солнце блещет как, разгоняя тучи,  
Так сверкает он,— об Ириде древней  
Память,— и кругом окаймляя небо  
40 Блеском одежды.

И его полет в правой части неба  
Видит враг-дракон, взгляд скосив, на землю  
Навалясь, теснит широко и желтой  
Частью бледнеет.

Быстрый, ты достиг Назарета кровель,  
И, сойдя в покой благочестной девы,  
Царственные ей сообщасшь вести,  
Радостен ликом.

В затрудненье здесь наша лира,— славить  
50 Мир ли ей теперь, что от зла свободен,  
Бога или ту, что несет во чреве,—  
Дивный, тебя ли,

Ведавшего все? По заслугам к вышним  
Призван ты делам, и тебе святому  
И счастливцу лишь одному пристало  
Долг сей исполнить.

Здравствуй добрый наш мирносец, первым

Ветвь оливы нам приносящий, ныне  
Возвести времен наступленье лучших  
60 Тонушим землям.

36.

ОБ ОСОБЕННОЙ ХВАЛЕ РАФАИЛА

Ты средь первых здесь, Рафаил ближайший,  
Будь воспет: не мал ты в небесном чине,  
К первым двум себя как их спутник славный  
Ты причисляешь.

Людам благо ты и лекарство, древле  
Силою твоей средь событий скорбных,  
Лишь прозрев, узрел возвращенье сына  
Товия снова.

Сын не только был невредим, деньгами  
10 Был богат, богат многолюдной свитой,  
Был несметным рад он стадам и рад был  
Новой супруге.

Фебов род и всех Фебовых потомков,—  
Каменных богов почитал язычник,  
Думая, что те принесут спасенье  
В грозных недугах.

Больше мы теперь чтим тебя, кто может  
Даже тени вновь возвратить от Орка  
Черного, и жизнь уж в остывших жилах

20 Снова посеять.

Лечишь ты тела и умы целишь ты,  
Помощи творец, от заразы лютой,  
Что, увы, на нас ополчилась яро,  
Землю очисти.

37.

ОБО ВСЕХ АНГЕЛАХ

Не смолчу о вас, о вождах небесной  
Рати и о всех остальных владыки  
Воинах того, кто в просторном мире  
Здесь вседержитель.

Тройственный, тройным окруженьем вашим  
Опоясан он трижды справа, слева,  
Как вокруг луны молчаливой ночью  
Звезд окружение.

О девятикрат кто блаженны славой,  
<sup>10</sup> Чей покой вовек не пугают беды,  
Ибо верный сонм одаряет счастьем  
Видающих бога.

Жалкому тому жребий ваш на зависть,  
Издали не раз, скрежеща зубами,  
Смотрит вверх на то, что утратил, каюсь  
В наглости гиблой.

Некогда, похож на вечерний светоч,  
Золотился он среди звезд бессмертных.  
Но затем взалкал диадемы царской  
<sup>20</sup> Дерзостный воин.

И о троне уж помышляя в сердце,  
Огненным копьем он с послушной сворой,  
Нанеся удар, устрасил крушеньем  
Мир неокрепший.

Часть упавших вниз Стикс пустынный принял,  
Лучших рощи в сень приютили, спрятав,  
Большинство туда и сюда толпою  
Мечется в страхе,

Гуще, чем в садах Кекропейских, звону  
<sup>30</sup> Внемля, что идет от кимвалов звонких,

- Вылетает рой, чем с небес на землю  
    Падает ливень.  
Бьется за одно она, сна не зная,  
Вся на злой порыв полагаясь, чтобы  
Честных разобидеть, их разбить, сгубивши  
    Смертью двойною.  
Ах, какой грозила она бедою,  
Если бы пред вашим она отпором  
Не сломила ярость и злую волю  
40 Пагубу сеять!  
Нас, рожденных всех, оборона ваша  
Приютит, пока свет не воссияет.  
Верую в нее, ни во что не ставим  
    Ярость врага мы.  
Невредимы, с ней мы плывем по морю,  
Безопасны, Альп переходим кручи,  
С нею мы живем, умираем с нею,  
    Страха не зная.  
Даже крепким вы придаете силу,  
50 Знаете, как стон облегчить тревожный,  
Как прийти затем, возвещая счастье  
    Чистым душою.  
Граждане небес, не за то ль, изгой,  
Чувствуем мы все попеченье ваше,  
Чтобы, внемля вам, не корить вовеки  
    Жребий суровый?  
Часто, весть неся, вы летите всюду,—  
Высотой небес и землю низкой;  
От нее мольбы вы несете жалоб,  
60 Милости — с неба.  
За величье всех этих благ мы можем  
Вам одним воздать — благодарной музой,  
Песенным за то мы отплатим даром

В храмах священных.  
Во святые дни наступленья года  
Окружает дым здесь святые лики,  
Здесь и хор поет, воздевая длани  
    В жарких молениях.  
Пусть всегда они до отца доходят  
Вышнего, и пусть через вас,— мы молим,—  
Сбудутся они, о покров и помощь  
    Христорожденных.

38.

К ГАГУИНУ, ЕЩЕ НЕ УВИДЕННОМУ

Что же шлют вас теперь пред лик достойный  
Гагуина, Камен плохих и слабых?  
Вы дрожащими, бледными предстали,  
Словно Парменион Теренцианский,  
Связей ищите все: Кто? Что? Куда же?  
Вас одних избегает Гагуина  
Слава, чьи величайшие творенья  
Мир огромный познал, дивясь, их ценит?  
<sup>10</sup> Значит мы, неотесаны и грубы,  
Мы в такие вторгаемся чертоги,  
В дом отца, что учен, высок и мощен.  
Неотесан, в ком нет стыда ни капли,  
Неотесанней — кто стыдлив не в меру!  
Кем, скажите, считаете Роберта?  
Не трагической маской? Бойтесь душу  
Утонченную знаньем столь нечастым  
Вы по меркам обычным черни мерить.  
Связь бесспорная есть у граций вольных  
<sup>20</sup> С Аонийских сестер прелестным хором.

Страх напрасный в душе своей уймите  
И к поэту ученому приблизьтесь,  
Вас, пусть вы неотесаны и грубы,  
Примет ласково он и благосклонно,  
И с лицом и приветливым, и ясным.  
Коль, приветом взаимно обменявшись,  
Станет спрашивать он: «Откуда? Чьи вы?» —  
Да не будет вам стыдно край назвать свой  
Грубый или наставника — невежду.

<sup>30</sup> Если спросит, зачем пришли: с моленьем,  
Чтоб создателя песни сей представить  
И чтоб песню он принял и ответил.

39.

СТИХОТВОРЕНИЕ НА «АННАЛЫ» ГАГУИНА  
И «ЭКЛОГИ» ФАУСТО, ПИСАННОЕ ОСЕНЬЮ  
В ДЕРЕВНЕ

Только недавно, когда по лесистого берега краю  
Я проходил орошенной травой,  
Через приятное шел молчаливого леса безмолвье,  
Сладостным тронутый в сердце восторгом,  
Рощи, ключи, жизнь в деревне по сердцу  
презревшему были  
Дымные кровли с толпой ненавистой;  
Вместе с Мароном моим я в долинах Гема  
прохладных,  
Вставши, молился и трижды и больше;  
Вдруг, излучая сиянье, с Венерой прекрасною  
схожа,  
<sup>10</sup> Талия, Фаусто, твоя предо мною.



Узнапа тотчас глазами моими, ко мне, улыбаясь  
Нежно, свой ласковый лик обратила.  
Остановилась лишь только: «Чем занят мой  
Фаусто,— спросил я,—  
Иль Гагуин мой, прославленный всюду?»  
«Здравствуют оба и каждый Эразму предан  
всецело,  
То же иль лучшее молят Эразму». —  
«Рад я. Скажи-ка, что оба они замышляют, что  
школа  
Франков пропеть иль прочесть бы сумела?  
То, полагаю, что каждый с полей плодоносных  
и щедрых  
20 Снять уповает как дар ежегодный  
И урожай свой». «Во-первых, Роберт твой  
известный равняет  
В речи свободной колена и славу  
Франков, а равно и их королей жесточайшие  
битвы.  
Нет уж того, в чем бы Галлия ныне  
Стала завидовать Лацию даже, когда у самой есть  
Ливий — в одном, во втором же — Саллюстий». —  
«Что тот поэт твой готовит еще? За какое творенье  
К Фаусто питает он черную зависть?  
Или молчит он, стремясь возродить взаимным  
покоем  
30 Нивы, что в долгих трудах истощились?»  
«Тот же, счастливец, проводит досуги, которым  
когда-то  
Сам Сципиад предавался обычно,  
Город оставив, один,— не один средь полей  
молчаливых,  
В славном труде он проводит досуги.

Да, он один средь холмов и среди виноградников  
галльских

Бродит, скиталец, в полях Парижских.  
Спутники кроткие с ним, что в деревне так рады  
Камене;

Там, до конца Аполлоном плененный,  
Новую песню свою, что достойна и муз, и поэта,  
Он напевает на сельской свирели,  
Песню, какую с собой, не страдая, сравнил бы сам  
Тигир,

Кто под раскидистой буковой сенью  
Музу лесную тревожил, играя на тонкой свирели;  
Песнь, что стада полонила и пашни,  
Песнь, что в горах прямоствольный склонила бы  
ясень, сумела б

Скалы смягчить и поток обездвижить;  
Кроткими сделать она и волков бы сумела,  
и тигров,

Даже смягчила б подземное царство.  
И наконец,— что так мило тебе,— чиста эта песня:  
<sup>50</sup> Ливни нет в ней и нет в ней Колумбы,  
Здесь к Алексису — красавцу нигде Коридон  
не пылает,

Нет и Филлиды в творении целом.  
Все это только одобрит суровой Сорбонны цензура  
— Много у ней всевозможных Катонов! —  
Все это детям учитель не стал бы стыдиться  
поведать

В розгобильном своем помещенье.  
И Ипполит прочитал бы родителю с сердцем  
суровым!

Трижды счастливым сочтется и больше,

Всякий тот Галл, всякий Вар, Поллион поистине  
всякий,  
Если свирелью воспел его Фаусто.  
Здравствует пусть и, навеки известен, со славною  
песней  
В четырехстранном он славится мире!»

40.

РОБЕРТУ ГАГУИНУ  
ПЕСНЬ О СВОЕЙ УЧАСТИ

Дивлюсь, какие звезды мне  
При рожденье моем мрачный струили свет,  
Моя отрада, Гагуин.  
Ведь по праву же всем, что совершаю я,  
Созвездья правят вышние;  
В первый раз на меня, лишь я увидел свет,  
Средь жалоб писка детского  
Красноватой звездой грозный Юпитер сам  
Взглянул и, неприязненна,  
Смех Венера — звезда блеском излила мне.  
Меркурий лишь стремительный,  
Издаেকে сверкнув среди блестящих звезд,  
Благой, дары навел мне;  
Но завидуя мне, старец с косою, и тот,  
Вулкану кто соперник был,  
Их лишили меня — хладный и пламенный.  
Иль земнородных жребием  
Три богини тройной волей командуют?  
Досталась мне тягчайшая  
20 Жизни нить. Из богинь, верим, крылатая  
Всем на земле ворочает.

На погибель свою, бедный, конечно, я  
Поклялся сокрушить ее,  
Поликрата себе долю счастливого  
И Суллы, дерзкий, не молю.  
Сам Арпинский не раз, и незаслуженно,  
Судьбу свою клял консул тот,  
Ту, что столько удач, столько приятного  
Злом мелочным испортила.  
30 Тот же — сущий мужлан, дела не знающий,  
Борьбы с превратной жизнью,  
На непрочность даров сетует кто судьбы.  
Того счастливым я зову,  
Кто умеет смягчить бед настоящих зло  
И помнит благо прошлое,  
Верит кто, что придет снова, что минуло.  
Меня ж от груди матери  
Рока тяжкого ход и беспощадного,  
Не преставаая, мучает.  
Я бы счел — на меня ларчик обрушился  
Весь Прометей дерзкого  
И все мрачное то, тяжелое все, что есть  
В жилище черном Тартара.  
Что, увы мне, за бог малым завидуя  
Певцам, какой-то гений злой,  
Иль Юнона, ко всем музам враждебная,  
Все бьет по голове моей?  
О, рожден для судьбы более радостной  
Гагуин, ты мне дважды честь,  
Коль не презришь теперь скромного друга ты,  
Не весь несчастным буду я  
И не сдаться душа тягостным бедствиям.

41.

УТРЕХТСКОМУ ЕПИСКОПУ ДАВИДУ,  
ПОВОЧНОМУ СЫНУ ГЕРЦОГА БУРГУНДСКОГО

Пастырь здесь погребен, и Давид он не именем  
только,—  
Сын твой, великий Филипп, стоит отца своего.  
Он свою паству лелеял не меньше, чем с благостью  
отчей,  
Мир возлюбя, он добру благоволил и уму.

42.

ЕМУ ЖЕ

Здесь тот Давид, что Филиппу был герцогу сыном  
похвальным,  
С отчей любовью он паству лелеял свою.

43.

ОДИННАДЦАТИСЛОЖНИК ЭРАЗМА  
К СТУДЕНТАМ

Всем, кто друг и благой, и чистой музы,  
Он — услада; и нет совсем здесь скверны,  
Иль того, что бы яд прикрыло медом:  
Славит только Христа Вильяма лира.

44.

НА ИСПРАВЛЕНИЯ ВИНЦЕНТИЯ  
ПРОТИВ ИСКАЖЕНИЙ ИСПРАВИТЕЛЯ МАЛЛЕОЛА

Больше, чем я захотел позволить Варию с Туккой,  
Против музы моей темные толпы вершат.  
Этот чернит и карнает, тот к пурпуру ладит  
лохмотья,—  
Нет и страницы одной, чтоб без изъянов сочли.  
Или недавно какой потрясен был я пакостью  
гносной,—  
Грязный Маллеол меня бедного жал и теснил.  
Этот бездельник пока вытряс грязь на меня  
и умножил,  
И пока тряс он старье, грязи подбавил еще.  
Блеск им украденный тут возвращает Винцентий  
отделкой  
<sup>10</sup> И украшает его, индексы книге придав  
Жажду, пусть здравствует мой отомститель  
Винцентий вовеки,  
В скверном да сгибнет огне этот Маллеол —  
чума.

45.

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ, КОТОРАЯ НЕКОГДА БЫЛА  
НАЗВАНА АЛЬБИОНОМ, А НЫНЕ ЗОВЕТСЯ АНГЛИЕЙ,  
РАДУЮЩАЯСЯ ДОБЛЕСТИ НЕПОБЕДИМЕЙШЕГО  
КОРОЛЯ ГЕНРИХА И ВЫДАЮЩЕМУСЯ ТАЛАНТУ  
КОРОЛЕВСКОГО ОТПРЫСКА

*Говорит Британия*

Если великих богов позволено милости славить  
И радость находить в дарах достойнейших,  
То почему не могу я назвать свою землю  
счастливой?

Достойн бед, кто благ своих не ведает.  
Индии гордость далекой — ее руноносные рощи,  
Араб привык гордиться благовоньями,  
Ладаносным пескам богатая рада Панхоя,  
Златой рекой земля иберов славится.  
Нил семиустьем своим процветание дарит Египту  
<sup>10</sup> И вина прославляют Рейна жителей.  
Африки гордость обильной — ее плодоносные  
недра,  
Кто гаванями славен, кто — товарами.  
Нет у меня ни в ключах, ни в реках больших  
недостатка,  
Ни в тучных пашнях, ни в лугах смеющихся.  
Я плодovита людьми, изобильна металлами, зверем;  
Не хвастаюсь, что всюду огибающий  
Щедро богатства дает Океан мне и дружество —  
небо,  
Что воздух так нигде не веет сладостно.  
Феб не спешит у меня погрузиться в закатные  
воды,  
<sup>20</sup> С его сестрою входят ночи светлые.

Разве могу пренебречь я шерстью хваленного  
Бета,  
Где руно мягче белых агнцев жертвенных?  
Да и твои, о Мемфис, презирать чудеса я не мог бы,  
Но больше слава та и справедливее,  
Что прославлена я, Британия, Грецией, Римом,  
Что древностью вторым я миром названа.  
Но я не хвастаю этим: то было давно, а сегодня  
Султан на шлеме я взношу торжественно,  
Ведь у меня есть король — честь славнейшая  
славного царства,  
Король — одно лишь чудо века этого.  
Он одинаково сведущ в искусстве Паллады и Марса,  
Он битв знаток, но мир ему возлюбленней.  
Прочим прощая, себе ничего не прощает,—  
правленьс  
Для всех — вольнее, для себя — суровее.  
Он полагает, что так будет лучше всего для  
отчизны,  
Он к добрым кроток, страшен лишь  
преступникам.  
Дециям не был свой Рим, своя Аттика Кодру  
дороже,—  
Отчизна, что из бедствий рока вырвана.  
У божества и у неба такое величье, какого  
40 Не знали ни Метелл, ни муж Эгерии.  
Не было меда в речах у властителя Пилоса слаще,  
Не больше ум, не выше был у Цезаря.  
Не было у Мецената десницы столь щедрой  
в дареньях,  
Иль воздержанья от кровопролития.  
Произошел, как считают, Эней от лона Венеры,  
А Сципион родился от Юпитера;



Что, если б эти века моего короля увидали,  
С лицом прекрасным, с сердцем

превосходнейшим?

Не заключили б, что сам помогает людям Юпитер,  
Здесь, в нашем скрывшись теле человеческом?  
Будет всегда для меня он подобен великому богу,—  
Отец златого века, Аполлон он мой.

Всходит — и век из пределов моих исчезает  
железный,

Вернувшись, зло Астрея все рассеяла.

Именно так на всем небе созвездия меркнут,  
бледнея,

Титан лишь заблестает ликом огненным.

Януса можно уже запереть, жить долго в покое

При столь могучем мира защитителе.

Бедная я! Что ж, Юпитер, не дал ты ему  
бесконечных

Годов, все давший прочее?

Наши боги хотят превзойти земные уделы.

И коль молитвам внемлют небожители,

Поздно поистине пусть возвратится он в звездные  
выси,

Пусть поздно Парка нить обрежет смертную.

Кончил со смертью Алкид труды свои, полные  
славы,

Но небо добрым королям назначено.

Боги тогда пусть его обретут, когда Нестора годы,

Когда он старость превзойдет Титонову.

Но для меня пусть живет он, пока августейший  
потомок

<sup>70</sup> Не даст нам имя, лик и ум родителя.

Пятое в царских чертогах уже подрастает  
потомство:

Три — королей отцы, две ж будут матери.  
 Так же, как в Пестума куцах, весной обновленного  
 снова,  
 Возрастают розы от росы живительной.  
 Самый приятный цветок для прекрасной Венеры,  
 другой ведь  
 Не дышит и не блещет привлекательней.  
 Нет у других обаянья венков, сплетенных из розы,  
 Обвить власы достойной королевские.  
 Здесь, где веселое рвенье возрастившего их садовода  
 80 Сливает розы алые и белые,  
 Среди обилья шипов и алеет одна и белеет,  
 Как если б слить багрянку с костью белою.  
 Тот же у всех аромат и роса всех та же выводит,  
 И тот же куст, и прелесть та ж и молодость.  
 Та же и почва питает их влагою той же, лелеют  
 Их встерки и звезды те же самые.  
 Родственных два есть побега, которые дивным  
 оттенком  
 Разнообразят цвет и юность нежную.  
 Эта, едва рождена, вся под кожей скрыта  
 зеленой,  
 90 И легкий пурпур светится сквозь трещинку.  
 Та белоснежного лика едва выпускает вершину  
 И, раскрываясь, рвет одежды тесные.  
 Эта, покров разорвав, острый кончик весь свой  
 выдвигает,  
 Грозя раскрыть все лепестки стесненные.  
 Та, не прорвавши еще белоснежных своих  
 оболочек,  
 Лишь ветеркам вверяет силы слабые.  
 Белые тут лепестки заливаются пурпуром нежным,  
 Иль цветом брата, иль звезды окрашенным.

- Дважды шести лепесткам она, величайшая, рада,  
100 Являя кудри в Тирском блеске пурпура.  
Так не алеет и шерсть, что багрянкой окрашена  
дважды,  
И Феб, всходящий над волной рассветною.  
Роза не только улыбку прекрасную дарит прохожим,  
Но обещает семена златистые.  
Это — Арктур мой, кто горд своего названья  
значеньем,  
Кого являет словом он и доблестью.  
Видишь, какой в нем пример благородного облика  
виден,  
Как блеск ума в глазах живого светится.  
Ранняя мудрость не ждет медлительной зрелости —  
пылко
- 110 Природой годы обгоняет данные.  
Был вот таким Иссид и во всем с ним сын его  
схожий,  
Когда рубил он, мальчик, чудищ яростных.  
И когда спор на суде сумел его сын уничтожить  
И злую ложь искусной ложью выявить.  
Ближняя следует нимфа, которой даровано имя  
Жемчужины, в Персидском море выросшей.  
Знаменьем я восхищен и манящим сиянием камня  
И млечным целомудрием жемчужины.  
Камешек кругл и изыскан своей безупречною  
гладью,
- 120 В его природе — ничего нечистого.  
Родственность новая есть у жемчужины с небом  
пресветлым:  
Сверкает — ясным, светит солнцем облачным.  
Но моя дева благим предана божествам  
беспредельно —

Стремится к небу, а не к морю зыбкому.  
Если бы кто увидел, как резвится с нимфами дева,  
И брата, кто стрелу пускает легкую:  
Он — это Феб золотой, а она — серебристая Феба,  
Клянется пусть благими Феба светами.  
Вот уж и Генрих, дитя, родителя именем гордый,  
<sup>130</sup> При Скелтоне, святых начал наставнике,  
С самого нежного детства вникает в искусства  
Паллады.

В его лице отец так явно видится!  
Это ж отца отраженье блистало в Аскании древле,  
Так схож Ахилл был с дивною Фетидою.  
Некую славу сулит Мария названием самым  
Светила, никогда не заходящего.  
Но какой песней, Эдмонд, колыбель твою воспою я?  
Сюда, о сестры со златыми плектрами,  
Струнами тихие сны вы навеите своими ребенку  
<sup>140</sup> И фесценнини вы прозвучите песнями.  
Нимфы, его колыбель вы осыпьте приятно дарами,  
Все соберите травы благовонные.  
Кассию, кальту, тимьян и амброзию также  
с шафраном,  
Амом сирийский, майоран приятнейший.  
Тысячу видов цветов и тысячу разных расцветок,—  
Горит средь всех лишь роза величайшая.  
Алую, белую розу смешайте в венках  
благородных,—  
Ликует сын, цветам отцовским радуясь.  
Мальчику, Парки, молю, дайте белую пряжу на  
прялке,  
<sup>150</sup> Пусть жизни пить на ней течет счастливая.

46.

ПЕСНЬ-ИМПРОВИЗАЦИЯ

Что тебе было угодно излить красноречья источник  
Здесь, восхваляя меня,  
Скелтон, поэт, заслуживший отличия вечного лавра  
И украшение муз?  
Мы не прославили ведь ни сестер Пиерийских  
пещеры,  
Ни из источника муз  
Влаг не испили, какие уста изощряют поэтов.  
Лиру тебе Аполлон  
Дал, что украшена золотом, а сестры — звучащие  
плектры;

<sup>10</sup> И на устах у тебя  
Слаще Гиблейского меда само Убеждение бытует.  
И Каллиопа себя  
Всю на тебя излила; превосходишь ты лебеда  
песней;  
И уступает тебе  
Сам Родопейский Орфей со своею простертой  
кифарой.  
Ты вместе с лирой своей  
Можешь смягчить и зверей, и дубы непреклонные  
сдвинуть,  
Можешь течение рек  
Быстрое остановить, на пленительных струнах  
играл;

<sup>20</sup> Можешь и скалы склонить.  
Пред Меонийцем Гомером так греки в долгу, так,  
Вергилий,  
Мантуя — перед тобой;

Скелтону так своему, и уже признается он в этом,  
Бритов обязан предел.  
Первый из мира латинян камень он в Британию  
вывел,  
Первый он здесь научил  
Речи и тонкой, и чистой. С таким предводителем,  
Скелтон,  
Англия пусть ничего  
Не устрашится — и даже — поспорить с поэтами  
Рима.  
Здравствуй вовек и живи.

47.

ОБРАЩЕНИЕ СПАСИТЕЛЯ К ЧЕЛОВЕКУ,  
ГИБНУЩЕМУ ПО СВОЕЙ ВИНЕ.  
НАБРОСКИ БУДУЩЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Хоть у меня одного все блага небес и земные,  
Не явное ль безумие,  
Что, человек, к ложным благам, но к истинным  
бедам стремишься,  
Ко мне же — редкий, иль никто?  
Многих влечет красота, и меня нет прекрасней на  
свете:  
Никто не чтит красу мою.  
Полон я высшего света, в родителях я благороден.  
Зазорно разве мне служить?  
Я и богат, и готов и великое дать, и немало,—  
<sup>10</sup> Люблю просящих: где они?!  
Есмь и зовусь я терпением отца высочайшего:  
люди ж  
Совет со мною прѣзрели;

Я — и наставник: никто за учителем, мною,  
не идет;

Я — вечность: нет стремленья к ней.

Путь я, которым одним достигают неба созвездий,  
Но путник редкий им идет.

Хоть я единый создатель и жизни, и самая жизнь я,  
Что ж презираем смертными?

Вестнику правды не верят, надежд мне своих  
не вверяют,

<sup>20</sup> Хоть пет меня надежнее.

Я милосерден, готов сострадать, но ко мне  
прибегает

Едва ль бедняк какой-нибудь.

Я справедлив, наконец, и суровый неправды  
отмститель:

Едва ль кому внушаю страх.

Ты, кто бросаешь меня, человек, коль твоя  
беззаботность

До смерти доведет тебя,

Значит, ничто не прошло. На меня не вали свои  
вины;

Ты сам виновник бед своих.

48.

КНИГА, ПОСЛАННАЯ В ДАР

Что эту малую жертву робею дать другу большому,  
Ладана малость когда вышних пленяет богов?

49.

**НА СЛЕПОГО КОРРЕКТОРА ТРАГЕДИЙ**

Что же так часто, читатель, везде ты погрешности  
визишь?  
Тот, кто корректором был, света не видел уже.

50.

**НА ШЕСТЬ ВОССТАНОВЛЕННЫХ КОЛОКОЛОВ,  
КОТОРЫЕ БЫЛИ СОЖЖЕНЫ МОЛНИЕЙ**

Мы — шестизвучие меди, но я, наиболее звонкий,  
Альфой с Омегой зовусь, Троице кто посвящен.  
Нас и священное зданье благая забота Герарда —  
Пастыря воссоздала, молнии спаленных огнем.

51.

**НА КОЛОКОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ МАРИИ**

Медный звон у меня, но не сыщется медного звона,  
Чтобы с родившей Христа мог он сравниться  
хвалой.

52.

**НА ТОТ ЖЕ КОЛОКОЛ**

Мария имя мне дано взаимное,  
Никто не восседает ближе к Троице.



53.

ТРЕТИЙ КОЛОКОЛ,  
ПОСВЯЩЕННЫЙ КРЕСТИТЕЛЮ

Глас вопиющего был, чье прозвание несу; и народ я  
Чтить призываю Христа равно и ночью, и днем.

54.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОЛОКОЛ,  
ПОСВЯЩЕННЫЙ АПОСТОЛУ ПЕТРУ

Я, посвященный Петру, гоню демонов, молнии  
также,  
Крашу я кантами дни праздников и похорон.

55.

ПЯТЫЙ КОЛОКОЛ,  
ПОСВЯЩЕННЫЙ МАГДАЛИНЕ

Я — Магдалины, молний зло уже в прошлом,  
Ведь лучшее и всё дает благой пастырь.

56.

ШЕСТОЙ КОЛОКОЛ,  
ПОСВЯЩЕННЫЙ ВСЕМ СВЯТЫМ

Тюнок мой звон, но и он издалика до слуха  
доходит, —  
Мне небожителей сонм вкупе дает имена.

57.

ИНАЧЕ

Пусть за меня ни Додона, ни светская бронза  
Коринфа  
Не состязаются: звон всем небожителям мой.

58.

НА НЕКОЕГО ПРИДВОРНОГО,  
ВРАЖДЕБНОГО КЛИРУ

Вот он Урсал — Мидас, но того он Мидаса глупее,  
Всем без разбора спешит всюду прославить  
себя;  
Он и ярится на клир, похищая тем славы начатки,  
И в Фаларида Мидас сей превращается вдруг.  
Древле так славу стяжал, полагаю, сожжением  
храма  
Некий гречишко, творец столь непомерного зла.  
Мысли безмозглой такой ты водой  
никакою не смоешь,  
Мог бы один лишь клинок бешенство это  
смирить.

59.

НА НЕГО ЖЕ

Думаю, что ни Мидас столь нелепым умом  
не отмечен,  
Ни против клира и ты, Малх, не свирепствовал  
так,

Как это делает некто,— к чему называть его  
имя,—  
Не разбирая пути, рвется он к славе своей.  
Ах, если б некий ему Аполлон дал ослиные уши,  
Или же оба ему Петр его уха отсек!  
Или пусть больше шумел бы и делал бы то, что  
в отцовском  
Прозвище первый его слог означает собой.

60.

НА НЕГО ЖЕ

Некто сказал тебе, Урсал, что ты, на клир  
обозлившись,  
Кесаря право и с ним право святое хулил.  
Ты же смеялся над тем человеком и много, и долго,  
И справедливо — ведь смех легче всего и глупей.  
Кто бы подумал иное, твое лишь услышавши имя,  
Будто не ты осквернил славные права правá?

61.

НА ОБОРОТЕ КОДЕКСА,  
ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО БАТТУ

Батт — мой владелец; кто схитит меня загребушей  
рукою,  
Батт, я желаю, везде пусть перед ним предстает.

62.

ЯКОВУ БАТТУ

Будь, Яков Батт, бестрепетным:  
Умерший славно, будет жить.

63.

ЕМУ ЖЕ

Не ведай страха, Яков Батт:  
Воскреснет славно умерший.

64.

ЭПИТАФИЯ ГЕНРИХУ, ЕПИСКОПУ КАМБРЕ

Здесь Генрих спит, краса от корня Бергена,  
Кто нравов славой выше дедовских родов.  
Всего важнее благо паствы он считал,  
На что, благой, он средства отдал отчие.  
Затем, горя любовью к небожителям,  
Твою обитель, Яков, посетил, Петра  
Твердыню также и Иерусалим святой.

65.

О НЕМ ЖЕ

Из семерых одного, порожденных Бергеном  
братьев,  
Парка, завидуя, здесь Генриха скрыла в земле.  
Он же для паствы Камбрейской и пастырем был  
и отцом ей,

Не для себя — для нее и для отчизны рожден.  
Благочестивый, он дважды в обители Якова  
бывший,  
После и Рим, и святой Иерусалим посетил.  
Так, благочестьем подвигнут, своей добродетелью  
славен,  
Век свой счастливо скончал, не запятнавшись  
ничем.

66.

ДОСТОЙНЕЙШЕМУ ОТЦУ АНТОНИУ БЕРГЕНСКОМУ,  
АББАТУ СВ. БЕРТИНА, О СМЕРТИ ЕПИСКОПА  
КАМБРЕ

Смерть, кто зависти дочь, но и матери самой  
преступней,  
Тем же оружием стремясь больший урон  
причинить,  
Неповторимую ветвь благородного древа срубила:  
Генриха, Бергена был честью, надеждою он.  
Так разноликую скорбь он одним погребеньем  
рождает;  
И о патроне пока родина, плача, скорбит,  
Доброго пастыря паства пока ожидает, лишившись,  
Как и советника двор, непревзойденного в том,  
Бедность ученая жаждет благого пока Мецената,  
<sup>10</sup> И о надежде своей сирых рыдает толпа,  
И, наконец, пока в скорби весь Бергена люд  
провождает  
Отпрыска прах своего, честные слезы лия,  
Ты, и уже не впервые, о пастырь Бертинский.  
о брате

Плачешь,— увы, третий он из столь большого  
числа.  
Плачешь по праву, но пусть будет мера для  
праведной скорби;  
Радуйся, что не всегда можно иметь, что имел.  
Истинно, брат не скончался — направился  
к вышнему небу;  
Нравов своих чистотой, жизнью он то заслужил.  
Вы лишь храните останки нетленные этого рода,  
20 Боги, кто благодати полн к духом великим  
мужам.

67.

НА ТИТУЛЕ КНИГИ  
«О ПРЕВОСХОДСТВЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ»

Вы, кем чтим глубоко кесарь, мир хранящий  
христиан,  
Сердцем эту книгу чтите, что нам кесаря хранит.

68.

НА КАРТИНУ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МИФА  
О ГИГАНТАХ

Вот из нелепой земли, без отца народившись,  
Гиганты  
Горы на горы поверх громоздят, самого угрожают  
Неба владыку низвергнуть с его высокой твердыни.  
Но безуспешны безумные силы, лишенные смысла.

69.

НА НИХ ЖЕ, ПОРАЖЕННЫХ МОЛНИЕЙ

Нагроможденные рушит Юпитер ударами молний  
Эти громады, огнем облекая Гигантов и горы.  
Так, так без разума сила, так все нечестивых  
деянья  
Чиспроверяются вмиг непрерывно отмщением  
вышних.

70.

НА КАРТИНУ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ  
УМЕРЩВЛЕННОГО ПЕНФЕЯ

Эхионида ты зришь, Пенфея,  
Кто чужеземного Вакха тайны  
Презрел. Но был нечестивец этот  
Мстителем — богом за зло наказан.  
От материнской руки погиб он  
И от вакханок — сочтен за зверя.  
Как преступленья достойна кара  
И злодеянья злодейств достойны!

71.

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБЕСЧЕЩЕННОЙ ЕВРОПЫ

Тот, кто с вершины быков повернул к морскому  
прибрежью,  
Тот и тебя убедить может жезлом золотым.  
Будут свидетели тут — сандалии с крыльями, будет  
Шапка двуцветная — знак на золотистых кудрях.

Спросишь, что делает он: он любви отцовской  
прислужник,  
Прячет, не ведая сам, хитрость угодой своей.  
Ведь похититель обличье быка белоснежного  
принял,  
Дерзкий, добычу свою он понесет по волнам.  
Крита как только достигнет, тотчас же не будет  
Юпитер  
Больше быком, да и ей девой недолго пробыть.  
Да и к чему ни принудит слепая любовь человека,  
Если не стыдно быком даже Юпитеру стать?  
Или какой же довольно для девушек милых  
защиты,  
Если прельститель — и тот страшен поистине  
был?

72.

ПОД ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛИКА ХРИСТА

Здесь он во глубь души сокрытую глядит.  
Всё сделай, чтоб ее сверкала глубина.

73.

НА ДОЧЬ БЕКИ,  
ЧТО НА НАШЕМ ЯЗЫКЕ ОЗНАЧАЕТ «ПОТОК»

Я — Вильгельмина, отец мой — Арнольд, по  
прозванию Бека;  
Был он не только «поток» — прав он обеих  
исток.  
В качестве зятя, Антоний, один ты ему  
приглянулся:



Схожий с Избрандом — отцом равно лицом  
и душой.  
Жизнью не меньше тебе, чем красой, я обязана  
также:  
Храмы, потомство и дом были заботой моей.  
Ту, что родила сынов четырех и столько же дочек,  
В люстр моей жизни седьмой раз похитила  
смерть.  
Так, пожелавши, читатель, покоя душе сей  
и праху,  
<sup>10</sup> Долго живи, но ничто — долго, живи хорошо.

74.

НА НЕКОЕГО МАГНАТА, НО ПОД ВЫМЫШЛЕННЫМ  
ИМЕНЕМ, КТО ЗА ХВАЛЫ ЕМУ ОПЛАТИЛ  
НИЧТОЖНЫМ ПОДНОШЕНЬИЦЕМ

Мою ошибку исправил  
Марулл премило, ибо мной  
Со всей похвален щедростью,  
Поэта тароватого  
Он отдаряет мелочью.  
О человек, о дивное  
Его благоразумие!  
Не хочет славы он без дел,  
Молчанья хочет, их свершив.  
<sup>10</sup> Зато наградой скряжною  
Зовет он к палинодии,  
Зовет он к умолчанию.  
Не такова в нем трезвенность  
И бережливость хваткая,  
Когда и скоморохам он

И дуракам постыднейшим  
Дает подарки щедрые.  
А что певцам дает он то,  
Что — меньше, чем не дать совсем,  
<sup>20</sup> Тут стыд виной, а не порок.

75.

НА ТИТУЛЕ ДРУГОЙ КНИГИ  
ПОСЛАННОЙ В ДАР ЕПИСКОПУ АРРАССКОМУ

С приметой доброй шествуй, ты мой дар книжный,  
Хоть тощим сотворил тебя поэт скромный.  
Вельможе мудрому поправиться б только,—  
И Эритрейские ты превзойдешь камни.

76.

НА ТИТУЛЕ КНИГИ.  
ПОСЛАННОЙ В ДАР БУСЛЕЙДЕНУ

77.

Чести собой не придам я Буслейдена библиотеке,  
Библиотека сама больше мне чести придаст.

НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ КНИГИ,  
Право же, ты не украсишь Антония библиотеку,  
Библиотека тебя, книга, украсит собой.

78.

СЛАВНЕЙШЕМУ ПРИНЦУ ФИЛИППУ, СЧАСТЛИВО  
ВОЗВРАЩАЮЩЕМУСЯ НА РОДИНУ, ПРИВЕТСТВЕННОЕ  
СТИХОТВОРЕНИЕ ЭРАЗМА, ГОВОРЯЩЕГО ОТ ЛИЦА  
РОДИНЫ

О достопамятный вечно и вечно день  
достохвальный,  
Тот, что благие на пряже мне Гарки длят  
белоснежной;  
Так вот сребристая блещет жемчужина средь  
Эритрейских  
Раковин; только она дня такого все радости  
должно  
Обозначить могла б, что тебя, желаннейший принц  
мой,  
Среди обетов к тебе и молений, поникших  
в печали,  
Вновь мне вернул. И теперь возвращенной я вижу  
надежду  
Снова мою,— я тебя — честь, вершину молений,  
приемлю.  
Право, жемчужины мало одной для дня ликования,  
10 Дня, что навек обновляет все радости прежние  
жизни,  
Дня, в завершение одном для меня столько радости  
слившем.  
Слов недостаточно мне, да и сердца в груди  
нехватает —  
Выразить радость, и слабы для рукоплескания  
руки.  
К нам из испанской земли возвратился Филипп  
невредимый.

Невредимый, и все с Филиппом моим возвратилось.  
Вот возвращенье Филиппа народ и сенат  
восхваляют,  
«Ио»,— ликует толпа, возвращенье встречая  
Филиппа;  
Отзвук дают звонкозвучные кровли: Филипп  
возвратился,  
И не обманчив сей образ опять повторенного  
звука:  
20 Ведь возвращенье Филиппа безмолвные чувствуют  
скалы  
И, не безмолвны совсем, отзвук шлют возвращенью  
Филиппа.  
Был ты далеко отсюда — и все было в горькой  
печали,  
Здесь ты опять невредимый — и все в поклонении  
блещет.  
Так, где — сурова — зима Аквилонами воздух  
вздымает,  
Голая никнет земля и сады без цветов загрустили,  
Реки недвижно стоят и тоскуют без листьев  
деревья,  
Нива бесплодной простерлась, поля без побегов  
слабеют;  
А когда вновь от зефиров, что веют теплом,  
возвратится  
Юность веселая года,— сады в усыпленье  
цветочном,  
30 Снова потоки бегут, вновь листвою зеленеют  
деревья,  
Нивы тучнеют плодами и поле ликует в побегах.  
Только Титан златовласый в пучину сокроется  
моря,

Тотчас же ясного мира прекраснейший лик  
исчезает,  
Вялый нисходит покой и, суровая, крыл чернотою  
Ночь и недвижность, что смерти подобна, все  
кроют собою;  
А когда снова Заря, на пурпурной вернувшись  
квадриге,  
Ласковым светом откроет росую покрытые земли,—  
Разом все прежний свой вид принимает, сочтешь  
ты, что снова  
Все возрождается вновь, молодея в обличье  
приветном.  
Ты мне — сладость весны, ты — возлюбленный  
свет, ты единственный  
Все отнимаешь, уйдя, и, вернувшись, все  
возвращаешь.  
Как все скорбело тогда, когда не было с нами  
Филиппа,  
Как мое сердце тогда трепетало в заботах  
тревожных,  
Снова пока для тебя не открылась ныне тройная  
Галлия, ныне ты видишь великого тестя державу,  
Зришь полноводную Рону теперь и поля, что  
к холодным  
Близки хребтам, и они у сестры под владычеством  
мирным;  
Ныне, Рейн перейдя, ты в пространныеходишь  
владенья,  
Где твой родитель царит, проходя города и народы.  
<sup>50</sup> Быстрый в стремлении к ним и к делам с их  
важною сутью,  
Только к молениям моим ты медлителен. Мне по  
привычке

Мнится, что медленней даже движение месяцев  
вялых!

Как эти сдвоенны ночи, как солнце ползет,  
утомившись

На нехотящих конях! И нередко, теряя терпенье,  
И нетерпима к задержке, любовь на тебя издалека  
Громко роптала, мешая с горячей мольбой

осужденье;

«О равнодушный ко мне чересчур, настает уже  
снова

Ныне зима, но ленивый, ты мешкаешь все  
добровольно,

И без конца твои взоры пленяют чужие пределы,

<sup>60</sup> Ты и не чувствуешь, что я измаялась в бедах  
и страхе.

Не адамант ли в груди у тебя, что возник  
незадолго?

Разве ты где-нибудь выпил воды усыпительной  
Леты,—

Ты — отчизны сладчайшей и почвы-кормилицы  
отпрыск —

Вспомнить не можешь, бесчувствен от долгого  
времени, ныне

Вспомнить не можешь? Чужие так царства тебя  
привлекают?

Пусть тебе дважды родной до неба возносится  
Бетис,

Титулом гордый двойным. Германия все же по  
праву,

Не отрицаю, гордится родителем также великим.

И по заслугам Савоя довольна сестрой —  
госпожою;

- 70 Франция предков далеких и согни родных  
родословный  
Может представить. Одним этим именем я  
утверждаю  
Первенство, не уступлю ни сестре я, ни тестю  
бесспорно,  
Сотне родственных уз и родителю не уступлю я,—  
Только богами богата и вышними я и благими,  
Почестью этой, скажу, что тебя мне единственной,  
тотчас  
Как ты явился на свет из тайной утробы, Люцина  
В лоно передала, которое первый твой шепот  
Сладкий и радостный мне донесло до чуткого  
слуха,  
И на груди у меня ты задвигался, знатный  
малютка.
- 80 О каковыми тогда мое сердце молениями билось,  
О каковыми и ныне молениями грудь моя бьется.  
Рукоплекскала тогда, веселясь, я рожденью  
Филиппа,  
Рукоплекшу веселее теперь возвращенью Филиппа.  
Радостей сколько великих в тот день я увидела  
сердцем,  
В этот провижу я день еще большие радости  
сердцем.  
Ты превзошел моления мои, любимейший, ливно  
Благоденьями, выше моих ты желаний, Сабейским  
Ладавом храмы пусть дышат, пусть все алтари  
воссияют.  
Пусть по обету спешит Громовержцу должна  
жертва.
- 90 Некогда дал мне тебя он, и он же тебя возвратил  
мне;

Он мне великого дал, возвратил еще большего  
он же.  
Так продолжай же, Лахеса, молю я, из пряжи  
подобной  
Принца жизнь до конца выводить, и на долгие  
годы,  
Мрачными нитями доброй век не испортив  
основы.  
Ты же, отец, кто обычно достойным достойное  
даришь  
И из сосудов обоих мешаешь смертные судьбы:  
Горя ему никакого не дай, иль — самую малость;  
Мне же всерадостным он, как и есть он, да будет  
навек,  
Пусть же и я неизменно, как ныне, ему буду  
в радость;  
<sup>100</sup> Эти взаимные нам и священные радости, Ате  
Да не расстроит век, неприязненна к благу  
людскому».

79.

СЛАВНЕЙШЕМУ ПРИНЦУ ФИЛИППУ,  
ВОЗВРАЩАЮЩЕМУСЯ

Здравствуй, Филипп, ненаглядный мой свет,  
повелитель народов.  
Здесь, наконец, ты наш милый, желанный. Увидеть  
нам дали  
Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды  
свиданья  
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут  
с тобою,



Как и сыны от сынов, имущие позже родиться.  
Крепким навеки пребудь, и слава твоя  
не погибнет.

80.

ДОСТОЧТИМЕЙШЕМУ ОТЦУ УИЛЬЯМУ,  
АРХИЕПИСКОПУ КЕНТЕРБЕРИЙСКОМУ

Поэтов лебедями тонко сам Марон  
Назвал, Уильям,— церкви всех прелатов честь;  
И дивно, что по мнению необычному  
У лебедя с поэтом совпадает все.  
Обоих белоснежна белизна, один  
Весь в оперенье белом, сердцем чист другой.  
Приятен каждый музам, Фебу посвящен;  
Обоим им на радость струи прозрачных ток,  
И равно оба любят травянистый брег,  
<sup>10</sup> Певучи равно оба, и сильней, когда  
Их старость удручает, на пороге, смерть.  
Но кто познал природы тайны, говорят,  
Что лебедей не слышно, коль Зефиров нет.  
Так что ж дивиться, если в этот грубый век,—  
Во оны дни певучий,— хор поэтов смолк,  
Коль отовсюду Ноты воют, все глуша,  
И мрачные Борей злобных и тупых,  
Благим же никому не ждать Фавониев.  
А если благодатно для талантов всех  
<sup>20</sup> Фавор твоей повеет благосклонности,  
Как он и есть, тотчас во всей Британии  
Узришь поэтов чистых возрождение;  
И так они певучи, и так звонки, что  
Льют к вышним звездам песню лебединую.—  
Пусть век их наш услышит и потомков век.

81.

ЭТИМ СТИХОТВОРЕНИЕМ ЭРАЗМ БЛАГОДАРИТ  
ЗА ПРИСЛАННЫЙ ПОДАРОК

О великий изысканности мастер  
И первейший в науках, Кармельяно,  
Вот стихами тебе пиита скромный  
Возмещение дает за дар блестящий,—  
Так он золото медью возмещает.  
Но ведь что и богам самим сумел бы  
Благодарный, но скромный дать пиита,  
Как не ритмы свои и не размеры?  
А тебя одарять стихами, Пьетро,—  
В лес дрова приносить, а в море — волны.

82.

ЗАМОК,  
В ПРОСТОРЕЧИИ НАЗЫВАЕМЫЙ ГАММЕНСКИМ

Что невелик я, за это страшись презирать меня,  
недруг;  
Рема Тарпейский оплот не был надежней меня.  
Как хорошо защищает меня здесь крепкая насыпь,  
И окружает затем ров, улаждающий взор!  
Этот удобнейший ров служит мне для целей  
различных,  
Но захочу я — и он озером станет тотчас.  
Истинно, чтоб отдохнула охрана всенощная  
стражей,  
Чтобы дозорный Линкей в башне под небом  
хранел,  
В крепости стражу дневную прилежно журавль  
исполняет,

- 10 Ночью снаружи несет гусь неусыпный ее.  
И ни обучен журавль, ни наставлен, на звуки  
дозорных  
Он, отвечая, трубит, крик поднимая до звезд.  
И издали нападенья (предчувствует, кажется,  
их он)  
Верная птица, не спя, предотвращает крича.  
Гусь, не наученный также, обходит все стены,  
пасется,  
Как подобает, и вновь он у приметных значков.  
Но когда солнце опять в уже близких скрывается  
водах,  
Воины густо тогда стены заполнят мои;  
Их по местам и по сменам разделит с отменным  
искусством
- 20 Тот, кто старше других или назначен к тому.  
Пост не покинут они, пока снова из вод  
не заблещет  
Солнце и светоч благой ясный не вызовет день.  
Можешь добавить, что верный сей воин  
и неутомимый  
Вот уже множество лет службу без дснег несет.

83.

ВИЛЬЯМУ КОПУ, УЧЕНЕЙШЕМУ ИЗ ВРАЧЕЙ,  
ПОЭМА О СТАРОСТИ

Слава единая ты, о Коп, врачей благородных,  
Искусство ль кто рассмогрит,  
Или же взор обратит на заботу и верность: в обоих,  
Сама, в неправде, зависть  
Предпочитая другим, Вильяму почести дарит.

Сдается, убегает  
Всякого рода недуг пред талантом твоим. Даже  
старость,  
Болезнь неодолимая,  
Что ни увясть, ни изгнать никакие не могут  
лекарства,  
Внезапно наступивши,  
Соки из тела сосет и силу души истощает  
Тройною сотней бедствий,  
Вновь отовсюду и вновь накопившейся; все  
многократно  
Она крушит и губит  
Благо, что вместе с собою принес подрастающий  
возраст:  
Красу, осанку, прелесть,  
Памяти часть у души вместе с разумом, сном  
и глазами,  
И силы, и проворство,  
Искру творящую жизни она отнимает и жизни  
Питающую влагу.  
Жизни уносит дыханье, а с кровью — и самое тело,  
Улыбки, шутки, прелесть.  
И человека всего у него ж, наконец, похищает,  
Но и не только это,—  
Только лишь имя пустое и званье ему оставляет;  
Такого рода видим  
Мы имена, что повсюду на мраморных выбиты  
плитах.  
Так старостью ли это,  
Или же медленной смертью скорее назвать  
подобаает?  
О рок, к уронам склонный!  
Как эти стертые нити грозящей обрушиться жизни

С проворством столь великим  
Рады спешить, настигая, как будто на крыльях  
несутся,

И молодость в расцвете  
Злобно увлечь за собой к обрыву стремящейся  
нитью,

Чтоб раньше, чем довольно  
Познаны блага ее, они, беглые, с нами расстались,  
И чтобы мы скорее  
Поняли ясно, что живы, но вот уж надломлены,  
с жизнью

40 Внезапно расстаемся.

А быстროногий олень и ворона болтливая столько  
Годов живут, и крепки;  
Лишь одному человеку, который семь пятилетий  
Едва-едва закончил,  
Старость трухлявая рада телесные вымотать силы,  
Но и того ей мало;  
Люстр и десятый еще не свершило летящее  
время,—

Она ж разит без страха  
Смертных бессмертную часть, порождение самого  
неба,

50 И бьет ее надменно,

И не боится напасть на священные струны таланта.  
Пусть сохранилась вера  
В ум Аристотеля; но, заклинаю, к чему Аристотель,  
Когда и так, о горе,  
Вновь и вновь подтверждает нам опыт уверенность  
нашу?

Эразма как недавно  
Видел ты этого в самом цветении юности свежей!  
А ныне, изменившись,

Старости он ощущать начинает гнетущей уроны  
И, став другим, в боренье  
Сам непохож на себя, а еще сорок раз не повернут  
Вращеньем круга Феба  
День рожденья, который в начале зимы предваряет  
Ноябрьские календы.

Ныне виски у меня сединою осыпаны редкой  
И белым подбородок  
Быть начинает, в то время как годы весны  
миновали;

О жизненном крушенье  
Он говорит,— что зима и что хладная старость  
настала.

70 Увы, быстротекущей  
И торопящейся жизни поистине лучшая доля,  
О, склонного к паденью  
Века столь краткий расцвет, и искусством  
невозвратимый,

О юности цветенье,  
О сладчайшие годы, о жизни счастливое время,  
Тайком вы ускользнули;  
В бегстве для чувств недоступном и быстро  
скользящем паденье

Украдкой отлетели;  
Так не торопятся, право, кипящие пеною волны  
80 Покинуть брег зеленый,  
Легкие тучки на небе стремительно так не несутся,  
Гонимы силой Эвра,  
Так в молчаливой ночи сновиденья, бродя,  
ускользают

Со сном, что отлетает,  
После себя ничего,— лишь томленье тоски оставляя  
И треволнений тщетных.



Все силы истощаться;  
И наконец убеждаюсь, что вот для меня  
и пресеклась  
Стезя молодого века.  
Что же рассчетливо так и так скупы мы, люди,  
вкушаем  
Камней драгих усладу,  
Пурпура и багреца, а ведь век золотой, что гораздо  
Каменьев драгоценней,  
Злата любого дороже, любой дороже багрянки,—  
<sup>120</sup> По пустыкам растрачен;  
Жалкими в прах сумасбродно стирается он  
и сокрыться  
Ему дают без пользы?!  
К этому также добавь: что могло сохраниться —  
пропало,—  
Захочешь ли на Крассов  
Ты уповать иль на Крезов,— ты стал уже Кодром  
и Иром.  
Но век, какой однажды  
Выпряден страшной Клото на висящих ее  
веретенах,  
Тот век ни зелья Кирки  
Не возродит, ни жезл чудодейственный Майинна  
сына,  
Ни фессалийцев злые  
Все заклинанья вернуть не сумеют, ни соки Медеи,  
Ни если б сам Юпитер  
Пектаром даже тебя напитал и амброзии влагой,—  
Ведь это пища юных,  
Как написал пустомеля — Гомер, а старым —  
запретна;  
Ни если бы росую



Мощной тебя укрепила, сияя, супруга Титона,  
Ни если б три и восемь  
Раз, как Фаон, перевез ты Венеру по волнам  
Хиосским,

Ни если бы любые  
Травы Хирон сам тебе подарил, что земля  
производит,—

Ни перстенок, ни зелья  
Вместе с могуществом их не задержат летящие  
годы,

Ни магов заклинанья  
Пеньем диковинным реки бурлящие не остановят;  
И не достигнуть тем же,  
Чтобы стремнины потоков течение вспять  
повернули,

И звездные Плеяды  
Остановились, и Феба недвижно стала квадрига.

<sup>150</sup> О нет, чтоб диво — песни  
Это смогли, не надейся, но так же не думай,  
бесчестный,

Те годы, что ты прожил,  
Вспять повернуть для себя, иль продлить, что уже  
миновали.

Заходит солнце, снова  
Новое всходит и к нам возвращается, светлое  
лицом.

Луна, угаснув, снова  
В смене является нам и опять убывает в ущербе,  
Едва стареет диском;  
Ныне, возросши, она улыбается юно и нежно.

<sup>160</sup> К своей приходит снова  
Юности год, когда никнет зима с возвращеньем  
Зефиров,

И после льда и снега  
Нам и весну, и цветы, возвратившись, приводит  
касатка.

Но лишь успело минуть  
Наше горячее лето с летящими в пропасть  
годами,—

Печальная объяла  
Тело зима до конца, и уже сединой забелели  
Виски, торчащей густо,—  
И никакой нет надежды, что будет весна иль  
вернется.

170 Да, бедствиям одна лишь  
Смерть,— величайшее горе,— последний предел  
назначает.

А мы, подстать фригийцам,  
Поздно беремся за ум и средь этаких дел о потерях  
Бездумной жизни плачем,  
Жалкие мы, и года, что постыдно растрочены были,  
Клянем, пришедши в ужас.  
То, что когда-то, увы, нам правилось слишком, что  
прежде

Казалось медом сладким,  
Горькою желчью потом растравляет самую душу,  
180 И зря себя изводим  
Мы, что столь редкое благо уплыло напрасно,  
тогда как

Его держать бы крепко  
Нам подобало, отнюдь не губя ни единую долю.  
Теперь же мне зеваче  
Среди какой чепухи часть какая дарована жизни.  
Доднесь, бедняга вдоволь  
Было упущено, проспано вдоволь, и время настало,  
Эразм, прогнать сонливость;

Ныне воспрянь ты и всем образумься снова  
рассудком.

Хотел бы впредь на коней,  
На ноги, на руки ты всею силой своей опереться,  
Чтобы времен потери,  
Прошлых восполнить, уроны безудержно мчащейся  
жизни

Старанием бессонным,  
Можно ведь это пока — пока мы еще у порога  
Дней старости печальной,  
В новость пока седина и пока исчислима, несчасты  
Пока висков седины,  
И хоть они и кричат, что уже навсегда миновали  
200 Дни юности цветущей,  
Но не о том возвещают, что старость уже  
наступила,

А сообщают только,  
Что издалека, но быстро подходит бесплодная  
старость.

Такой в ту пору видим  
Все мы природу, когда от начального осени хлада  
С лугов уже исчезла  
Прелесть весения их, и глаза у цветов угасают;  
Вот-вот, пожалуй, скажешь,  
Что не красуются травы и их устрашает вредящей  
210 Зимы Борей и стужа.  
Значит, пока еще дух у тебя постоянен и крепок,  
И все уроны тела  
Чуть лишь вредят, ну так что же,— за лучшим  
последуем в жизни,

Какой бы ни оставлен  
Судьбами век мне потом,— все, что жить мне еще  
остается,

Пусть лишь Христу отдам я,  
Жизнь ему всю посвятить до конца подобает,  
кому мы

Должны все дважды, трижды,  
Данную даром вначале, затем возвращенную даром,  
220 Спасенную столь часто,  
Часть хоть ему посвятить ту, что хуже у нас  
и короче.

Теперь прощайте шутки,  
Ложные все наслажденья и смех, и забавы, и игры,  
Пустые обольщенья.  
Мысли отменные все мудрецов благородных,  
прощайте,

Прощайте силлогизмы,  
Нежные музы, румяна, влекущие души, и бочка,  
И цветики, прощайте.  
Сердцем единым, уже совершенно Христу  
посвященным,

Освободиться надо.  
Мне он, единственный, рвением, Камешами  
сладкими будет,

Почетом, честью, счастьем.  
Всем он пребудет один и (как сказано), горе любое  
Не тронет Гиппоклида,  
Если земная громада и скрепы вот этого тела  
Ветшать, старея, станут.  
Только бы чистый мой ум, злодеяний не ведая,  
им лишь

Блистал и процветал бы,  
День мой последний пока обновит мое тело,  
и с телом

240 Вернет мой ум в былое  
Общество, и уж затем для обоих навеки наступит

Весеннее блаженство.  
Это сверши непреложно, о жизни творец умолимый  
И жизни защититель,  
Ты, без кого ничего все моления людские не могут  
И силы гибнут, сникнув.

84.

ЭПИТАФИЯ ПЬЯНОМУ ШУТНИКУ

Да будет, путник, мир,— прочти стихи молча,  
Как все священные слова жрецы шепчут,  
Чтоб звук не отнял у меня мой сон милый,  
Чтоб пробужденной глотке вновь не знать жажды;  
Ведь, погребен, храплю, шутник, под сим камнем,  
Кто был когда-то славный мист «Эвой» — Вакха,  
Кто дважды восемь люстр своих все пил вечно,  
Затем глубокий сон глаза мне вдруг обнял,—  
Бывает так, коль полон ты благим Вакхом.  
<sup>10</sup> И так приятно проведя свои годы,  
Один питья и жития конец принял.  
Но пусть иной сочтет, что я объят хмелем,  
Иль просто сплю и говорю во сне это.  
Прощай же, путник, и прошу, ступай молча.

85.

УКОР ИИСУСА ХРИСТА ЧЕЛОВЕКУ,  
ГИБНУЩЕМУ ПО СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ ВИНЕ

Так как в едином, во мне, все блага, что есть  
на Олимпе

Или на тверди есть земной,  
Смертные, что за безумье, скажите, вас охватило,  
Что всюду их разыскивать  
Предпочитаете вы, чем добиться в источнике  
вашем,

Столь щедром и доступнейшем?  
Пусть вам и любо в суетном и жалком смятении  
гнаться

За благ тенями ложными,  
Много ль стремится ко мне, кто создатель  
и щедрый податель

<sup>10</sup> Действительного счастья?  
Многих влечет красота; нет прекрасней меня,  
по красую

Никто не страдает этою.  
Многие чтут родословья и древние роды, меня же  
Что есть высокороднее,  
Если родитель мой — бог, сам я бог и явился,  
родившись

На свет от девы — матери?  
Так почему же со мной и один, и другой  
не стремятся

Родства связаться узами?  
Я — тот великий властитель, единый и неба и суши,  
<sup>20</sup> И мне служить зазорно ли?  
Я и богат, и готов дать просящему щедро и много;  
Люблю просящих, — просьб же нет.

Мудр я и мудростью отчей зовусь,— ни единый из  
смертных

Ко мне не обращается.

Сам я и блеск и краса отца небесного,— мне же

Никто не изумляется.

Крепок я также и другу я друг настоящий, охотно

Себя и достойные

С чистой душой отдаю мне любезным,— никто

не желает

30 Спискать подобной милости.

Я — единственный путь, по которому шествуют

к звездам,—

Но так нечасты путники.

Что ж, наконец, мне поверить народ сомневается

темный,

Хотя я — вечно истина?

Что ж обещањям моим ты поверить упорствуешь

глупо,

Хоть нет их достовернее?

Хоть я единственный жизни зиждитель и самая

жизнь я,

Что презираем смертными?

Я — это свет, что ж ко мне обращают немногие

взоры?

40 Я — вождь; что, тяжело следовать?

Праведной жизни одно я вернейшее правило,—

что же

Иного ищут правила?

Я — это радость одна, настоящая радость без

горя,—

Что ж презрен я, отвергнутый?

Мир я единый души,— что ко мне не несет.

больные,

Забот, сердца снедающих?  
Если и страшные львы не забудут о благодеянье,  
И зверь добру воздаст добром,  
Лютые змен, и те научились воздать по заслуге,  
50 Когда и пес свой помнит долг,  
Если любят орлы, если любящих любят  
дельфины,—  
Почто зверей свирепее,  
Ты, человек, так не любишь меня, для кого я все  
сделал,  
Кого я создал, собственной  
Кровию оборонил, отобрав добровольно у смерти,  
Своей же жизни в пагубу?  
Если хозяина бык признает, если глупый осленок  
Кормильца знает подлинно,  
Неблагодарный, лишь ты меня признавать  
не желалась  
Своим творцом, спасителем?  
Я — один для тебя всевозможного блага вершина,—  
Что без меня все алчешь ты?  
Рвешься куда ты среди стольких потерь, и мечась  
бесцельно,  
В неистовом безволии?  
Я — милосерден, готов сострадать,— что ж, бедняга,  
боишься  
Сокрыться в сем убежище?  
Я — справедлив и неправды я неумолимый  
каратель,  
Что ж ошибиться страха нет?  
Тело и душу своей посылаю я волею в тартар,—  
Но никому не страшен я.  
Так, если кто из людей, убежав от меня беззаботно,  
Придет к своей гибели,—



Значит, ничто не прошло; на меня не вали свои  
вины:

Ты сам создатель бед своих.  
Что же еще остается, коль ты и не тронута вовсе  
К тебе любовью жаркою,  
О, дважды каменна, грудь, и вовеки тебя  
не смягчает

Такая кротость щедрая,  
Если надежда, и та, на великие, верные блага  
80 Не будит, привлекаючи,  
Если не может сдержать даже страх пред геенной  
подземной

И стыд не пробуждается,  
Если жестокости больше, бесчувствия больше  
приносят

Такие все достоинства,  
Что и свирепых зверей, и булат умягчают, и скалы,  
Смирив их твердость стойкую,—  
Что благочестию делать, какими искусствами  
вырвать

Сердца, что смерти преданы?  
Глупо спасать несотящих, а также с отцом,  
я считаю,  
Мне запрещает равенство.

86.

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ МЛАДЕНЦА ХРИСТА,  
ПОМЕЩЕННОЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ,  
КОТОРУЮ НЕДАВНО УЧРЕДИЛ КОЛЕТ

Мальчики, прежде всего у меня поучитесь  
и чистым  
Следуйте нравам моим, знаний добавив благих.

87.

**ФАЛЕКОВО СТИХОТВОРЕНИЕ**

Место здесь Иисус — младенец занял,  
Для детей воспитанья все здесь; так что  
Я велю, чтоб отсюда удалился  
Тот, кто нравом нечист, иль запятнает  
Кто невежеством грубым школу эту.

88.

**ЯМБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ**

Загадкою античность привлекательной  
В занятиях наставницу  
Минерву — деву нам измыслила и дев  
Явила муз — наук оплот.  
Теперь я сам, рожденный девою матерью  
Как дева, дев хранящая,  
Спаситель этой школы и ее же страж.  
И девственны помощники,—  
Детей со мною ангелы хранящие.  
<sup>10</sup> Мне чистота везде мила  
И красит чистота наук занятия;  
Пусть от свитого входа прочь  
Заразу нравов гонят все наставники,  
Да не приемлют варварства.  
Пусть гонят прочь ученья неученые,  
Владенья не сквернят мои.

89.

ДРУГОЕ

К мальчику этому что вы стремитесь все мальчики  
ныне?

Он — образец и исток праведной жизни один.

Кто им не умудрен, тот и мудростью полон  
неумной;

Верь мне, вдали от него жизнь — настоящая  
смерть.

90.

САПФИЧЕСКОЕ

Молим, пусть начнет с предзнаменований

Он благих, в судьбе возрастая лучшей

Новой школы труд новый, с Иисуса

Благословенья.

Здесь, еще груба, как сосудец новый,

Юность греков все и латинян буквы,

Святость веры, с ней и Христа впитает

В нежные годы.

Что в телесной той красоте, которой

<sup>10</sup> Юность рада, коль и она и разум,

В благостных трудах не облагородясь,

Знаньем не блещут?

Постепенно сей корень поросль новых

Граждан даст,— она справедливей будет,

Знаниями сильна, и достойна вскоре

Бритов державы.

Эта школа даст семена грядущих

Порослей густых, и отсюда роща,

Гуще и вольней подпявшись, украсит

<sup>20</sup> Англов владенье.

91.

ЯМБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ  
К АНДРЕЮ АММОНИЮ ЛУККСКОМУ,  
СЕКРЕТАРЮ НЕПОБЕДИМЕЙШЕГО КОРОЛЯ АНГЛОВ

Аммоний, кто б таланты все ни счел твои,  
Ни осветил, взглядевшись, красоту лица  
Всю разом и высокий твой геройский рост,  
И в облике во всем, во всем сложении  
Отменное с достоинством излщество,  
И глаз горящих живость дружелюбную,  
И так звучащий мило тон речей твоих,  
Характер твой, всегда благожелательный,  
Любезный, верный, меда он медвянес,  
<sup>10</sup> Очарованье, юмор, шутки, прелесть, смех,  
Талант врожденный, блеск ума невиданный  
И с ними дивно прилежанье слитое;  
И сердце, что не терпит низкой выгоды,  
И руку, столь обильную участием;  
Как глубь души богата одаренностью,  
Одна — по блещет столькими науками,  
А к ним дано и красноречье равное,  
И вся в нем обходительность столь редкая;  
Наветы гонит нечестивой зависти  
<sup>20</sup> Приятность меры, вместе с дарованьями  
В таких отменных правах нет надменности.  
Коль каждый это взвесит, я скажу, и все  
В одно сведя, не скажет ли по праву он,  
Что лишь тебе была природа матерью,  
Тогда как всем другим — суровой мачехой?  
Ты сам себе обязан частью многою,  
Но и тебе, Фортуна, остается — дать  
Ему богатств, его талантов стоящих,  
Коль слыть слепой не хочешь нль завистливой.

92.

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПО ОБЕТУ  
УОЛСИНГЕМСКОЙ ДЕВЕ У БРИТАНЦЕВ

Иисуса мать, возрадуйся, преславная,  
Одна ты — дева, бога породившая.  
Одни одно тебе несут в дарениях  
И золото, за ним и серебро вослед,  
Другие — рьяно — камни драгоценные.  
Взамен всего один здоровья требует,  
Богатств — другие, просят от жены одни  
Надежду вскоре стать отцом счастливейшим.  
Иные жребий старца ждут Пилосского.

<sup>10</sup> А сам поэт, приветлив и настолько ж нищ,  
Стихи принес, подарок ведь нельзя другой  
Дать, отдарив, дешевле, а взамен прошу  
Как величайшей чести — благости в душе  
И истинной свободы от любых грехов.

Молись об Эразме.

93.

НА БЕГСТВО ФРАНЦУЗОВ ОТ ПРЕСЛЕДУЮЩИХ  
ИХ АНГЛИЧАН У МОРИНА В 1513 Г. АЛЛЮЗИЯ  
НА ЭПИГРАММУ МАРЦИАЛЛА О КАТОНЕ

Услышал некогда тот моралист римский:  
«Коль игрища познал шутилой ты Флоры,  
Зачем, Катон суровый, сам в театр прибыл?  
Иль прибыл лишь затем, чтобы уйти тотчас?»  
Теперь по праву пусть услышит галл робкий:  
«Коль ты кровавого познал игру Марса,  
Неустрашимых англов ты познал смелость,

Зачем, скажи, ты вышел в бой, о галл робкий,  
Оружьем грозным что блестят, ведя турмы?  
<sup>10</sup> Иль ты пришел на этот бой лишь с тем, чтобы  
Позорно обратить врагу свой тыл в бегстве,  
Как если б состязанье ног — не рук было?»  
Катон не может видеть жен, мужей — галлы.  
Катон не может изменить лица, галл же  
Не в силах малодушного сменить сердца.

94.

УСТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ЧЕЛОВЕКА.  
К ГАЛАТАМ, 5: «КРЕПКА ВЕРА ВО ХРИСТА,  
КОТОРАЯ СОВЕРШАЕТСЯ ЛЮБОВЬЮ»

*Вера*

Верую. Первый член

Прежде всего, признаю и устами, и разумом  
верным  
Бога — Отца почитаю, кто все своей волею держит,  
Кто сотворил и круги неоглядные звездного неба,  
И незаблемый мир земной всерождающей тверди.

И в Иисуса... II

Также и в сына его, Иисуса, Христа по прозванью,  
Господом нашим кого признаем мы и все почитаем.

Кто зачат... III

В чреве его зачала по наитию бога Мария  
Дева, и после родила, чистойшею девой оставшись.

Пострадал при Понтии... IV

И жесточайшую казнь, осужденный невинно

Пилатом,

<sup>10</sup> Он перенес и, распятый на древе позорном,

воспринял

Смерть, погребенный в земле и положенный

в гробе, он все же

Опустошителем вскоре проник в подземное царство.

На третий день... V

А когда наступил день третий для скорбного мира,

Он из могилы восстал, возвратившись на вышнее

небо.

Возносится... VI

Он, величайший, затем достигает небесной

твердыни

И всемогущего там одесную отца восседает.

Вновь он придет... VII

Вновь он во оное время придет всего мира

судьею,—

Равно судить и живых, и лишенных и жизни

и света.

Верую в дух... VIII

Верую верой подобной в тебл жизненосная воля,

<sup>20</sup> В Бога наитье святое, в дыханье, что все озаряет.

Во святую церковь... IX

Я признаю и тебя, святѣйшая церковь, в которой  
Христорожденный народ весь в единое таинством

тело

Слит, и единой душой с Иисуса сливается жизнью.

Так и не знает она своего, но все общим имеет.

В отпущение грехов... X

Также я верю: грехи все отпустятся в сходе  
священном,  
Верю: одни из людей от святого ключа возродятся,  
И что другие свои прегрешенья омоют слезами.

В воскрешение плоти... XI

Не сомневаюсь — тела, что с душою расстались,  
вернутся  
К жизни опять, обретя свои некогда бывшие души.

В жизнь вечную... XII

<sup>30</sup> Части и та и другая — тело и дух, друг за другом,  
Соединенные вместе, жить вечною жизнью будут.

*Семь Таинств*

И несомненно еще: Церковь, полная тайн, уделяет  
Семь различных даров, что название таинств  
имеют.  
Разные блага отсюда и разуму милость большая  
С неба внушается, лишь бы любой все воспринял,  
как должно.

Сан I

Ведь и в священном сане сливается сила святая,  
Чтоб под охраной Христа совершать служенье  
святое.

Брак II

Браку благодаря мы, рожденные, в мир этот  
входим,—  
Самая славная доля поистине славного мира.



### Крещение III

<sup>40</sup> Из-за крещения мы — те ж и, нежели прежде,  
счастливей,  
Всем нам в тебе, о Христос, возрождение  
и обновленьс.

### Конфирмация IV

Далее, к Богу в любви конфирмация нас укрепляет  
И закаляет, святая, наш ум неборною силой.

### Евхаристия V

Пища, что таинств полна (ее греки назвали  
«синаксис»),  
Та, что во хлебе с вином представляет собой  
непреложно  
Нам Христа самого и нутро сокровенное наше  
Пищей небесной питает, и нас эта пища подьмлет,  
Делает крепкими в Боге и делает сильными также.

### Покаяние VI

Тяжкая если провинность кого-то соделала Богу  
<sup>50</sup> Как-то врагом,— исцеленьем раскаянье быстрое  
будет.  
Так он паденье искупит, а связь, что нарушена  
этим,  
Вновь восстановит, и гнев божества успокоить  
сумеет;  
Лишь бы раскаялся, лишь бы виновнику сделалось  
стыдно  
И добровольно свершил он вины искупленьс, как  
должно.

### Помазание VII

Крайний помазанья дар укрепляет и вооружает,  
Также и душу оно, что блуждает средь бед  
величайших,  
Родине передает и вручает, идущую, вышним.

#### *Любовь к Богу*

Это — бесспорная вера, для верного сердца  
опора,—  
Выше всего возлюблю я отца всемогущего ею;  
60 Он меня сотворил и он меня в мир этот вывел.  
Господа равной любовью пусть я возлюблю Инсуса,  
Оборонившего нас, дорогим искупившего благом;  
Дух возлюблю я святой, кто меня согревает  
наитьем  
Вечно благим и, дарами души одаряя глубины  
Тайными, вновь возрождает дыханьем,  
исполненным жизни.  
Троица — он же святая, взнесенная всю хвалою,  
Всем моим сердцем, умом и поистине силами  
всеми,—  
Верным служеньем и честью пусть читается она по  
заслугам.  
Только ее я почту и в ней, во единой, навеки  
70 Вся надежда моя, ей единственной всё я измерю,  
Из-за себя для меня будет троица вечно любимой.

#### *Любовь к себе*

После бога себе не иначе я именем дорог  
Буду своим, если к богу до этой поры не растрочу  
Всю, что имею, любовь и родник он вновь  
не наполнит.

*Избегание греха*

Кроме того, в меру сил пусть греха я избегну  
любого,  
Смертного прежде всего я греха избежать  
постараюсь,  
Ибо тот грех убивает, и душу он ранит смертельно.

*Гордыня. Зависть. Гнев*

Чтоб не раздуться мне в спеси или завистью мне  
не терзаться  
Злобной, иль в яростный гнев не впадать мне,  
я стану беречься.

*Обжорство. Невоздержность. Лень*

<sup>80</sup> Чтобы ни похоти мерзость, ни чрево, всегда  
ненасытно,  
Мной не владели, чтоб лень не сразила, да буду  
беречься.

*Алчность*

Пусть не терзает вовек меня глад обладания  
вечный,  
Чтобы чрез меру даров мне не жаждать обманного  
мира.

*Избегание человеческих зол*

Пусть печестивых общений избегну с толпою  
тлетворной  
Высшим усилием духа и силой, достойною мужа.

*Стремление к благочестию*

Пусть же сюда устремлюсь я всем сердцем  
и силами всеми,  
Чтобы все больше во мне с благодарностью  
множилось благо  
И возрастало в уме целомудренном божее знание.



*Возвращение случайно найденной вещи*

Пусть возвращу я и то, что случайно найдено  
будет.  
Пусть поборю искушенья помедлить с возвратом  
чужого.

*Любовь к ближнему*

Так же, как дорог себе я, мне каждый поистине  
дорог  
Ближний, и коль не ошибся, я каждого ближним  
считаю  
Так, чтобы к другу любовь на Христа самого  
обратилась,  
На благочестную жизнь и на верное также  
спасенье:  
Так, сколько ближнему будет и пужно  
и необходимо,  
<sup>110</sup> Тело настолько и дух поддержку ему, долг исполняя,  
Чтобы и мне помогли, если буду, быть может,  
пуждаться.  
Впрочем, я это, во-первых, родителям выкажу.  
коним  
Тем я обязан, что в мире пришлось мне телесном  
родиться,  
После — наставникам, кто просветил и наставил,  
как должно,  
Буду послушен, и честь получу по заслугам за это;  
Снова, однако, всегда к сотоварищам сладостной  
школы  
И прилежанья, как равный, пусть в чистой любви  
пребуду.

*Неусыпное исповедание*

Если когда-нибудь я, оступившись, впаду  
в прегрешенье,  
Пусть постараюсь тотчас, чтобы чистое исповеданье  
120 Подняло падшего, и покаяньем вина искупилась.

*Принятие тела Христова при жизни*

Но как только меня к небесной трапезе тела  
Также и крови Христа призовут благочестье  
и время,—  
Руки омыв и страшась приступить, перед этим  
охотно  
Сердце очищу свое с величайшей заботой  
и рвением,—  
Если запятнано будет,— и блеском достоинств  
украшу.

*Болезнь*

После, когда уж предел роковой для жизни  
наступит  
И напомнит болезнь, что последний день на пороге,  
Вовремя я укрепить себя таинствами постараюсь,—  
Теми дарами, какие святая нам церковь дарует,  
130 Всем, кто рожден во Христе; покаяние жертвой  
искупит  
Жизни грехи, да приемлю Христа досточтимое тело.

*Смерть*

Если все ближе теснить испытание смерти уж  
близкой  
Станет, тогда, помолясь, призову я того, кто, как  
должно,  
Пусть умастит и священным отметит помазаньем  
тело.

И укрепленный всем этим как следует  
христианину,  
С сердцем бестрепетным я и исполненным веры,  
расстанусь  
С жизнью, превыше всего уповая на божью  
благость.  
Делай это и будешь жить.

95.

СЕБАСТЬЯНУ БРАНТУ,  
КАНЦЛЕРУ ГОРОДА СТРАСБУРГА

Пусть иных их прославили Камены,—  
Сам Камены свои ты больше славись.  
Многим родина славу даровала,—  
Город славный ты делаешь славнее  
Знаньем, нравом своим и краспоречьем,  
Строгой жизнью и книгами, и делом.  
Так, с обильным приростом возвращаешь  
Свой почет, что ты принял, и взаимно  
<sup>10</sup> Украшая отчизну и науки.

96.

СТИХОТВОРЕНИЕ К ТОМАСУ ДИДИМУ,  
ПОЭТУ ЛАУРЕАТУ

Те похвалы, что ты мне направляешь, ученейший  
Дидим,  
Более тех несомненно, что мог бы принять на себя  
я;  
Если бы даже лица не касались они никакого,







- 20     Конь тот предательский мог воинов спрятать  
в себе.  
 Город какой Вимфелинг и Спигеллий не сделали б  
славным,  
 Город и Кирхер какой славным бы сделать  
не мог?  
 Сапидус твой, что достоин ученых Афин, он  
откуда?  
 Шторк, как и твой Фригион оба откуда, скажи?  
 Молви, откуда Арнольд, взлелеянный музами,  
сердцем  
 Светлый откуда, скажи, Шурер еще Матнас?  
 Пусть умолчу о других, но Беат тот Ренан  
не довольно ль  
 Счастием дарит тебя, двух языков грамотей?  
 Нет ли какого родства у тебя с безоблачным  
небом?
- 30     И не Паллады ли град дарит величье тебе?  
 Почва рождает тела, дух же с высей эфира  
нисходит,  
 Прочие — члены родят, ты же таланты родишь.  
 Всякий завидовать стал бы столь явственным  
выгодам, если  
 То не считать, что даешь миру ты все —  
не себе.  
 Слава одна у тебя, но плоды ее всем достаются  
 Там, где на свете у нас есть человеческий род.  
 Эти Эразм написал, не забывший о гостепринимстве,  
 Строки тебе, пусть просты, — музы  
признательной дар.

99.

ЭПИТАФИЯ ФИЛИППУ, КЛЮНИЙСКОМУ АББАТУ

- Путник:* Почему Благочестье быть здесь радо  
С хороводом сестер своих у камня?  
*Благоч.:* Здесь покоится наш предстатель давний,  
Тот Филипп, кто давно уже в собрание  
Был ключийцев первейшим украшеньем.  
*Путник:* Но ведь скорби пристал обычно траур,  
А на вас белизну одежд я вижу.  
*Благоч.:* Нравы чьи непорочно белы были,  
Чья и жизнь и чиста, и безупречна,—  
Смерть того, полагаю, не пристало  
Очернять или трауром, иль плачем.

100.

МОЛЕНИЕ. «САЛЬВЕ МАРИЯ»

- О царица, за всех сострадалица грешников, сальве,  
Сладость, надежда сама, наша ты жизнь на  
земле;  
Все мы взываем к тебе, сыновья плачевнейшей  
Евы,  
Коиx и слезы и стон в юдоли этой теснят.  
Так обрати же на жалких свои, сожалеючи, взоры,  
После негодных веков сына яви своего.  
Сладостна ты ведь, блага, ты исполнена кротости  
высшей,  
Сделай достойными нас сына узреть твоего.

101.

ЛУКЕ ПАЛИУРУ ИЗ РУФФАХА, УПРАВЛЯЮЩЕМУ  
КАНЦЕЛЯРИИ ЕПИСКОПА БАЗЕЛЬСКОГО,  
СТИХОТВОРНЫЙ ЭКСПРОМТ

Пашня, истощена безмерной вспашкой,  
Земледельца несчастного обманет.  
И талант, изнурен работой долгой,  
Не родит ничего, что стоит нашей  
Той любви, какой из всех тебя лишь  
Удостою, сладчайший Палиур мой,  
Хоть любовь та заслуг твоих не стоит  
И учености всей, согласной с ними.  
Что позволено лишь,— навеки в этом  
Поручусь,— до глубин до самых сердца  
Моего возлюблю Луку, как должни-

102.

КОГДА МНОГО МЕСЯЦЕВ НЕПРЕРЫВНО ЛИЛ ДОЖДЬ  
И ЛИШЬ НА ДЕНЕК СОЛНЦЕ ПОКАЗАЛОСЬ МИРУ,  
И СНОВА НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ПРЕЖДЕ, ШЕЛ ДОЖДЬ,  
ЭРАЗМ, НАПРАВЛЯЮЩИЙСЯ В БАЗЕЛЬ, НА ПУТИ ТАК  
ПОСМЕЯЛСЯ НАД ЮПИТЕРОМ

Если 6 месяцев восемь непрестанно  
Лил Юпитер дождем, глухой к молениям,  
Он уж все бы поля сгубил некстати,  
Истерзал виноградники и нивы,  
Наконец перестал, стыдись,— считаю,—  
И тогда, наконец, явилось солнце,  
Что страшилось ходить по небу мира,

Полагая, что ночь навек настала.  
Дня ему полтора светить позволив,  
<sup>10</sup> Весь туманами скрыл и облаками  
Мир повсюду, где был он виден ясно,  
И опять продолжал себе быть верным.  
Коль Олимпом ты так же управляешь,  
И не кто ты иной, как туч сбиратель,  
Кто не вспомнил бы тут Гигантов рвенье  
И, смешав твой привычный титул, назвал  
Богом худшим тебя и самым низким.

103.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ ДАРИТ В ПОДАРОК  
ВИЛЬЯМУ НЕЗЕНУ ПИСЧИЙ ТРОСТНИК (КАЛАМ)  
СО СЛЕДУЮЩЕЙ ЭНИГРАММОЙ

*Калам говорит*

Столько томов, и каких, написал я, калам  
цезаметный  
Только один, но водим был я Эразма рукой.  
Нил меня породил, подарил же Рейхлин Эразму;  
Ныне на отдыхе я — мною владеет Вильям.  
И да хранит он меня, посвященного музам и Фебу,  
Как драгоценный залог вечного дружества их.  
Да не погибну безвестным: ведь я же виновник,  
что столько  
Незабываемых знать будет потомство имен.



- Не описал,— кто трижды велик,— и причину,  
а после —  
Славные судьбы, что были предвещаны волею  
божьей.  
Славы деяния он защитил от безвестности  
темной,  
Свет красноречия римлян и пафос священный  
возжегши  
Песни испанской, а также и речью своей  
вдохновенной.  
Не представляет Ясона стихом он фальшивым,  
не пишет,  
Что усыпляет Медея неспящего вечно Дракона  
Иль, что из свежих борозд прорываются воины  
к бою.
- <sup>20</sup> Но превосходные чуда руна, которое стало  
Влажным на почве сухой, а после, напротив,  
явилась  
Влажной земля от дождя, между тем, как руно  
было сухо,—  
И Гедеона дерзання, и свыше внушенные битвы  
Воинов оных трехсот, которых жестокая жажда  
Словно зверей не склонила нагнуться к струящимся  
водам;  
Сладкие струи, однако, руками они зачерпнули.  
И побежденные чистым молением свирепые толпы  
Дьяволов, и укрепления, набитые воинов тьмою,  
Воинство также святое и славного ордена доблесть
- <sup>30</sup> Непревзойденную он лебединою песнею славит,  
Пылким стихом вознося величанья преславные  
Марсу,  
Чтобы, как видно, хвалы уже долгое время немые,  
Как и молчанье само разбудить испанскою песней.

Так будет доблесть твоя, величайший Карл,  
всееоружна,  
Счастлива только тогда и повсюду прославлена  
в мире,  
Непобедимую силу когда и великую крепость  
Копьям Бургундин даст, помогая, испанская пика.

106.

ЭПИТАФИЯ К ИЗОБРАЖЕНИЮ СЛАВНЕЙШЕГО  
МУЖА ИЕРОНИМА БУСЛЕЙДЕНА, ПРОБСТА  
В ГОРОДЕ ЭР И СОВЕТНИКА КАТОЛИЧЕСКОГО  
КОРОЛЯ, БРАТА ДОСТОПОЧТЕННЕЙШЕГО ОТЦА  
И ГОСПОДИНА ФРАНЦИСКА, БЫВШЕГО  
АРХИЕПИСКОПА БЕЗАНСОНА, КТО ЗА БОЛЬШИЕ  
ИЗДЕРЖКИ ОСНОВАЛ В ЛУВЕНЕ КОЛЛЕГИЮ,  
В КОТОРОЙ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ  
ОБУЧАЮТСЯ ТРЕМ ЯЗЫКАМ — ЕВРЕЙСКОМУ,  
ГРЕЧЕСКОМУ, ЛАТИНСКОМУ

Прекрасно человека написавший здесь,  
Души ты помогаешь начертать красу.  
О если б на картине в мире зреть одной  
Вблизи всех дивных качеств дивный хоровод.  
И благостию священнейшую истинно,  
Возвышенную с нею рассудительность,  
Полезнейшую также образованность,—  
Иероним всей этой обладал красой  
Буслейден,— светоч славный всей семьи своей.



107.

ТРОХАИЧЕСКИЕ ТЕТРАМЕТРЫ

Честь Буслейденова рода самая нам близкая,  
Нас ужель, похищен юным, бросил ты, Иероним?  
Род, науки, двор и церковь, и сенат, и плебс  
простой  
Иль своей звезды не видят, иль заступника зовут.  
И не может тот погибнуть, кто окончил честно  
жизнь:  
О его заслугах слава до потомков доживет.  
Трехязычная ученость красноречием тройным  
Скажет о тебе, тобою восстановлена в цвету.

108.

НА СМЕРТЬ БРУНО АМЕРБАХА

Бруно лежит здесь, до срока похищенный роком  
враждебным,  
Кто в Амербахов роду первую славою был.  
Жить не хотел он, супруг, пережив дорогую  
супругу,  
Умер как голубь, тотчас вслед за подругой  
своей.  
Нежные плачут Хариты по нем, трехязычные  
Музы  
И поседевшая вдруг с Честностью Вера сама.

109.

**ЭРАЗМ О СОГЛАСИИ ИМПЕРАТОРА КАРЛА  
И ГЕНРИХА, КОРОЛЯ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ**

Если когда-то сошлись в небесах благосклонные  
звезды,  
Это случается лишь к высшему благу людей.  
Ныне, поскольку монархов высоких два искренних  
сердца  
Редкая уж на земле соединила любовь,  
Немаловажные тем себе выгоды мир обещает,  
Генриха видит когда, с Карлом скрепившим  
союз,  
Как если б он увидал, что сходятся Солнце  
с Венерой,  
Или Юпитера зрел с Солнцем в схождение  
благом.

110.

**ТО ЖЕ НА ПОСТРОЙКУ ХРАМА В КАЛЕ**

Дивисься, гость, громаду видя новую?  
То — храм, Согласно посвященный царскому,  
Затем его здесь и воздвигли Грации.

112.

**ЗАМОК МЕЕРСБУРГ**

Не без причины смертными прославлено  
Катона ль, черепахи ль изречение:  
Немалой долей счастья является  
Прекрасно жить. Но всякий, сочетал бы кто  
Приятность и защиту с непорочностью,

Соорудил бы, верно, славный дом себе.  
Коль мил я, гость, тебе дарами этими,  
Признай того, кем создан, кто владеет мной.  
Характер свой явил он в сем творении,  
<sup>10</sup> Друзьям надежным верный и себе оплот.  
Так, от врагов и козней безопасен я  
Строителя старанием и храбростью,  
Чист благостью его и мил любезностью:  
Таким себя в своем явил он детище.  
Я обновлен, отделан, возвеличен им,  
Бароном Иоганном, славным прозвищем.  
Коль знать его желаешь,— Меерсбург зовусь.

113.

ЭПИТАФИЯ НА СМЕРТЬ МАРТИНА ДОРПА

Едва покинул землю Дорпий наш Мартин,  
По сыну плачет в скорби мать — Голландия,  
Теологи рыдают: их угасла честь,  
Камени плачут с Грациями чистыми,  
В слезах тоскуют о таком заступнике,  
И школа вся Лувенская в стенаниях,  
Своей звезды не видя, восклицает: «Смерть  
Жестока, зла, люта, дика, завистлива,  
В цвету до срока рубящая дерево,  
<sup>10</sup> Ужели столько ты надежд лишаешь нас  
И дарований, и молитв? Но слезы прочь!  
Нет, он не умер; жив он, и таланты все  
Хранит надежно, худший их лишивши век.  
Наш жребий слезен, но признание — Дорпию.  
Земля хранит приют благого разума —  
Скончавшегося тело, что на трубный глас  
Откликнувшись, воспрянет с лучшей верой вновь.

114.

НА ЯКОВА,  
ПОГРЕБЕННОГО НЕМНОГО ПОЗЖЕ

Пока ты рад, что трапезу небесную  
Вкушает Дорпий, Яков, он тебя зовет.  
Так, в свой черед мы рады,— и тебе дано  
Вкушать отныне трапезу небесную.

115.

ЭПИТАФИЯ ДИРКУ МАРТЕНСУ

Здесь я покоюсь в земле, Теодорик, в Алосте  
рожденный;  
Было искусством моим книжных тиснение букв.  
Брата, жену и детей, и знакомых своих  
переживший.  
Сил еще полно, я жил восемь десятков годов  
Якорь священный по мне остается, известнейший  
людям.  
Будь же священным, Христос, якорем ныне  
моим.

116.

ЭПИТАФИЯ ИОГАННУ ФРОБЕНУ,  
НАПИСАННАЯ ЭРАЗМОМ РОТТЕРДАМСКИМ

Бренные кости Иоганна Фробена сей камень  
скрывает,  
В мире же всем умереть слава не может его.  
Царями чистыми жизни, делами ее заслужил он,—

Скорбно лежат они днесь вместе с родителем их.  
Восстановил он, украсил труды мудрецов  
стародавних  
Рвением, уменьем, трудом, средствами, верой,  
добром.  
Вечную жизнь в небесах ему дайте, правые боги,  
Мы же ему на земле вечную славу дадим.

117.

ТОГО ЖЕ ЭРАЗМА ТОМУ ЖЕ ФРОБЕНУ

Иоганн Фробен типограф вот от жизни отошел;  
Больше всех ему обязан труд во имя разума.  
Не рыдайте над усопшим: жив, живет и будет  
жить,—  
И в душе своей, и в славе, в книгах, что оставил он.

118.

ПОХВАЛА

«АСТРОНОМИЧЕСКИМ НАСТАВЛЕНИЯМ»  
ИОАХИМА ШТЕРКА. БАЗЕЛЬ, 1523

Если ты хочешь постичь звездоносного мира  
начала,  
И как с кругами круги сплетены в небесном эфире,  
И, наконец, какие черты проводит наука,  
Чтобы рассечь поясами пространство полого  
свода,—  
Юноша, все прочитай, что тройное автора рвенье  
Предало книге и путь легкий к высям эфира  
открыло.

Так, воспари ж, кто ползешь по земле, огляди же  
отчизну.  
К звездам, легкий, стремись, кто и род свой ведешь  
от созвездий.

119.

НА ТО ЖЕ.

ДЕЗИДЕРИЙ ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

Что ты с трудом найдешь в громадной книжке,  
Легко табличка эта даст глазам твоим!  
Труд одного всех прочих зачеркнул труды.  
То труд Ноахима. Прочитай. Прощай.

120.

ЭПИТАФИЯ ФИЛИППУ ГАНЕТОНУ

Шпор золотых здесь рыцарь, Ганетон Филипп.  
Филиппу королю и Карлу кесарю  
Служил он славно аудиенциарием.  
Священный орден, злато кто руна песет,  
Своих богатств храненье поручил ему.  
Лишь в нем едином доблесть победила зло,—  
Ко всем такая вера и радушье в нем  
С душою чистой были; высшим, низшим,— всем  
Единственно желанный, в себе он теперь.

121—122.

ДВЕ ЭПИТАФИИ  
НИКОЛАСУ ВАИ УТЕНХОВЕНУ

121.

Камнем этим покрыт герой преславный  
Николай Утенховий, всем известный,  
Под главенством кого сенат весь Фландрский  
Процветал много лет и совершенно.  
Этот памятник здесь отцу сироты  
Водрузили, как дань благого долга,  
Но и тщетного все ж. Зачем такому  
Воздвигать монументы человеку,  
Чья повсюду прославленная доблесть  
Пребывает в умах у всех,— ни сила  
И ни давность ее не уничтожат.

122.

Богиня, кто ты? — Имя Справедливость мне.  
Но плачешь что? — О справедливце истинном  
Скорблю, о Николасе Утенховии;  
Всей Фландрии он славой был великою.  
Чем был он, лучше человека не было.  
С умершим вместе, мнится, умерла и я.  
Не справедлив он,— больше справедливости.

123.

ПРОЩАНИЕ С БАЗЕЛЕМ

Ныне, Базель, прощай,— другой не отыщется город,  
Гостеприимней ко мне бывший там много годни.  
Радостей всех я желаю тебе, и еще: чтоб ювеки  
Путник Эразма грустней не приближался к тебе.

124.

Вы мне скажите, зачем опрокинутой чашею небо  
Ночи и дни напролет падает наземь дождем?  
Вины оплакать свои не хотят земнородные люди,—  
Небо за нас потому ныне разверзлось в слезах.

125.

ЦЫПЛЯТА ДЛЯ НИКОЛАСА И ЮСТИНЫ  
ЕПИСКОПИЕВ

Сам ты петух, кура есть у тебя; с пожеланием  
лучшим  
Я петуха приношу, кому птенчиков кура лелеет.

126.

ЭПИТАФИЯ КОРНЕЛИИ САНДЕРС,  
ПОКОЙНОЙ СУПРУГЕ ПЕТРА ЖИЛЛЯ  
(ЭГИДИЯ)

Под камнем сим покоюсь я, Корнелия,  
Петром когда-то Жиллем мужем счастлива,  
Кому, как мать, отца названье сладкое  
Дала я восьмикратно. Дом лелеять свой,  
Детей любовью чистой, верой крепкою  
Во всем лишь одному супругу правиться,—  
Одной заботой, радостью единою  
Утехой было мне, надежд основою.  
Как ты поспешна, смерть, как рушишь крепкие  
<sup>10</sup> Любви и сердца соединенные!



Из-за тебя, завистница, отказано  
Мне люстр шестой окончить. Ты, читающий,  
Ступай, прохожий, душам верь умчавшимся:  
Все дымом сгинет,— лишь любовь останется.

127.

ДРУГАЯ ЭПИТАФИЯ ЕЙ ЖЕ

Я погребенной лежу под этим, Корнелия, камнем;  
Мужем, Жиллем Петром, прежде была я славна.  
Я восьмикратно ему отца даровала название  
Сладкое, но для меня радость была недолга.  
Раньше, чем было дано люстр шестой мне в жизни  
закончить,  
Интъ моей жизни была Паркой оборвана злой.  
Дом был заботой моей и дражайшие дети, и славой  
Доброю, кротостью я мужа к себе привлекла.  
Страстью то было моей, это было надежд  
основаньем,  
Это и в жизни моей сладостью было одной.

128.

ЭПИТАФИЯ ВТОРОЙ ЖЕНЕ  
ПЕТРА ЖИЛЛЯ (ЭГИДИЯ)

Под камнем сим Мария Дионисия;  
Второй, повторным браком, взял ее женой  
Эгидий Петр,— и дочкой был обрадован.  
Она ж от родов сгубла в дни немпогие,  
В годах цветущих, мало насладиться ей  
Супругом и детьми пришлось сладчайшими.  
О вечном думай: жизнь, как дыма облачко.

129.

ЭПИТАФИЯ АНТОНИЮ КЛЯВЕ,  
СЕНАТОРУ ГАНДАУ

Кто ты, что здесь почиешь? — Клява — прозвище,  
Антоний — имя. — Бедный, что здесь слышу я?  
Ужель угас сената светоч Гандау,  
Наук опора и краса дражайшая?  
— Я прожил вдоволь. Ибо люстр четырнадцать  
Окончил. И тебе довольно этого.  
Наукам и отчизне — недостаточно.  
О небеса, что ж людям выдающимся  
Бессмертья не дано неколебимого?  
<sup>10</sup> И остается, Клява, строчкой горестной  
И плачем жертву нам свершить, печалуюсь.

130.

ДИАЛОГ ШКОЛЯРА И КНИГОПРОДАВЦА

*Шк.* Что нового приносишь? Книгу?

*Кн.* Нет.

*Шк.* Так что ж?

*Кн.* Поток золотоносный.

*Шк.* Да, богата речь;

Так говори скорее.

*Кн.* Стагирит со мной,

И от него не скрылось знание ни одно.

А он его прекрасней для тебя взрастил.

*Шк.* Ты молвишь правду; это — Амалфен рог.

*Кн.* И в нем плодов обилье, и каких плодов!

*Шк.* И кто ж богатство это преподносит нам?

*Кн.* Его трудолюбивый Бебель нам несет.

*Шк.* Так он не словоносец — златоносец он?

*Кн.* О да, коль нечто злата и камней ценней,—  
Оно — ничто пред мудростью божественной.

131.

ДЕЗИДИЕРИЯ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО,  
ИЗБАВИВШЕГОСЯ ОТ ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЙ ЛИХОРАДКИ  
С ПОМОЩЬЮ ЖЕНЕВСКОЙ БОГОМАТЕРИ,  
СТИХОТВОРЕНИЕ, СОЧИНЕННОЕ ПО ОБЕТУ

Дивная, песнь разреши, что тебе посвятил по  
обету  
Скромный поэт, кто желает, моления неся, чтобы  
разум  
Ты вдохновила и силы — воспеть тебя, как  
подобает,  
О Женевьева, оплот твоего вернейший народа,  
Коего Галлия род заключает, простершись широко,  
Натрое разделена; но тебе несравненно дороже  
Та, где Секвана, от вод чужеземных исполнившись  
мощью,  
Вод, что Матрона выносит и с дружеским током  
мешает,  
По плодородным полям, по зеленым лугам и по  
склонам,  
<sup>10</sup> Что в виноградниках все, и по нивам, обильным  
плодами,  
Чистая, воды струит, поспешая к паризиев граду  
Главному, влево затем отклонившись, твою  
почитает,

Дева, твердыню, а после свои рукава разделяет  
И обтекает обширный храм Матери-Девы собою.  
После, богиню почтив молитвенным этим изгибом,  
Вновь возвращается в русло, к родившей тебя  
колыбели,

К той сладчайшей земле, где священная девочка  
первый

Крик издала, поспешает река, окрыленной струясь.  
Малое есть поселенье, но отпрыском счастливо  
славным;

<sup>20</sup> Значит, сюда торопясь, по дороге приветствует  
ближний  
Храм, посвященный тебе, Дионисий, свет истинный  
кельтов.

В области этой блуждая изгибами многими долго,  
Кружит и кружит опять, вдруг свои неожиданно  
русла,

Град обогнув, что оставлен, к твоей стремится  
колыбели  
Вновь, Женева,— ты скажешь: уходит река  
неохотно.

Наметодор существует, заслуженно всеми  
любимый,  
Памятки давние можно ему чужеземцам рожденья,  
Дивинал, всем показать твоего, и источник  
целебный,

Бьющий водою. Но дважды и трижды, четырежды  
даже,

<sup>30</sup> Под защитой твоей многолюдной Лютеции счастье;  
С Девою — Матерью, Дева, ты ей созидаеть защиту  
Цепью хранищею гор: ведь и та не стыдится  
товарки

Чина такого ж; а ты озираешь, дозорная, гордо

- Выси кругом и поля, что широко лежат пред  
тобою,  
И отвращаешь несчастья от галлов, тобою любимых;  
Та в своем лоне лелеет несчастных и в городе  
самом  
Страждущих внемлет стенапьям, а здесь,  
представляя, как мать  
Кроткого сына; а ты, Женевьсва, являешь подобно,  
Кротости высшей полна, жениха твоего, как  
невеста.
- <sup>40</sup> Обе меж тем защищаете вы, и со рвением равным,  
Вам друидов родных и сенат — королевским  
величьем,  
Но превыше всего короля — христолюбца храните,  
Тех, кто народу реченья божественного возвещает  
Разума,— городом чтобы, где разных народов  
смешенье,  
Правили равно по праву. И значит под властью  
вашей  
Нет в этот век государства, чтоб в чем-то оно  
процветало  
Благоприятней. Однако пора уже выразить в песне  
Благодаренье тебе, Женевьева, за жизни спасенье  
И восхваленья пропеть,— одному из бесчисленных  
тысяч,
- <sup>50</sup> Мощью спасенных твоей. Лихорадка, несущая  
немошь,  
Грозное, цепкое зло, настающее вновь на  
четвертый  
День, глубоко пронизала несчастного тела суставы,  
Сведущий врач говорил в утешение мне, что  
для жизни

- Вовсе опасности нет, но болезнь предстоит  
затяжная.  
Только что речью такой не убил он меня, словно  
молвил:  
И до того, как зайдет четырежды солнце,  
повиснешь  
Ты на высоком кресте; ведь давнишний рубец  
растревожен,  
Память пока воскрешает, хоть много уж лет  
миновало,  
Что еще мальчиком год я терзался в такой  
лихорадке.
- 60 Смерть уже звал я в молениях моих, ибо смерти  
прискорбней  
Врач мне недуг объявил: здесь твое мне  
могущество разум,  
Дивная, вдруг осенило, а с ним наилучшая дух мой  
Восстановила надежда, и молча я так размышляю:  
Дева — невеста, угодная богу, всегда припадала  
Ты своим телом к земле, помогать привыкшая  
сырым,  
Больше ты можешь теперь, когда царствием  
принята неба  
И ко Христу — жениху стала ближе; сюда, умоляю,  
Взоры склони, Женевьева, свои, лихорадку из тела  
Ты изгони: и участием — и жизнь без него мне  
не сладка —
- 70 Я заклинаю, спаси; ведь я думаю: легче однажды  
С жизнью расстаться, чем сгинуть, исчахнув от  
долгой болезни.  
Что обещать бы я мог, то — ничто, — не нуждаешься  
в этом.

Что остается: хвалы воспую пусть в признательной  
песне.

Только я это сказал, хоть и шепота не было  
даже,  
Истинно сам про себя средь таинственных разума  
глубей,—  
Дивное пусть сообщу, но вернейшее,— спрыгнув  
с кровати,  
Я возвращаюсь к занятиям и в теле не чувствую  
вовсе  
Ни истощенья следов, ни самой лихорадки  
застылой.

День уж седьмой наступал, когда вновь  
лихорадке явиться  
<sup>80</sup> Время пришло, но все тело бодрее и крепче, чем  
прежде,  
Было. Является врач и тому, что свершилось,  
дивится,  
Смотрит в лицо и язык, заключенный во рту,  
изучает,  
Жидкость затем, что пузырь мой тогда выделял,  
он немедля  
Требует; и, наконец, исследует пальцев концами  
Руки; когда ж и следов никаких не находит  
болезни,  
То говорит: «Что за бог, Эразм, тебя сделал  
внезапно  
Совершенно другим? И кто лихорадку из тела  
Выгнал, и мне как пророку,— хоть этому рад я,—  
пророху  
Сделал такую? И он, из богов кто бы ни был,  
в лечение  
<sup>90</sup> Выше меня, признаюсь, и сильней; никакая отныне







135.

ЭПИТАФИЯ УЛЬРИХУ ЦАЗИЮ

Так-то, жестокая смерть, и завистница, мир ты  
лишаешь  
Ульриха Цазия — он украшение блестящее права  
Цесарского и святого. Расчетлива ты непомерно;  
Да, ты учености всей и искусства почетного также  
Перл, целый мир богатейший, у коего с уст  
изливалась  
Речь, что и всякого меда гораздо приятнее, губишь.  
Пусть я теперь восхваляю любовь высочайшую  
к правде,  
Разум, что неба достоин, где он, уже  
освобожденный  
От бескрылого тела, счастливый блаженствует  
вечно.  
10 Что остается: тебя призываю, прилежная  
любовь,  
Меру назначь, наконец, ты слезам и законному  
горю:  
Цазия речи могучей теперь лишена ты, однако  
Вечные памятники его гения здесь остаются;  
Не выпускай их из рук и пред взором держи  
постоянно,—  
Дышит и в них говорит вечно лучшая часть  
человека.

136.

**ФИНИКИ НА ДЕСЕРТ**

Плод на деревьях растет, у которого ножка как  
пальчик,  
И называет его пальчиком галльский язык.  
Если б ты мог припасти шесть их, восемь иль  
десять, тогда уж  
Сытому чреву была б эта концовка мила.

## ДОПОЛНЕНИЯ

(стихотворения, приписываемые  
Эризмю Роттердамскому)

### 1.

#### НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕВРОПЫ, СОБЛАЗНЕННОЙ МОНАХАМИ

Если правдиво преданье, Юпитер Европу, принявши  
Облик быка, соблазнил, ловко ее обманув.  
Ныне же ею, о стыд, в смиренном обличии агнца  
Овладевает монах,— то не преданье, а факт.

### 2.

#### НА ТО ЖЕ САМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Блудная шлюха монахов, бывшая девица Европа,  
Славную прежде кого только Юпитер познал,  
Молви, молю, где твой облик быллой? Где одежда  
белоснежность?  
Что ты затертою вся, что ты лохматой лежишь?

*Европа отвечает*

Разве не видишь, какое здесь стадо со мною?  
Оно же  
Отняло честь у лица, отняло бога дары.  
Счастливы Азин земли и Ливии — в них  
не найдется  
Столь непотребной толпы пагубных им женихов.

3.

ЮЛИЙ II

Как Юлия второго подошло тебе  
Прекрасно имя. Явно Юлий ты второй.  
Верховным тот был некогда понтификом  
И нечестиво тот тираном сделался.  
Тому, как и тебе, лишь вера нравится,  
Из-за стремленья к власти оскверненная.  
Богов тот презрел; в этом также Юлий ты.  
Тот целый мир войной, убийством, кровию  
Наполнил,— так и в этом Юлий ты второй.  
<sup>10</sup> Тот величайшей был для галлов пагубой;  
И ты гибель галлов величайшая.  
Святого тот не ведал — лишь святую хворь;  
И грудь того, злодейства все питавшая,  
Дышала злом, был ум — сообщник мерзостей;  
Был мрачен лик того от взора грозного;  
И был хитрей тот прохиндея всякого:  
И в сих и в прочих славных дарованиях  
Ты схож и равен, нет — ты больше Юлия.  
Ты от него приметой малой различишься:  
<sup>20</sup> Безродный, не науки — любишь ты вино.  
Что здесь многоглаголать? Весь как Юлий ты,  
Но, видно, Брута на тебя не сыщется,  
А Ликомеда мало одного тебе.  
И славой сей ты будешь больше Юлия.

НА ТОГО ЖЕ ЛИГУРИЙЦА

Как верно ты, как метко назван Юлием!  
Верховным был тот некогда понтификом  
И нечестиво тот тираном сделался;  
Презрел богов тот,— в этом также Юлий ты;  
Святого тот не ведал — лишь святую хворь;  
Тот целый мир войной, убийством, кровию  
Наполнил, так и в этом Юлий ты второй;  
Ты с галлами воюешь,— Юлий ты и здесь;  
Но Лекмеда мало одного тебе,  
<sup>10</sup> И тем уже ты будешь больше Юлия;  
Ты от него приметой малой различишь,  
Безродный, не науки — любишь ты вино.  
Что здесь многоглаголать? Весь как Юлий ты,  
Но, видно, Брута на тебя не сыщется.

4.

ЭПИТАФИЯ НИКОЛАСУ БЕХЕМУ

Здесь похоронен Эгмонд, земли бесполезное бремя;  
Буйство одно он любил,— да не поконтся он.





**ИОАНН  
СЕКУНД**



**ПОЦЕЛУИ**



Перепеся на Киферу Аскания-виука, Венера  
 Спящему стлала ему нежных фиалок ковер:  
 Распространяла кругом покровы из роз белоснежных,  
 Благоуханиями местность кропила вокруг.  
 Словно воскресло в душе к Адонису прежнее пламя,  
 В члены глубоко опять вкрался знакомый огонь.  
 О, сколько раз хотела обилья она шею у виука!  
 О, сколько молвила раз: был мой Адонис таков!  
 Но не решалась смутить младенца покой безмятежный  
 И поцелуев дала тысячу — розам кругом.  
 И занялаи цветы, а губы влюбленной Дионы  
 Шепотом веют на них, легким дыханьем уст!  
 Сколько касалася роз, поцелуев столько же тотчас  
 Радость богини в ответ отображали, родясь.  
 Вот, Киферея, плывя в облаках на лебедях белых,  
 В путь понеслась: облетать круг непомерный земли.  
 Как Триптолем, плодородной земле поцелуи богиня  
 Сыплет, и трижды звучат чуждым звучаньем уста.  
 И оттого у людей, у немощных, счастлива нива,—  
 В том врачеванье от мук также и я нахожу.  
 Ты же прославься повеки, облегченье влюбленного пыла;  
 Влажный живи поцелуи, в розах прохладных  
 рожден!

Ваш я отныне поэт. Я буду вас неть, поцелуи,  
 Не позабыта доколь будет вершина Медуз,  
 И энеадов своих и отрасль любимую помня,  
 Нежную Ромула речь не позабудет Amor.

2

Как виноградная льнет лоза к соседнему вязу,  
Или вяясь по ясеню  
Стройному, руки свои бескощечные плющ простирает,—  
Неера, если б так же ты  
Цепко к шее моей могла прижиматься руками;  
Неера, если б так же я  
Белую грудь твою мог оплетать непрестанно объятьем.  
Всечасно целовать тебя,—  
То ни Церера тогда, ни забота о друге Лнее,  
Ни слов забвенья сладостных  
Не оторвали б меня, моя жизнь, от губ твоих алых,—  
Но умерли б в лобзаннях мы,  
И унесла бы ладья двоих любовников вместе  
К чертогу Смерти бледному!  
По благовонным лугам, пределам с вечной весною,  
Мы в те места приплыли бы,  
Где героини весь век среди благородных героев,  
Живя любовью прежнею,  
Иль хороводы ведут, иль ответные песни слагают  
Средь мирт долинных, радостно.  
Роз и фиалок цветы, с золотыми кудрями нарциссов  
Под сенями дрожащими  
Сыплет лавровая роща, и с шелестом шепчущим сладко  
Зефиры веют теплые  
Вечно,— и незачем там земле раскрывать под сохою  
Утробу плодородную.  
Вся блаженных толпа поднимается встретить  
прибывших.

На травяных седалищах  
Между Меонид и нас посадят на месте почетном,  
И из подруг Юпитера  
Не возмутится в тот миг ни одна, что честь уступает,  
Ни Тиндарида, дочь его.

3

— Девушка, милая, мне поцелуй подари! — говорил  
я.—

Губы тотчас мои губками выпила ты.  
Вдруг испугалась, как будто в траве на змею наступила.  
И от лица моего уж отрываешь лицо.  
Не поцелуй подаренный, но то, что желанье даешь ты  
Мне поцелуев еще,— вот что плачевно, мой свет!

4

Не лобзанья дает Исера,— нектар  
И росу благовонную для сердца.  
Нард дает с тимьяном, с киннамомом,  
Мед, который берут в горах Гимета  
Пчелы или на розах кекронийских,  
И под девственною хранят вошиной,  
Кроя соты кошелкою из прутьев.  
Если только мне дашь вкусить их много,  
Я бессмертным от них сейчас же стану,  
Буду принят на пир богов великих!  
Но храни при себе дары такие.—  
Иль сама становись богиней тоже!  
Без тебя не хочу богов трапезы,  
Если б даже, Юпитера повергнув,  
Царство рдяное мне вручили боги!

5

В час, как нежными ты меня руками  
Обнимаешь и жмешь и, приближаясь  
Шеей, грудью и личиком лукавым,  
У меня на плечах виснешь, Неера,  
И с губами свои сливая губки.  
И кусаешь, и стонешь от укусов,  
И язык так и так колеблешь зыбкий,  
И язык так и так сосешь молящий,  
Выдыхаешь души дыханье нежной,  
Сладкозвучное, влажное, в котором  
Пища горькой моей, Неера, жизни,  
Пьешь мою понижающую душу,  
Слишком сильно сожженную пыланьем,  
Жаром груди сожженную бессильной,  
И смеешься над пылом тем, Неера,  
И дышу я огнем испитой груди,—  
О отрада и радость всех пыланий! —  
Говорю я тогда: Амор — бог богов.  
Нет на свете богов Амора больше,—  
Если ж кто-нибудь есть Амора больше,  
Только ты лишь одна, Неера, больше!

6

Славно условились мы о тысячах двух поцелуев,  
И поцелуев я дал тысячу, тысячу взял.  
О, соблюла ты число, клянусь, моя радость Неера,—  
Но никогда не склонна к точному счету любовь!  
Кто похвалил бы хлеба, чьи колосья возможно  
исчислить?

Кто сосчитал бы траву на орошенной земле?  
Вахх, возносят тебе о сотне ли гроздьев моленья?  
Сельское кто божество молит о тысяче пчел?  
Если Юпитер благой кропит пересохшее поле,  
То упдающих вод капли не в силах мы счесть;  
Или когда от ветров содрогается воздух, и в небе  
Гневный Юпитер рукой схватит оружие свое,  
Буйственным градом лазурь побивая морей или землю,  
Сколько он буйный сметет нив и во скольких  
местах?

Также и зло и добро посылается с неба без счета,—  
Мощен Юпитера дом, так подобает ему.  
Ты же, сама божество, красивее оной богини.  
Что по морскому пути в зыблемой конхе плыла,  
Неба дары,— поцелуи,— зачем числу подчинишься?  
Ведь не считаешь моих стонов, жестокая, ты!  
Ты не считаешь и слёз, нистекающих, словно потоки  
Вечно бегущей воды, вдоль по лицу моему.  
Если считаешь ты слезы, считай и лобзанья,— но если  
Слёз не считаешь, нельзя и поцелуи считать.  
Дай же ты мне утешений — напрасных! —  
в томительных муках,  
Ради бесчисленных слез счет поцелуям прерви.

7

Поцелуев до сотни сот,  
Поцелуев до тысяч ста,  
Или тысяч до тысячи,  
Тысяч тысячи множи,—  
Сколько в море Сицилии  
Капель, звезд ли на небе,—

Столько рдяным твоим щекам,  
Столько рдяным твоим губам  
И глазам говорящим дам  
В неустанном порыве я,  
    О красотка Неера!  
Но едва лишь обнимемся,  
Сблизив щеки румяные,  
Сблизив губы горячие  
И глаза говорящие,  
Не дается увидеть мне  
Губ и розовых щек твоих,  
Ни твоих говорящих глаз,  
    Ни улыбки умильной.  
А они — словно Цинтий-бог.  
Черный с неба согнавший кров,  
Сквозь эфир успокоенный  
Коней блещущих правящий,  
Светлый рдяным сиянием,—  
Все слезинки со щек моих,  
Все заботы с души моей,  
    Вздохи все отгоняют.  
Ах! Сколь сильный у глаз моих  
Возникает с губами спор!  
Самого я смогу ль стерпеть  
Громовержца соперником?  
Так, соперничая, глаза  
    Губ моих не выносят.

8

Неистовство какое  
Иль ярость поощряет  
Тебя, моя Неера,  
Так уязвлять язык мой  
Укусом столь жестоким?  
Тебе ужели мало,  
Что в грудь мою воцелились  
Пронзительные стрелы  
Из рук твоих? Зачем же  
Ты дерзкими губами  
Мученье причиняешь  
Частице говорливой,  
Которой я с рассветом,  
Которой я с закатом  
И длительными днями,  
И в огорченьях ночи  
Тебя хвалил и славил?  
Неверная! Не знаешь!  
Ведь это — тот язык мой,  
Который эти кудри,  
Играющие глазки,  
Блещающие груди  
И мягче пуха шейку  
Прельстительной Нееры  
В стихах моих ко звездам  
За жаркий мира пояс  
Вносил на зависть небу?  
Тебя — моим блаженством,  
Тебя — моею жизнью,  
Души цветком душистым,  
Тебя — моей любовью,  
Тебя — моей утехой,

Тебя — моей Дионой,  
Тебя — моей голубкой  
И горлинкою белой  
Венере звал на зависть?  
Не это ли, однако,  
В надменную вселяет  
Охоту ранить друга,  
Кто ни в каких мученьях,  
Красавица, — ты знаешь, —  
Не гневался настолько,  
Чтоб вечно этих глазок,  
Чтоб вечно этих губок  
И этих сладострастных  
Зубов, дающих муки,  
Не петь среди страданий  
Лепечущею песнью!..  
О мощь красы! О гордость!

9

Не все мне влажный ты поцелуй давай  
С умильным смехом, с шепотом ласковым,  
И не всегда, обняв за шею,  
Изнемогая, ко мне склоняйся!

Своя есть мера и для приятных дел,  
И чем сильнее радость в душе моей,  
Тем легче скуку и томленье  
Вслед за собою приносит снова.

Коль поцелуев трижды я три прошу,  
Ты вычти семь и разве лишь два мне дай,  
И то не длинных и не влажных, —  
Но как дает стрелonoсцу брату



Диана дева, иль как дает отцу  
Еще любви не знавшая девушка,—  
А после, резвая, подальше  
С глаз моих зыбкой беги стопую!

Потом в покои самые дальние  
И в закоулки скройся укромные,  
Но и в глубоких закоулках,  
В дальних тебя разыщу покоях!

И — победитель пылкий — на жертву я  
Свои накинута руки властительно.  
Схватчу, как мирную голубку  
Ястреб изогнутыми когтями!

И ты отдашь мне руки молящие,  
И ты, на мне повиснув, безумная,  
Меня захочешь успокоить,  
Радостных семь подарив лобзаний.

Ошиблась: чтобы смыть преступление.  
Соединим лобзаний мы семью семь!  
Рукой, что цепью, эту шею  
Буду задерживать, о беглянка.

Доколь, исполнив всех поцелуев счет,  
Не поклянешься всеми любовями,  
Что за такой проступок чаще  
Будешь нести наказание тем же.

Определенных, меня покоряющих, нет поцелуев:  
Влажные влажными ль мне дашь ты губами,—  
я рад,  
Но и в сухих поцелуях своя привлекательность тоже,  
Часто по телу от них теплые струи бегут,  
Сладостно также лобзанья дарить и мерцающим  
глазкам,  
Чтоб у виновников мук милости этим снискать.  
Или устами к щекам приникать вплотную и к шее,  
И к белоснежным плечам, и к белоснежной груди.  
Обе щеки отмечать и шею всю знаками страсти.  
Плеч сияющий блеск, груди сияющий блеск.  
Или губами сосать язык твой трепетный, чтобы  
Соединиться могли через уста две души,  
Или ж обоим душой разливаться в теле другого  
В миг, когда пред концом изнемогает любовь.  
Краткий и долгий меня пленяет, и слабый, и крепкий,  
Ты ли даришь мне, мой свет, я ли дарю поцелуй.  
Но принимая одни, отдавай непременно другие,  
Чтоб поцелуев игра разнообразна была.  
Тот же, кто первый не сможет придумать способов  
новых,  
Пусть, глаза опустив, внемлет веленьям таким:  
Сколько дано поцелуев обоими, сладостных, столько  
Способом тем же в ответ ты победителю дай.

11

Слишком звонкие я, говорят, даю поцелуи,  
Как не наказывал нам предков суровых уклад.  
Да, когда шею твою обнимаю я жадным объятьем,  
От поцелуев твоих изнемогая, мой свет,—  
В страхе ставлю вопрос, что и кем обо мне говорится,  
Кто я и где нахожусь, вспомнить почти не могу...  
Но, услышав, рассмеялась красотка Неера и тут же  
Шею мою обвила вокруг белоснежной рукой.  
И поцелуй мне дала, сладострастней которого вряд ли  
Киприи нежной уста Марсу несли своему.  
— Что,— говорит,— иль боишься ты строгой толпы  
осужденья?  
Я ведь одна лишь могу быть в этом деле судьей!

12

Что лицо отстраняете стыдливо,  
Вы, матроны и скромницы девицы?  
Я проделок богов не воспеваю,  
Не пою и чудовищных пороков,  
Песен тут непристойных нет, которых  
В школе ученикам своим невинным  
Не прочел бы взъерошенный учитель.  
Я пою безобидные лобзанья,  
Чистый жрец хоровадов аонийских.  
Но лицо приближают вдруг зазорно  
И матроны, и скромницы девицы,  
Потому что случайно по незнанию  
Сорвалось у меня одно словечко...  
Прочь отсюда, докучливая стая,

И матроны, и девушки дурные!  
О насколько моя Неера чище —  
Хоть сомненья в том нет: без слова книга  
Ей любезнее, чем поэт — без стержня.

13

Я изнемогший лежал, моя жизнь, после сладостной  
битвы  
И бездыханный рукой шею твою обнимал.  
И не могло уж дыханье, в сожженных устах пламенел,  
Сердце к жизни вернуть веяньем новым своим.  
Стикс пред очами возник и царства, лишённые света,  
Бледная — видел — плыла старца Харона ладья  
В миг, когда, поцелуй извлекая из груди,  
Ты освеженье дала вдруг пересохшим устам,  
Тот поцелуй, что увел меня из стигийского дола  
И в одинокой ладье плыть приказал старику.  
Нет, я ошибся, и он не плывет в ладье одинокой,  
Уж уплывает моя к Манам печальная тень.  
Часть твоей, моя жизнь, души живет в этом тело  
И распадаться она членам моим не дает,  
Но, нетерпенья полна, к состоянью былому вернуться  
Часто стремится в тоске, тайной дорогой скользя.  
Можешь разве лишь ты согреть ее милым дыханьем,—  
Или покинет она слабое тело мое.  
Но если так, приникай губами к губам моим крепко!  
Пусть витает двоих дух постоянно один,  
Чтобы за поздней тоской, исполненной буйственной  
страсти,  
Из сочетавшихся тел жизнь улетела одна!

14

Что даешь мне пылающие губки?  
Не хочу целоваться я с жестокой,  
Жестче мрамора жесткого, Неерой!  
Хочешь, гордая, ты, чтоб поцелуи  
Я ценил, начинать не смея битвы,  
И подъятым не раз упругим дровом  
И свои, и твои пронзал одежды?  
Чтоб, пылая напрасным ожиданьем,  
Чахнул с кровью взволнованной, несчастный?  
Что бежишь? Оставайся! Эти глазки  
Дай мне, дай и пылающие губки:  
Целоваться с тобой хочу я, с нежной,  
Нежной, пуха гусиного нежнее!

15

Лук у виска натянув, раз мальчик стоял идалийский,  
Уготавливая тебе гибель, Неера-краса.  
Но только лоб увидал и на лоб упавшие кудри,  
Взор беспокойный и в нем ясные знаки тоски,  
Жар воспаленных ланит и Венеры достойные груди,—  
Он из смущенной руки стрелы свои уронил,  
И по-мальчишески вдруг к твоим устремившись  
объятьям,  
Тысячу — разных — тебе дал поцелуев Amor.  
И от лобзаний его сок миртовый, кипрская влага,  
В грудь проникнув твою, до глубины разлилась.  
Всеми богами потом и Венерою матерью дал он  
Клятву, что никогда зла не свершит над тобой.  
Стану ль дивиться теперь, что душисты твои поцелуи  
И что для нежной любви ты недоступна, увы?

Ты, нежнее светил ясных Латолиных,  
И звезды золотой краше Венериной,—

Дай мне сто поцелуев,  
Дай не меньше, чем Лесбия

Их давала певцу многожеланному,—  
Сколько нежных Венер и Купидонов всех

На губах твоих реет,  
На щеках твоих розовых;

Сколько жизней в глазах, сколько смертей несешь,  
Сколько страхов, надежд, радостей, смешанных

С постоянной заботой,  
Сколько вздохов влюбленных уст,—

Столько, сколько в мою грудь ядовитых стрел  
Легкокрылый вонзил злою рукою бог,

Столько, сколько в колчане  
Сохранил он своем златом!

С ними нежности дай, дай откровенных слов.

Сладкозвучным прибавь шепотом лепетов,

Не без нежной улыбки  
И укусов, желанных мне,—

Как дают голубки клювом трепещущим  
Хаонийские друг другу ласкательно.

Лишь зима унесется  
Вместе с первым фавонием.

Припади мне к щекам, словно безумная,  
Взором всюду скользи ты сладострастнее

И вели, чтоб тебя я  
Бледную поддержал в руках.—

Я тенетами рук стан твой опутаю.  
Жаркой крепко сожму грудь озябшую,  
Снова жизнь я продленным  
Поцелуем в тебя вдохну.

Будет так, пока сам падать начну, и дух  
Меж лобзаний меня влажных оставит вдруг,  
И скажу я, слабея,  
Чтоб ты в руки взяла меня.

И тенетами рук стан мой опутаешь,  
Теплой грудью прильнешь ты к охладевшему,  
Жизнь ты снова продленным  
Поцелуем в меня вдохнешь.

Так цветущих годов время, мой свет, с тобой  
Вместе будем срывать: вон уж несчастные  
Злая старость заботы  
И болезни и смерть ведет...

17

Как разликает вокруг окраску пурпурную утром  
Роза, окроплена влагой полночной росы,  
Так и моей госпожи поутру губки алеют:  
Их увлажняли мои долгою ночью уста.  
Личико губки ее обрамляет венцом белоснежным,  
Будто белой рукой дева фиалку берет,  
Вишня кудрявая так в цветении зрелом пылает  
В пору, когда на ветвях лето встречает весну.  
О я несчастный! Зачем, когда мы сливаем в лобзаньях  
Жгучих уста, мне пора ложе твое покидать?

О, красавица! Губ до тех пор сохранила б ты алость,  
Как приведет меня вновь ночи безлунной покой,  
Если ж губы твои у другого сорвут поцелуи,  
Пусть они станут бледней щек исхудалых моих!

18

Моей любимой увидавши губки  
На личике, блестящем белизною.—  
Как будто кто-нибудь с искусством тонким  
Украшил кость слоновую кораллом,—  
Заплакала (таков рассказ!) Киприда  
И созвала резвлящихся Аморов  
И молвила: «Затем ли я на Иде  
Губ пурпуром Палладу победила  
С сестрой Юпитера, богиней-свахой,  
Пред пастухом-судьей, чтоб та Неера  
Затмила нас перед судом поэта?  
Неситесь, гневные, к тому поэту,  
Жестоких стрел из полного колчана  
Вонзите больше в молодое тело,  
И в грудь его, и в радостное сердце  
Мечите их, шумя звенящим луком,  
Ее же пусть не согревает пламя,  
Но пусть стрела свинцовая застрянет  
В ее плоти с оледенелой кровью!»  
Свершилось. Весь пылаю я глубоко,  
И сердце тает под огнем палящим,—  
А ты, скрепивши грудь корой ледяной,  
В какую бьются в море сицилийском  
Иль в Адрии бушующие воды,



Смеешься над любовником бессильным,  
Неблагодарная! Я из-за губок  
Твоих казнен. Несчастливая, не знаешь,  
За что ты ненавидишь, и что значит  
Богов неистовство и гнев Дионы.  
О нежная, оставь свою надменность!  
И этих уст будь наконец достойна.  
И губы, где моей причина муки,  
Медвяные приблизь к моим скорее.  
Чтоб моего могла черпнуть ты яда  
Хоть капельку из глубины сердечной  
И от огня взаимного ослабнуть.  
Ты ни богов не бойся, ни Дионы:  
Красавицы богам повелевают.

19

Мед собирал, летуньи, зачем вы тимьян или розы,  
Или фиалку, роса которой нектара слаще,  
Лижете? Или анис, широко разливающий запах?  
Все собирайтесь сюда к губкам моей госпожи.  
Розами всеми они и всеми тимьянами дышат,  
Влажны нарцисса слезой, подлинно, губки ее,  
Влажными стали они и от крови убитого вепрем  
В час, как впитала земля влагу и эту и ту.  
И, напоенная нектаром неба и воздухом чистым,  
Землю тогда убрала пестрым узором цветов.  
Ныне меня, по праву медвяные пьющего губки,  
Неблагодарные, вы не отстраняйте от сот.  
Также не слишком свои расширяйте, жадные, соты,  
Чтобы моей госпожи не оскудели уста,

И поцелуями страстно к сухим устам привикая,  
Я не обрел бы свой горестный плод болтовни.  
Ах! И жалами вы не вонзайтесь в нежные губки,  
Жала из пылких очей мечет такие ж она.  
Знайте, она ни одной не оставит раны без мести,—  
Нежно, вреда не неся, пчелы, собирайте свой мед.



## **ПРИЛОЖЕНИЯ**

Ю. Ф. Шульц

## ПОЭЗИЯ ЭРАЗМА ИЗ РОТТЕРДАМА

Имя Эразма Роттердамского у современного читателя ассоциируется с «Похвалой Глупости», реже — с «Разговорами запросто», но никак не с поэзией. А между тем Эразм оставил, наряду с блестящей прозой, значительное поэтическое наследие. Оно значительно вдвойне: и по объему (136 стихотворений и небольших поэм), и по содержанию (перед нами встает эпоха автора, сам поэт и его окружение).

Поэтическое творчество Эразма, вступившего на этот путь в 1483 г., когда ему еще не было 14 лет, развивалось тогда, когда умение слагать латинские стихи считалось признаком всякого образованного человека, непременно владевшего латынью — универсальным международным языком тогдашней науки и литературы. По меткому выражению Л. Ольшки, латинский язык «стал общим языком ученого мира, господствующим и в то же время не знающим господина»<sup>1</sup>.

Уже первоначальное школьное обучение грамматике, а затем и чтение авторов — классиков древности и христианских писателей, сопровождалось развитием навыков латинского стихосложения, приобретаемых и в процессе обучения риторике. Совершенно естественно поэтому, что большинство гуманистов Возрождения, увлеченных античностью, слагали латинские стихи и, подражая древним образцам, создавали новую латинскую поэзию, ставшую вскоре значительным факто-

---

<sup>1</sup> Ольшки Л. История научной литературы на новых языках Пер. с немецкого. М.; Л., 1933, т. 2, с. 45.

ром литературной и общественной жизни своего времени.

При дворах государей и владетельных князей Европы устраивались поэтические состязания. Победившие на них поэты получали почетный титул «Poeta laureatus» и по примеру древних увенчивались лавровым венком<sup>2</sup>.

Хотя биография Эразма достаточно хорошо известна, все же целесообразно остановиться на вехах его жизненного пути, с которыми связаны как отдельные стихотворения, так и циклы стихов, в подавляющем большинстве поддающиеся довольно точной датировке (в нашем издании она приводится по К. Рэдейку).

Эразм, сын Герарда из Роттердама, родился 28 октября 1469 г. в Роттердаме в образованной бюргерской семье. Своих родителей их «незаконный» сын потерял, когда ему исполнилось всего 13 лет. Начальное образование Эразм получил в своем родном городе, а затем в Девентере в школе «Братьев общей жизни». Шестнадцати лет он вступает в аббатство Стейн. В нем он пробыл более двух лет. Получив приглашение от епископа Камбре Генриха сопровождать его в качестве секретаря в поездке в Италию, Эразм покидает Стейн. И хотя поездка эта так и не состоялась, в аббатство он уже не вернулся.

В 1497—1500 гг. Эразм — студент Парижского университета, где продолжает свое образование в коллегии Монтегю. Первое издание «Адагий» — сборника пословиц (1500 г.) приносит ему известность. Эразм совершает путешествие в Англию, знакомится с Томасом Мо-

---

<sup>2</sup> Первым этой чести в Германии удостоился в 1487 г. Конрад Цельтис, гуманист и поэт, автор «Четырех книг стихотворений о любви», «Эпиграмм» и многих других сочинений.

ром. Вообще Эразм немало постранствовал на своем веку. В августе 1506 г. из Парижа через Орлеан, Лион и Савойю, преодолев Альпы, он направляется в Италию. В Турине он получает степень доктора теологии. На пути, в седле он сочиняет большое «конное», или «альпийское», стихотворение о старости (№ 83). В Италии Эразм посетил Болонью, Флоренцию, снова Болонью, Венецию, Падую, Рим.

В 1509 г. умирает английский король Генрих VII и на престол вступает его сын Генрих VIII, на «просвещенное правление» которого гуманисты, и в том числе Т. Мор и Эразм, возлагали так много надежд. Эразм едет в Англию, в пути он пишет «Похвалу Глупости» и заканчивает ее в том же году в загородном доме Томаса Мора. В Кембридже он преподает греческий язык и теологию. Эразм еще дважды посетил Англию (в 1512 и 1514 гг.). Летом 1514 г. он совершил поездку в Базель к знаменитому типографу Иоганну Фробену. К 1521 г. относится его известный трактат, направленный против Лютера — «О свободе воли». В 1521—1529 гг. Эразм живет в Базеле. В апреле 1529 г. из-за религиозных преследований со стороны сторонников Реформы Эразм вынужден переехать во Фрейбург; в Базель он возвращается в июне 1535 г. и умирает 12 июня 1536 г. в доме Фробенов.

Когда Эразм в 1483 г. написал свое первое, еще в полной мере подражательное стихотворение (№ 1 «Буколическое стихотворение»), неолатинская поэзия в Европе, и особенно в Италии, достигла немалых высот и уже имела многих славных представителей. Назовем прежде всего итальянских поэтов — предшественников Эразма: Дж. Понтано (1426—1503), Анджеоло Полициано (1454—1494), далматинца греческого происхождения

Михаила Марулла Тарханиота (1433—1500). Старшими современниками Эразма были: Фаусто Андрелини (ок. 1460—1518), автор лирического цикла стихов «Ливия» и «Буколик» (изданы в 1506 г.),— ему посвящено стихотворение 39 Эразма,— Джироламо Бальбо (ок. 1465—1535), учившийся в Париже и примыкавший к кружку тамошних гуманистов во главе с Робером Гагеном (Гагуином).

Среди северных поэтов-гуманистов прямым предшественником Эразма был его земляк Родольф Агрикола (1447—1485). Старшим современником Эразма был также уже упомянутый Конрад Цельтис (1459—1508). Уже к следующему поколению принадлежали такие известные гуманисты общегерманского масштаба, как Ульрих фон Гуттен (1488—1523), Эвриций Корд (ок. 1486—1535), Гелий Эобан Гесс (1488—1540). Эти поэты создали высокие образцы неолатинской поэзии, отмеченные не только искусством версификации, но и подлинным вдохновением.

На молодого Эразма, по всей вероятности, немалое влияние оказал и трактат итальянского гуманиста Лоренцо Валлы (1407—1457) по грамматике и стилистике — «Об изяществе латинского языка»<sup>3</sup>, впервые изданный в 1471 г., с превосходно подобранными примерами из произведений классиков древности.

Однако определяющее влияние на становление Эразма-поэта оказали корифеи римской поэзии классического периода: Вергилий, Гораций, Овидий, которые,— особенно первые два,— стали затем любимыми поэтами Эразма. Он высоко ценил также острый сатирический гений римского поэта I—II вв. Децима Юния Ювенала,

---

\* *Elegantiarum latinae linguae, libri VI.*

талант Папиния Стация, Клавдиана и Лукана, Тибулла и Проперция. Многочисленные реминисценции из этих поэтов нередко встречаются в стихотворениях Эразма, особенно раннего периода, а первое его стихотворение — буколическая поэма о неразделенной любви пастуха Росфама к юной Гунифольде — написано под прямым влиянием и обаянием «Буколик» Вергилия.

Из христианских поэтов эпохи поздней античности Эразм высоко ценил современника Авсония, Аврелия Пруденция (IV в. н. э.), автора торжественных гимнов.

К собственно средневековой латинской поэзии Эразм, как и многие другие гуманисты, его современники, относился отрицательно, считая ее «варварской» и «грубой».

Высоко ценя древнюю «языческую» литературу и культуру, гуманисты способствовали развитию прогрессивных идей, столь ненавистных ортодоксальным теологам-схоластам и противоречивших официальной католической доктрине с ее отрицанием античной литературы и культуры вообще.

О том, какова была роль Эразма в гуманистическом движении, косвенно сказал тот же Л. Ольшки<sup>4</sup>, назвавший великого реформатора анатомии Андрея Везалия (1514—1564), покончившего с заблуждениями Галена и галенизмом, которые тормозили развитие подлинной науки о строении человеческого тела, «Эразмом медицины», ибо Везалий (родившийся в Брюсселе и работавший в Италии) «плодотворно объединил в своем произведении<sup>5</sup> итальянский и северный дух».

---

<sup>4</sup> Ольшки Л. Указ. соч., с. 65.

<sup>5</sup> De corporis humani fabrica. 1-е изд.: Базель, 1543. Русский перевод в серии «Классики науки». Изд-во АН СССР. М., 1950—1954, т. 1—2.



Латинская поэзия Эразма (лишь 7 из 136 его стихотворений написаны по-гречески) охватывает более чем 50-летний период в жизни великого гуманиста. Его творчество не было однородным в течение всего этого долгого времени. Начав с подражания «Буколикам» Вергилия и создав в 80-х годах XV столетия еще несколько стихотворений, отмеченных постепенным обретением мастерства, но написанных еще в духе классических традиций и тем, Эразм на рубеже 80-х и 90-х годов обращается преимущественно к сюжетам религиозно-этическим. В дальнейшем на протяжении многих лет он создает стихотворения самого различного содержания. Среди них не последнее место занимают стихотворения «на случай», небольшие эпиграммы — обращения к друзьям и корреспондентам, эпитафии, стихотворения-надписи, адресованные читателям вновь выходящих книг, собственно эпиграммы, оды, поэмы и др.

Эразм — вершина гуманизма, но идеал поэзии для него, как он сам его определил — «поэзия ученая и священная». А это многое объясняет в его поэтическом творчестве.

В отличие от поэзии своего друга и единомышленника Томаса Мора <sup>6</sup>, из 280 стихотворений которого более 100 — переводы на латинский язык греческих оригиналов, всё поэтическое наследие Эразма состоит из оригинальных стихотворений, хотя и Эразм, как и Т. Мор, не был чужд переводческому искусству <sup>7</sup>.

---

<sup>6</sup> Мор Т. Эпиграммы. История Ричарда III. М.: Наука, 1973, с. 1—82. Рус. пер. Ю. Ф. Шульца. Эразм прямо упомянут Т. Мором в эпиграммах № 239, 240, 241.

<sup>7</sup> Им выполнен перевод на латинский язык «Диалогов» Лукиан и трагедий Еврипида «Гекуба» и «Ифигения в Авлиде».

Как и поэзия Т. Мора, стихотворения Эразма находят отклик, хотя, возможно, и не столь часто, в его прозаических сочинениях. Некоторые из них включены в прозу Эразма. Огромное эпистолярное наследие гуманиста убедительное свидетельство тому, что Эразм был не только блестящим знатоком древней классической литературы, но превосходно знал и современную ему.

Не касаясь здесь роли Эразма, его прозы и писем в идейной борьбе начала XVI столетия накануне Реформации, достаточно освещенной в трудах советских и зарубежных историков этой эпохи<sup>8</sup>, мы обратимся непосредственно к рассмотрению его поэтического наследия.

В основной части образцового и пока единственного исследования, посвященного поэзии Эразма, книге голландского ученого Корнелиса Рэдейка<sup>9</sup>, содержащей на языке оригинала публикацию поэзии великого гуманиста,— 136 стихотворений. Кроме того в пяти приложениях помещены стихотворения, приписываемые Эразму, включенные им в его прозаические сочинения, стихотворные фрагменты и т. п. К. Рэдейк называет их «сагмина» — стихотворения, песни.

В разнообразных по содержанию стихотворениях Эразма поражает и многообразие примененных поэтом стихотворных размеров: мы находим в них 20 размеров

---

<sup>8</sup> Гукковский М. А. Итальянское Возрождение. Т. I—II. Л., 1947, 1961. Немиллов А. Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979. Пурришев Б. И. Своеобразие немецкого Возрождения. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

<sup>9</sup> The poems of Desiderius Erasmus Roterodamus. Introduced and edited by Dr. C. Reedijk. Leiden, Brill, 1956.

классической греческой и латинской поэзии или их сочетаний.

Чаще других (в 55 случаях) применяется элегический дистих — сочетание гексаметра и пентаметра, наиболее распространенный и в древности размер, применявшийся не только в эпиграмме. Далее следуют ямбический сенарий и греческие ямбические триметры (соответственно в 16 и 4 случаях). Классический гексаметр встречается в 15 стихотворениях, одиннадцатисложник — в 10. Сапфическим размером написано 6 стихотворений — од. Реже встречаются такие размеры, как холиямб, Архилоховы и Асклепиадовы размеры, ямбические и трохаические, а также комбинации двух различных стихотворных размеров. 6 стихотворений написаны размерами, которым нет аналогий в классической латинской поэзии<sup>10</sup>. Это — Алкеев десятисложник, первый пифийямбический размер и малый Асклепиадов, за которым следует неусеченный ямбический диметр.

Объем стихотворений также весьма различен. Среди них встречаются, впрочем редко, двустишия и четверостишия, чаще же — более крупные стихотворения, достигающие 100 и более стихотворных строк (№ 1, 9, 20, 23, 24, 25 и др.), а также целые поэмы объемом от 200 до 400 строк (№ 14, 19, 21, 83).

Среди адресатов поэзии Эразма, как и среди адресатов его писем, мы встречаем много прославленных имен: Себастьян Брант (1457—1521), автор знаменитого «Корабля дураков», Иоганн Фробен (1460—1527), крупнейший базельский издатель, выпустивший в свет многие произведения Эразма и Мора, врач Вильям Коп, ла-

<sup>10</sup> Подробный указатель примененных Эразмом стихотворных размеров со ссылкой на номер стихотворения см.: *К. Рэдьяк*, с. 115.

тинист Пьетро Кармелиано, государственный и церковный деятель, архиепископ Кентерберийский, Уильям Уорхем, дипломат Петр Эгидий (Жиль) и др.

В «Похвале Шлеттштадту» (№ 98), небольшому имперскому городу на Рейне, бывшему родиной многих гуманистов и ученых, Эразм среди других упоминает Якова Вимфелинга (1450—1528) и Беата Ренана (1485—1547). Именно Б. Ренан в марте 1518 г. в Базеле представил Вилибальду Пиркхеймеру (1470—1530) «Эпиграммы» Т. Мора, которые перед тем прислал в Базель для издания И. Фробену Эразм<sup>11</sup>.

Несмотря на то, что в поэзии конца XV — начала XVI в. было много известных имен, поэзия Эразма — явление выдающееся. Эразм не просто превосходный версификатор, овладевший всеми приемами стихотворства, но латинский поэт, пишущий на живом для него языке (вспомним, что и Ульрих фон Гуттен был гораздо сильнее как латинский, чем как немецкий автор).

Во второй половине своей обширной вступительной статьи К. Рэдэйк анализирует эволюцию Эразма-поэта и подводит итоги его полувековой поэтической деятельности. Поскольку это единственный в научной литературе об Эразме анализ подобного рода, мы и обратимся к нему.

Он пишет: «Начиная с «*Carmen bicolisum*» (№ 1) до последней эпиграммы умирающего гуманиста — более 50 лет латинской поэзии, обязанной трудолюбию в начале и излившейся без большого усилия в последующие годы... нелегкая задача сформулировать всеобъемлющую оценку всего написанного Эразмом»<sup>12</sup>.

---

<sup>11</sup> В письме, предпосланном первому изданию Эпиграмм Т. Мора (Базель, март 1518).

<sup>12</sup> К. Рэдэйк, с. 119.

В несомненно подражательных и действительно традиционных стихотворениях начального периода К. Рэдейк не видит отражения собственных переживаний юного Эразма, но главным образом — «удовлетворение видеть элегические дистихи аккуратно построенными в ряды»<sup>13</sup>. Допуская, однако, возможность выражения и в них собственного «Я» поэта, он справедливо связывает ее с традиционным для классической поэзии выражением мыслей и переживаний юноши.

Около 1489 г. характер поэтического творчества Эразма меняется. Он постепенно оставляет традиционные мотивы, которые разрабатывал ранее (неразделенная любовь пастуха, элегическое сопоставление горя и радости, всесильное могущество колчаноносного Купидона, обращения к друзьям, мотивы быстротечности жизни, любовная ода и т. п.)<sup>14</sup> и обращается к темам религиозно-этическим (начиная с № 19). Как бы на рубеже между ними стоит превосходное, довольно большое по объему стихотворение (№ 14 — 244 стиха с примыкающим к нему № 15 — 35 стихов) — Апология Эразма и Корнелия, изложенная в виде горестного диалога против варваров, презирающих древнее красноречие. Написанное выразительным стихотворным размером — сочетанием трех Асклепиадовых стихов и одного Гликонея, вероятно, весной 1489 г., — оно поражает силой и убежденностью.

Группу стихотворений (№ 19—21), как и № 23—25, действительно можно назвать назидательно-моралистическими. Несколько особняком стоит между ними ямбическое стихотворение (№ 22) — похвала Анне, бабке Иисуса Христа.

<sup>13</sup> К. Рэдейк, с. 119.

<sup>14</sup> Впрочем, подобные мотивы возникают и в более поздние годы.

Иногда Эразм вновь возвращался к написанным ранее строчкам, дорабатывал и дополнял их. В стихотворении № 7, написанном, вероятно, осенью 1487 г., и в стихотворении № 24, созданном примерно два года спустя, можно отметить совпадение ряда стихов. Аналогичный случай являет собой стихотворение № 47, написанное около 1499 г., и более обширный его вариант — № 85, относящийся приблизительно к 1510 г.

К Эразму-поэту приходит «непринужденная легкость поэтической силы»<sup>15</sup> — свидетельство обретения мастерства и полного развития его поэтического дарования.

Осенью 1499 г. Эразм пишет большое стихотворение — поэму «Говорит Британия», которая сделала бы честь лучшему придворному поэту. Оценка правления английского короля Генриха VII в ней удивительным образом не согласуется с тем, что сказал десять лет спустя об этом монархе Томас Мор в «Поздравительном стихотворении», написанном по случаю коронации его сына, короля Генриха VIII.

В стихотворении № 83, оцененном К. Рэдейком<sup>16</sup> как «наиболее впечатляющее сочинение Эразма», 40-летний поэт, совершающий путешествие в Италию, предается размышлениям о старости — тяжком недуге, от которого нет спасения. Это стихотворное размышление обращено к другу Эразма, базельскому врачу В. Копу.

В обширном стихотворении, написанном по обету около 35 лет спустя после перенесенной в 1497 г. лихорадки (стихотворение датируется К. Рэдейком временем до 1531—1532 гг.), поэт, относившийся скептически к формальной обрядности и суевериям, возможно, оказывает

---

<sup>15</sup> К. Рэдейк (с. 120—121) связывает это со стихотворениями, опубликованными в 1496 г. («De casa natalitia»).

<sup>16</sup> К. Рэдейк, с. 122.

ся непоследовательным, ибо касается в нем предметов, которые сам же называл пустосвятством<sup>17</sup>. Вместе с тем в стихотворении можно усмотреть тонкую иронию по адресу «друзидов родных», под которыми подразумеваются богословы из Сорбонны, постоянные ненавистники Эразма. В этом стихотворении мы находим также весьма редкое для музыки Эразма «великолепное описание Сены, грациозно вьющейся вокруг холмов Франции через Париж, мимо Сен-Дени и Нантерра»<sup>18</sup>.

Как о том свидетельствует И. Фробен (в обращении к читателю в издании «Эпиграмм» Эразма в 1518 г.), поэзия Эразма и особенно его стихотворения на случай пользовались большой популярностью. К. Рэдейк также отмечает, что «при условии ограниченности этого жанра Эразм достиг тем не менее выдающегося успеха»<sup>19</sup>. Он справедливо полагает, что именно в стихотворениях небольшого размера, т. е. в таких, какие ближе всего по характеру к собственно эпиграмме (как правило, небольшой по объему), он добился и легкости и музыкальности стиха.

«Мы должны отметить, имея в виду поэтическое творчество Эразма,— пишет К. Рэдейк<sup>20</sup>,— что оно было делом мастерства, хорошего вкуса и досуга в большей мере, чем эмоционального напряжения... У него было лишь немного привязанностей, которые требовали поэтического выражения; у него никогда не было обычной семейной жизни; память о том счастье, которое он мог испытать, ощущая материнскую ласку, была совершенно скомкана позором его незаконного рождения

---

<sup>17</sup> Там же, с. 124.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же, с. 125.

<sup>20</sup> Там же, с. 126.

и происхождения, которые он ощутил после смерти своих родителей»<sup>21</sup>.

Поэзия Эразма, лучшего латиниста Возрождения, все же несет на себе отдельные элементы стилистики предшествующего периода. Поэтому, отдавая должное Эразму-поэту, К. Рэдейк обоснованно отвергает концепцию П. Экволла (1743), по мнению которого, «латинская поэзия поднята из средневекового невежества Эразмом, и только им»<sup>22</sup>.

Справедливо считал К. Рэдейк праздным и вопрос, поднятый в том же XVIII столетии издателем полного собрания сочинений Эразма Леклерком: «Каким бы великим поэтом стал Эразм, если бы он пожелал усердно заняться поэтикой, как он усердно занялся остальными разделами филологии и теологии»<sup>23</sup>.

Можно не согласиться с заключительными словами введения К. Рэдейка<sup>24</sup> о поэтах современниках Эразма, из которых, по его словам, «лишь немногие заслуживают даже меньшей похвалы», чем он. Бесспорно, однако, что поэзия Эразма, не быв главным делом его жизни<sup>25</sup>, была вместе с тем значительным явлением в жизни его времени. У таких корифеев мысли, какими были Т. Мор и Эразм, даже второстепенное может быть значительным. Именно так мы и должны оценить поэтическое творчество Эразма.

---

<sup>21</sup> Вспомним проникнутые любовью и нежностью стихотворения Томаса Мора, обращенные к детям и близким.

<sup>22</sup> *Ekwall P.* Dissertatio hist. lit. merita Erasmi Roterodami in literas humaniores et eloquentiam leviter delineans. Upsalae, 1743.

<sup>23</sup> *Desiderrii Erasmi Roterodami Opera omnia*. Vol. 1—10. Lugduni Batavorum (1703—1706). L. B. VIII, Candido lectori.

<sup>24</sup> К. Рэдейк, с. 127.

<sup>25</sup> Там же, с. 126.



Особое место в поэзии Эразма занимают стихотворения, связанные с книгой или ее создателями. Этот род поэзии — стихотворные обращения к читателю (*Ad lectorem*) — украшали обычно титульные листы вновь выходящих книг, рекомендовали и восхваляли произведение. Таковы стихотворения № 67, 105, 118, 119. Три стихотворения — эпитафии крупным издателям — Дирку Мартенсу из Алоста и Иоганну Фробену (№ 115, 116, 117). Несколько стихотворений представляют собой надписи на книгах, посланных в подарок друзьям (№ 48, 75—77). Интересен написанный по-гречески стихотворный диалог школяра и книгопродавца (№ 130), в котором книгопродавец, рекомендуя только что вышедшие в свет труды Аристотеля, ценит книжную мудрость дороже золота и драгоценных камней.

Эразма привлекали люди нравственные и одаренные. Не потому ли так искренне звучат эпитафии певцу и музыканту Яну ван Окегему (№ 32), Ключийскому аббату Филиппу (№ 99), двум женам Петра Эгидия (№ 126—128), сенатору Антонию Кляве (№ 129) и др. Вот концовка эпитафии Антонию Кляве, где Благодетствие отвечает на вопрос путника:

Нравы чьи непорочно белы были,  
Чья и жизнь и чиста, и безупречна,—  
Смерть того, полагаю, не пристало  
Очернять или трауром иль плачем.

(ст. 8—11).

А эпитафию Иоганну Фробену Эразм завершает так:

Вечную жизнь в небесах ему дайте, правые боги,  
Мы же ему на земле вечную славу дадим.

(ст. 7—8).

Эразм 13 апреля 1529 г. вынужден из-за религиозных распрей покинуть ставший для него родным Базель. Переехав во Фрейбург, летом того же года, он написал исполненное горечи четверостишие (№ 124):

Вы мне скажите, зачем опрокинутой чашею небо  
Ночи и дни напролет падает наземь дождем?  
Вины оплакать свои не хотят земнородные

люди,—  
Небо за нас потому ныне разверзлось в слезах.

Эразм был неизменным поборником мира. Даже известный библейский сюжет — миссию архангела Гавриила к деве Марии (№ 35) — он завершает просьбой о мире:

Здравствуй добрый наш мирносец, первым  
Ветвь оливы нам приносящий, ныне  
Возвести времен наступленье лучших  
Тонушим землям.

(ст. 58—61).

Не менее страстным призывом к миру заканчивает он и другую сапфическую оду (№ 34), обращенную к архангелу Михаилу:

Видишь, сколько бед нас теснит жестоко  
(Признаемся, мы заслужили это).  
Ах, слепцы, века мы во прах стираем  
В войнах преступных.

• • • • •

Сделай так, моля, чтобы царь Олимпа  
В ножны меч вложил, состраданья полный,  
Пусть он мир нам даст и воздаст покоем  
Землям усталым.

(ст. 85—88 и 93—96).

Тонкий знаток и ценитель искусства, позировавший Гольбейну и Кв. Метсису, Эразм написал также несколько

ко стихотворений, которые по традиции, восходящей еще к греческой (Палатинской) антологии, можно отнести к эпиграммам «на изображения» (№ 68, 69, 70—72 и др.).

Эразм был честолюбив и трудолюбив. Постоянное стремление к самоусовершенствованию и труд, в котором поэт видел высокое наслаждение, были отличительными чертами его характера.

О своем литературном кредо сам он сказал так: «Мне всегда нравились стихи, не слишком далеко отстоящие от прозы, но только от лучшей прозы. Филоксен говорит, что среди рыб самые вкусные те, которые на самом деле не рыбы, а из мясных блюд самые лакомые те, что приготовлены не из мяса; самым приятным из морских путешествий он считает прибрежное плавание, из сухопутных — прогулку вдоль моря. Вот так же и мне особенно по душе *риторическая поэзия и поэтическое ораторство, чтобы в прозе звучал стих, а в стихе — ораторский период*»<sup>26</sup> (курсив мой.— Ю. Ш.).

После казни Томаса Мора и Джона Фишера 6 июля 1535 г. Генрихом VIII, на «просвещенное правление» которого так надеялись всего четверть века назад и Мор и Эразм, Эразм признался: «Я почувствовал, как будто бы вместе с Мором умер я сам». Действительно, жить ему оставалось недолго. Больной и одинокий Эразм скончался 12 июля 1536 г. в Базеле в доме Фробенов.

Смерть «короля гуманистов» вызвала к жизни множество стихотворных эпитафий, авторы которых стремились в немногих словах оценить жизнь и заслуги Эразма. Среди них был и Миклош Олах (1493—1568), венгерский гуманист и государственный деятель, быв-

---

<sup>26</sup> Цит. по: *Роттердамский Э.* Разговоры запросто. М., 1969, с. 18.

ший в родстве с семьей Гуниади, из которой вышли герои антитурецкой борьбы Янош Гуниади (1387—1456) и король Матиаш Корвин (1458—1490). М. Олах был автором поэмы «Венгрия и Аттила», которую И. Н. Голенищев-Кутузов<sup>27</sup> назвал «лебединой песней венгерского гуманизма эпохи Корвина и Ягеллонов». Вот одна из пяти его эпитафий на смерть Эразма:

Не было мужа другого под солнцем высоким на свете,  
Чтобы Эразма славней был Дезидерия он,  
Или чтоб он проявил столь редчайшую разума тонкость,  
Был бы украшен еще вышним наитьем небес,  
Кто бы в душе справедливой суждение правое также  
И благочестье его с верой благой сочетал.  
Всеми талантами он возблистал в этом мире повсюду,  
Парки — богини пока жизнь охраняли его.  
Славы подобной свидетели есть — многомудрые томы,  
Те, что написаны им, и не без воли творца.  
Тело под этим холмом, что, живя, совершило такое,—  
Дух же отныне его приняло небо само<sup>28</sup>.

Хотя сам Эразм считал главным делом своей жизни критическое издание текста «Нового Завета» (Базель, И. Фробен, 1517), наибольший успех выпал на долю его «Похвалы Глупости» и «Разговоров запросто». Только они, да еще «Гражданство обычаев детских» и «Наставление христианского воина», изданные в конце XVIII столетия<sup>29</sup>, известны русскому читателю.

---

<sup>27</sup> Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, с. 164.

<sup>28</sup> Оригинальный текст эпитафий М. Олаха см. в сб.: *Gedenkschrift zum 400 Todestage des Erasmus von Rotterdam*. Basel, 1936, S. 316—325 (*Janasz L. De carminibus Nicolai Olahi in mortem Erasmi scriptis*).

<sup>29</sup> См.: Свободный каталог русской книги XVIII века. М., «Книга», 1966, т. 3(Р—Я), № 8662—8665.

До запрещения произведений Эразма Тридентским собором в 1559 г. он был, пожалуй, самым издаваемым автором среди гуманистов. Прежде всего это касается прозы Эразма. Но и отдельные его стихотворения, начиная с издания «Адагий» (1500 и 1506/1507), также выходили в свет.

Впервые стихотворения Эразма в виде сборника были изданы в Базеле И. Фробеном вместе со вторым изданием «Утопии» Т. Мора и его же «Эпиграммами» в марте 1518 г. В нем мы находим 72 стихотворения Эразма, объединенных общим названием «Эпиграммы» (*Epigrammata*).

В том же составе стихотворения Эразма увидели свет вторично в декабре того же года (Базель, И. Фробен).

Третьим изданием поэзии Эразма было венецианское издание, вышедшее в 1527 г.<sup>30</sup>

Наконец спустя 400 с лишним лет появилось первое и пока единственное критическое издание всей поэзии Эразма, подготовленное известным голландским исследователем Корнелисом Рэдейком, в котором поэзия Эразма опубликована на языке оригинала. Издание содержит (в основной части) 136 стихотворений и кроме того имеет 5 приложений (стихотворения и отрывки, встречающиеся в прозаических сочинениях гуманиста, приписываемые ему стихотворения и др.). По тексту основной части этого издания К. Рэдейка и выполнен настоящий первый русский перевод поэзии Эразма<sup>31</sup>. Отдельные стихотворения, переведенные из Приложений, помещены в комментариях к переводу. Переводчик

---

<sup>30</sup> *Epigrammata nunquam amplius visa. Venetiis, J. A. (De Rusconibus) et fratres de Sabbio... Nov. 1527, 8°.*

<sup>31</sup> Без перевода оставлен только акростих (111), незначительный по содержанию и практически непереводаемый.

полностью принял последовательность и датировку стихотворений данного издания К. Рэдейка. В комментариях к русскому переводу частично использован критический аппарат К. Рэдейка.

Поэзия Эразма, оставаясь до сих пор в мало доступном латинском оригинале, была совершенно неизвестна не только русскому, но и мировому читателю. До сих пор, кажется, нет ее переводов на живые европейские языки.

Конечно, в общем наследии великого голландского гуманиста поэзия — не главное. Однако в ней мы видим мир поэта и человека, создавшего новую гуманистическую систему богословия, в которой главное — человек, его нравственный облик; все остальное — застывшая обрядность, фанатическое почитание святынь и реликвий — пустосвятство, достойное лишь похвалы «Богини Глупости».

28 октября 1966 г. по решению Всемирного Совета Мира отмечалось 500-летие со дня рождения Эразма Роттердамского, который, как и его поэзия, принадлежит всему человечеству.

*М. Л. Гаспаров*

## ПОЭЗИЯ ИОАННА СЕКУНДА

В I в. до н. э. великий римский лирик Катулл посвятил своей возлюбленной Лесбии такие два стихотворения:

Будем жить и любить, моя подруга!  
Воркотню стариков ожесточенных  
Будем в ломаный грош с тобою ставить!  
В небе солнце взойдет и снова вспыхнет,  
А для нас, чуть погаснет свет мгновецный,  
Непробудная наступает полночь.  
Так целуй же меня раз сто и двести,  
Больше, тысячу раз и снова сотню,  
Снова тысячу раз и сотню снова.  
Много сотен и тысяч насчитаем,  
Все смешаем потом и счет забудем,  
Чтобы злобой завистников не мучить,  
Подглядевших так много поцелуев!

Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев  
Милых губ твоих страсть мою насытят?  
Ты зыбучий сочти песок ливийский  
В напоенной отравами Кирене,  
Где оракул полуденный Аммона  
И где Батта старинного могила,  
В небе звезды сочти, что смотрят ночью  
На людские потайные объятья;  
Сколько раз ненасытными губами  
Поцелуй бесноватого Катулла,  
Чтобы глаз не расчислил любопытный  
И язык не расплетничал лукавый.

*(Катулл, 5 и 7. пер. А. Пиотровского)*

Античность этими стихами восхищалась, но подражала им мало. В средние века Катулл был забыт. В эпоху Возрождения произведения его были вновь открыты,

изданы (вместе со стихами его ближайших продолжателей — любовных элегиков Тибулла и Проперция), и на этот раз эти два стихотворения имели редкую судьбу: по их образцу была написана целая книга стихотворений, она называлась «Поцелуи», а написал ее на латинском языке молодой поэт Иоанн Секунд из Гааги (1511—1536).

Латинская поэзия эпохи Возрождения не пользуется в наши дни ни известностью, ни уважением. Возрождение было создателем большинства литературных языков современной Европы; понятно, что нынешним наследникам этих литературных языков кажется, будто это и было главным делом великой эпохи, а латинские сочинения Петрарки, Эразма, Ульриха фон Гуттена или Томаса Мора были лишь учеными причудами, досадно отвлекавшими этих писателей от трудов по формированию родных языков. Это не так. Главным делом Возрождения (по крайней мере, так оно само себе это представляло) было усвоение забытого средними веками античного культурного наследия; а такое усвоение, по общему мнению, должно было быть не только теоретическим, но и практическим. Мало было отыскать неизвестные рукописи античных писателей, разобраться в тексте, понять его, издать, прокомментировать, — нужно было показать, что с твоими новыми знаниями ты теперь сам умеешь писать не хуже, чем изученный тобой автор (и во всяком случае, лучше, чем твои современники, которые его еще не изучили). Поэтому не приходится удивляться, что латинских стихов и прозы сохранилось от Возрождения не меньше, чем от самой античности; и что так как именно подражатели бываюи нужны, чтобы довести до совершенства изобретения начинающих, то именно у писателей латинского Воз-



рождения мы часто находим образцовые художественные достижения там, где античность оставила только наброски.

В области стихотворства главный труд приняло на себя поколение гуманистов, предшествующее Иоанну Секунду,— те, кто родились в середине XV в. и годились ему в отцы. Это Джакомо Саннадзаро, работавший в Неаполе; Анджело Полициано — во Флоренции; Марулл, начинавший в Неаполе, а потом перебравшийся во Флоренцию; Строцци-отец и Строцци-сын в Ферраре; Филипп Бериальд в Болонье; Конрад Цельтис в Вене; и, наконец, сам лучший латинист Европы — Эразм Роттердамский. Среди их упражнений в любовной поэзии — в стихах Строцци об Анфии, Бериальда о Павфии, Саннадзаро о Нине и Филирое, Цельтиса о целых четырех его возлюбленных — Иоанн Секунд мог найти для себя надежные образцы. Элегию, воспевающую поцелуй возлюбленной (довольно длинную и тяжеловесную), написал до него Бериальд, взять для этой темы образцом Катулл догадался Саннадзаро, а назвать героиню «Поцелуев» Неерой подсказал Марулл. Но это были только намеки; чтобы встать вровень с такими учителями, молодому поэту предстоял нелегкий труд.

Иоанн Николаев сын Эверардс, принявший имя Секунд, вышел из богатой купеческой семьи, стремительно делавшей карьеру в Испанских Нидерландах. Его дед Эверард был купцом из Миддельбурга, что в устье Рейна и Шельды. Его отец Николай Эверардс был уже доктором прав, автором юридических трудов, членом (а потом президентом) провинциального совета в Гааге. Потом он поднялся еще выше, стал президентом большого совета, управлявшего всеми Нидерландами и заседав-

шего в Мехельне при наместнице Маргарите Австрийской, тетке императора Карла V. Он мог гордиться орденом Золотого Руна, полученным от императора, и не менее того — несколькими очень дружескими письмами от своего земляка и сверстника Эразма Роттердамского. Деловитый и домовитый, он оставил нескольких сыновей; двое старших рано пошли в монахи, третий, Эверард, по стопам отца делал карьеру в большом совете Нидерландов, а трое следующие по возрасту смолodu обнаружили литературные способности и готовились к ученой службе под покровительством каких-нибудь вельмож. Их звали Николай Грудий, Адриан Марий и (самый младший) Иоанн Секунд; потом, уже посмертно, латинские стихи их издавались даже совместно, под заглавием «Стихотворения и портреты трех бельгийских братьев» (1612).

Иоанн (Ян) Секунд родился 14 ноября 1511 г. в Гааге. Ему было 17 лет, когда семья переехала в Мехельн. Домашние учителя у братьев были хорошие, добрыми словами помянутые потом в их стихах. Сочинять по-латыни Иоанн стал с десятилетнего возраста; а в 1529 г. три брата выпустили в Страсбурге свою первую книжку — латинское переложение нескольких диалогов Лукриана с посвящением отцу. В следующем году друг дома, польский дипломат при императорском дворе Иоанн Дантиск (Ян Дантышек) выпустил в Антверпене сборник панегирических стихотворений, включив в него и два произведения Секунда — оду на коронацию Карла V и элегию на только что заключенный Камбрейский мир с Францией. Но Иоанн Секунд не торопился завоевывать литературный успех — он хотел хорошо его подготовить. Он продолжает много писать и мало печатать, совершенствует слог, нащупывает те литературные об-

разцы, которые ему всего ближе. Такими оказываются «триумвиры любви» — Катулл, Тибулл, Проперций. Элегия становится основным жанром, в котором утверждает себя Иоанн Секунд; остальные малые поэтические жанры — послания, эпиграммы, описательные стихотворения — остаются лишь подсобными при нем; одами он не увлекается, а об эпосе даже не задумывается.

Литературные образцы учили гуманистов не только писать, но и жить. Латинская элегия задавала не только способ выражения, но и образ поэта. Элегик — это юноша, страстный и пылкий, всем сердцем влюбленный в свою героиню, воспевающий ее из стихотворения в стихотворение, взывающий к Венере и Аморю, ликующий и сокрушающийся, ревнующий к сопернику, отвергнутый, пытающийся утешиться с другой красавицей, но сохраняющий неизбывную память о прежней. Так воспевал Катулл Лесбию, Тибулл Делию (и «заместительницу» Делии — Немесиду), Проперций — Книфию, поэты Возрождения — своих героинь; точно так же воспевает Иоанн Секунд свою Юлию (и потом «заместительницу» Юлии — Нееру). Можно не сомневаться, что Юлия была реальным человеком, девицей из хорошей мехельнской семьи, что любовь Иоанна к ней была настоящей любовью, и ревность, когда она вышла замуж за другого, — настоящей ревностью, а память, когда в течение трех лет Иоанн сочинял по стихотворению к годовщине их первой встречи, — настоящей памятью. Но учителем этой любви была, как всегда бывает, не природа, а культура — в данном случае латинская элегия. Иоанн даже превзошел своих учителей, введя в элегический канон новый мотив: как настоящий человек Возрождения он увлекается искусством, пробует силы в живописи и резьбе, высекает медальон с изобра-

жением Юлии и посылает его другу Дантиску с прочувствованным посланием. С этим медальоном в руке Иоанн представлен на портрете работы Яна ван Скореля, а гравюра с этого медальона была приложена к одному из посмертных изданий его стихов (Лейден, 1631).

Книга элегий о Юлии писалась в 1531—1534 гг., параллельно с другими разрозненными стихотворениями. Между тем время шло, нужно было заканчивать образование и находить место в жизни. В 1532 г. братья Эверардсы покидают Мехельн: Николай Грудий едет в Испанию в свите Карла V, а Адриан Марий и Иоанн Секунд пользуются наступившим миром с Францией, чтобы отправиться в Буржский университет, где преподавал Андрей Альциат (Альчати) — знаменитый юрист, известный также как стихотворец (только что опубликовавший книгу изящных переводов из греческой Антологии) и как автор «Эмблем», пособия по аллегории, получившего в XVI в. популярность почти невероятную. В Бурже Иоанн учился целый год, больше, впрочем, занимаясь словесностью, чем юриспруденцией; с Альциатом он сблизился так, «что даже ночь и сон не могли их разлучить». Получив аттестат, он вместе с братом возвращается домой, но не надолго: за этот год умер его отец, 78-летний Николай Эверардс, и нужно было торопиться с приисканием места. Весной 1533 г. Иоанн вслед за своим старшим братом едет в Испанию в надежде устроиться при каком-нибудь вельможе. Это удалось не сразу: в Испании недолюбливали этих фламандцев, толпами хлынувших искать счастья в стране, где так неожиданно стал королем их земляк Карл V. Около года он проводит в разъездах по стране, нигде не служа и лишь продолжая много писать: чем дальше он от дома, тем больше у него поводов для стихотворных по-

сланий. В частности здесь он сочиняет большое описательное аллегорическое стихотворение «Дворец царицы Монеты», где без радости, но и без напрасного протеста признает, что над миром господствуют две всесильные власти — бог Юпитер и царица Деньга. Стихи его начинают в списках ходить по рукам, и он чувствует волнение («Послания», 1, 12):

Верить ли? может быть это моя начинается слава?..

Главным его жанром по-прежнему оставалась элегия. Юлия была далеко и замужем; он дописывает последние элегии для книги в ее честь, но в то же время пишет новые к ее заместительнице — Неере. Еще Тибулл, воспевавший нежную Делию, а затем жестокую Немесиду, показал потомкам правила контраста, которому должны были подчиняться характеры элегических героинь. Этому примеру следовал и Секунд. Неера у него — противоположность Юлии: страстная, чувственная, недобрая и лукавая:

Душу и очи мои твоя красота полонила,  
Но отвращает меня твой необузданный нрав...

В одной эклоге («Сильвы», 5), описывая влюбленного пастуха, он говорит о его возлюбленной так:

В плен его взяли синие очи и русые кудри,  
Хитрый ум и презрительный нрав столичной Нееры:  
Видом белее она Кипридиной чистой голубки.  
Светлый она Венерин цветок и снегов Пиренейских  
Ближний блеск равно превзойдет белизною и хладом,  
И недостойна она ни страсти, ни юной свирели.

«Столичная Неера» — эти слова, по-видимому, означают, что женщина, воспетая под этим именем, была куртизанкой из города Толедо. Указания на Толедо имеются

в некоторых элегиях, посвященных ей. Любовь была недолгой — уже в 5-й элегии II книги Секунд порывает с нею, осыпая ее самыми жестокими упреками. Но пока эта любовь продолжалась, он успел посвятить Неере не только цикл элегий, но и приложение к нему — сборник маленьких лирических стихотворений «Поцелуи». Этот сборник и оказался той книгой, которая принесла Иоанну Секунду славу среди современников, а еще более того — среди потомков.

«Поцелуи» — это 19 стихотвореньиц, написанных разными лирическими размерами, и в каждом из них действительно упоминается поцелуй. Легкость и естественность этих стихов замечательны, и современному читателю трудно отделаться от впечатления, что все они продиктованы только любовью и вдохновением. Но любовь и вдохновение могли для такой сложной поэтической постройки быть лишь первым толчком; а дальше начиналось мастерство, и оно носило название, в древности и в эпоху Секунда звучавшее гордо, а в наши дни ставшее презрительным: это была риторика. Риторика учила писателей упорядочивать мир словом: расчленять действительность на поэтические мотивы, отбирать из них важнейшие, варьировать каждый на различные лады и выстраивать эти вариации в продуманной и уравновешенной композиции. Именно риторика помогла в свое время родиться жанру любовной элегии: из бесконечного множества мыслимых любовных переживаний она отобрала ограниченное количество ситуаций и сосредоточила на них внимание поэтов. А дальше начался перебор возможностей их разработки, оттачивание и комбинирование деталей, поэты учились друг у друга, соперничали друг с другом, отталкивались друг от друга, но все решали одну и ту же художественную

задачу, условия которой не менялись от времен Тибулла и Проперция до времен Цельтиса и Бероальда. Иоанн Секунд сделал шаг еще дальше: из считанных мотивов любовной элегии он выбрал один, разложил его на мотивы еще более дробные и повторил над ними ту же игру. Вся риторическая техника латинской любовной (и не только любовной) поэзии оказалась продемонстрированной в «Поцелуях» словно под микроскопом.

Залогом удачи «Поцелуев» был, прежде всего, счастливый выбор исходного мотива. Поцелуй — это такая ласка, которая одновременно и невинна и чувственна, и отрадна сама по себе и обещает большее; эта психологическая многозначность, еще мало знакомая античности, была открыта в человеке Ренессансом и стала характерной чертой ренессансной эротики. Поэтому античность о поцелуе писала мало, врезающихся в память образов целующихся героев и героинь она не оставила, — а это не давало возможности поэтам идти по пути наименьшего сопротивления, т. е. навизывать цепи мифологических аналогов изображаемой ситуации, как это всегда любила риторика и как применительно к теме поцелуя попытался было поступить Бероальд; вместо этого приходилось идти по пути наибольшего сопротивления, всматриваться в тему, а не осматриваться по сторонам ее. Наконец, те два стихотворения Катуты, которые только и могли считаться античными образцами разработки темы поцелуя, были написаны не в форме элегии с ее гибким, но в конечном счете однообразным в своей симметрии стихотворным размером, а в форме лирических «безделок», в которых допускались и приветствовались самые пестрые размеры с редкими ритмами: это позволяло поэту варьировать свою тему, избегая впечатления монотонности.

Но что такое вариация темы? Этого ключевого понятия риторика не определяла. Однако если мы пересмотрим все 19 стихотворений, составляющих «Поцелуи», мы легко это поймем. Они группируются естественнее всего в семь циклов по семи аспектам.

Первый аспект темы задан античным образцом: стихами Катюлла о счете поцелуев. Это подсказывает три мотива: количество поцелуев («столько, сколько колосьев... травинок... дождинок... гроздьев... пчел...»), сила поцелуев («когда ты приникаешь... и присасываешься... и дышишь... и стонешь...»), разнообразие поцелуев («сухие и влажные, слабые и крепкие, краткие и долгие, в щеки и в шею...»). Отсюда — три стихотворения в цикле: 6, 5, 10.

Второй аспект — свойства поцелуев. Среди них Секунд выделяет тоже три: звук («звонче, чем считали приличным суровые предки!»), аромат («душистее, чем нарד, тимьян, киннамом, чем мед и розы, чем нектар самих богов!»), вкус («пчелы, собирая мед, будут искать не цветов, а уст Нееры!»). Отсюда — другие три стихотворения: 11, 4, 19.

Третий аспект — лицо под поцелуями. Это губы, только для поцелуев и созданные; это язык, прикушенный в порыве страсти и от этого лишенный силы славословить возлюбленную; это глаза, которые ревнуют к губам, потому что в минуту поцелуя они видят лишь малую часть лица женщины, а оторвавшись — все ее лицо. Эти усложняющиеся картины — содержание еще трех стихотворений: 17, 8, 7.

Четвертый аспект — переключение темы в возвышенный план, т. е. в мифологический. Готовых мифов о поцелуях, как сказано, античность не оставила; но поэт, припомнив эпизод из «Энеиды», сам сочиняет миф



о том, как любящая Венера осыпала поцелуями розы, и это было облегчение и благодать; а потом — сцену того, как ревнивая Венера лишает поэта поцелуев, внушив ему — любовь, а возлюбленной его — равнодушие; а потом — сцену того, как восхищенный Амор сделал поцелуй Нееры сладчайшим, а сердце ее — бесчувственным. Так являются еще три стихотворения: вступительное 1 и двумя способами объясняющие одну и ту же любовную драму 15 и 18.

Пятый аспект — переключение темы в сниженный план, то есть — в эротически непристойный. Это — напоминание о том, что поцелуй, как они ни прекрасны, для поэта еще не все, и что он видит в них обещание дальнейшего и большего. Такими напоминаниями Секунд не злоупотребляет, но два стихотворения этому все же посвящены: 12 и 14.

Шестой аспект возникает на скрещении двух предыдущих: это смерть. Смерть, с одной стороны, наступает от любовного изнеможения, а с другой стороны, переводит героя в мифологический загробный мир с Летою, Хароном и Элизием. Этому посвящены тоже два стихотворения, одно — о желанной смерти (вместе с героиней), другое — о нежеланной (без нее), из которой воскрешает его опять-таки поцелуй. Это — стихотворения 2 и 13.

Наконец, седьмой и последний аспект как бы берет все предыдущие в рамку и подводит им итог. Это вновь три стихотворения: вступительное, о желании поцелуев («бесконечно много!»); срединное, о мере этому желанию («бесконечность и в уладах утомляет»); и заключительное, в котором сведены воедино мотивы всех или почти всех остальных: «дай мне поцелуев без счету (I аспект) — столько, сколько стрел вонзил в меня

Амор! (IV аспект) — а вместе с ними пусть будут и сладкие звуки (II аспект), и откровенные слова (V аспект), и нежные укусы (III аспект), — а за ними блаженная смерть, из которой воскресит лишь поцелуев (VI аспект). Таковы стихотворения 3, 9, 16. Ключевая роль последнего стихотворения подчеркнута тем, что только в нем прямо названы начинатели темы поцелуев — Катулл и Лесбия.

Мы просим прощения у читателя за столь строгую и тяжеловесную классификацию такого легкомысленного предмета, как поцелуи, воспетые Секундом. На частностях этой классификации настаивать не приходится: в некоторых стихотворениях присутствуют по несколько циклизующих примет, и при желании их, наверное, можно было бы сгруппировать и иначе. Настаивать можно только на одном. Эти стихи — никоим образом не стихийно возникший результат вдохновения влюбленного юноши: на таком вдохновенном порыве можно было бы написать одно, два, пять стихотворений о поцелуях, но не девятнадцать, столь всесторонне охватывающих тему. Перед нами — налаженная пятнадцатью веками риторическая фабрика слова; навыки такого производства каждый молодой латинист усваивал с детства и пользовался ими, почти не прилагая сознательных усилий; «сырьем» здесь, конечно, были подлинные душевные переживания поэта, но до читателя они доходили только в неузнаваемо переработанном виде.

Конечно, определить направление разработки каждого стихотворения — это еще не все. Нужно было четко оформить его внутреннее строение, по Аристотелеву слову «целое — это то, что имеет начало, середину и конец». Это значило: в одних стихотворениях выделить звучными запоминающимися словами начало (по тради-

ции античной оды), как в 4, 9, 16, в других выделить прямую речь, сентенцией или парадоксом конец (по традиции античной эпиграммы), как в 11, 18, 3, 9, 10; в одних расчленив серединную часть на четкие, ступенька за ступенькою, фразы (как в элегическом размере в 6, 10, 15), в других слить ее в длинном клубящемся периоде (как в лирических размерах в 5, 6); в мифологической разработке темы подчеркнуть эпический элемент, в других случаях — лирический. Но это для начитанного поэта представляло не так уж много трудностей, и на этом мы можем не останавливаться. Читатель при желании сам заметит, например, как перекликаются друг с другом два вступительных стихотворения — 1-е, ведущее от эпического повествования к лирическому «я», и 2-е, ведущее от лирического «я» к эпическому описанию; как неброско, но отчетливо сменяют друг друга прошедшее, настоящее и будущее время в стихотворениях 1 и 3; как укрепляет композицию фольклорный параллелизм образов и фраз в стихотворениях 7, 8 и особенно в 16.

И, наконец, готовые стихотворения нужно было расположить в книге так, чтобы создать видимость совершенной естественности и непринужденности («главное искусство — в том, чтоб скрыть искусство» — было заповедью всей классической риторики), чтобы ступенчатое разнообразие материала и подчеркнуть разнообразие его обработки. Иоанн Секунд рассыпает в своем большом цикле стихотворения семи выделенных нами малых циклов, казалось бы, в полном беспорядке; но присмотревшись, можно и в нем уловить тонкие расчеты. Три стихотворения VII цикла, самого организующего, поставлены в начало, середину и конец книги (3, 9, 16); в первой половине и середине книги идут вплотную друг

к другу стихотворения самых близких друг к другу циклов I—III, «поцелуи», «свойства поцелуев» и «лицо под поцелуями» (4—11), во второй половине книги это грозящее однообразие парализуется контрастом самых несхожих циклов IV—V, «мифологического» и «эротического» (15, 18 — и 12, 14). Тематическое разнообразие подчеркивается метрическим: 8 стихотворений, написанных наиболее традиционным элегическим дистихом, составляют как бы костяк книги (1, 3, 6; 10, 11; 13, 15, 17, 19); характерным катулловым «фалексием» написаны два стихотворения в первой половине книги и два во второй (4, 5; 12, 14); характерными горацевскими строфами (эподическими двустушиями, алкеевой, асклепиадовой) — три стихотворения в начале, середине и конце сборника (2, 9, 16). Начинается книга продуманной последовательностью трех вступлений, эпического (1), лирического (2) и эпиграмматического (3), а кончается, наоборот, нарочито небрежно, без всякого композиционного закругления, словно говоря читателю: конца этому любовному излиянию нет и быть не может.

«Поцелуи» писались, по-видимому, в 1534—1535 гг. Жить Иоанну Секунду оставалось всего лишь год или два. Испанский климат был непривычен северянину, он все чаще болел. Брат его по семейным делам должен был вернуться в Нидерланды, Иоанн остался в чужой земле один. Он не терял бодрости. Наоборот, казалось, что фортуна наконец-то улыбнулась ему: он получает место секретаря при кардинале Тавере, архиепископе толедском, примасе Испании, становится вхож в правительственные круги, готовится сопровождать и воспевать Карла V в походе его армады на Тунис в 1535 г., откликается большим стихотворением на политическое событие, всколыхнувшее всю Европу, — казнь Томаса

Мора и отпадение Англии от римской церкви. Стихотворение получило быструю известность в списках, его приписывали самому Эразму. Но здоровье Иоанна становилось все хуже («...я и в расцвете весны чувствую зимний озноб...»), об участии в морском походе не могло уже быть и речи, вместо этого в 1536 г. ему приходится возвращаться на родину:

Я покидаю, больной, иберийскую знойную землю,  
Путь вожделенный держу к отческим милым краям,  
К тем друзьям, у кого на рудях мне милее скончаться...

На пути в Нидерланды Секунду уже предшествует литературная слава; его берет на службу архиепископ Утрехтский, он получает, наконец, приглашение быть секретарем по латинской переписке самого императора. Но болезнь его не отпускает, дни его сочтены. 24 сентября 1536 г. он умер в Сент-Амане близ Валансьена. Пространная латинская эпитафия над ним начинается словами «Иоанн Секунд Гаагский из Нидерландов, славный правовед, оратор и стихотворец, не менее достойный похвал и в искусстве ваяния...», а кончается: «...жизни его было 24 года, 10 месяцев и 10 дней».

Свои стихи он, по-видимому, подготовил к изданию сам: на уже упоминавшемся портрете Скореля, писанном в его последние месяцы, изображен том с надписью «10 книг стихов». Это собрание сочинений в 10 книгах было издано его братьями в 1541 г.; «10 книг» — это три книги элегий (о Юлии, о Неере и разного содержания), книга «Погребений» (стихи на смерть отца и др.), две книги «Посланий», «Оды», «Эпиграммы», «Поцелуи» и «Смесь»; впоследствии были опубликованы еще три книги «Путевых записок» (в Бурж, из Буржа и в Испанию) в прозе с обильными стихотворными вставками.

Но еще до выхода этого собрания сочинений «Поцелуи» были два или три раза напечатаны отдельно: из всех стихов Секунда к ним читательский интерес был особенно велик. А внимательное чтение у гуманистов неизменно оборачивалось старательным подражанием: по Европе прокатывается волна переводов, переложений и имитаций «Поцелуев». Как Секунд подражал Катуллу, так теперь ему самому подражают и Мурет, и Бюкенен, и другие латинисты XVI в. Циклы под названием «Поцелуи» появляются у виднейших нидерландских гуманистов нового поколения — Иоанна Дузы, Иоанна Лернуция, Альберта Эвфрения; к ним присоединяются во Франции Иоанн Бонфоний с его «Всепрелестью», а в Германии (уже в начале XVII в.) Каспар Бартий с его «Упражнениями любовными»; мало того, по образцу «Поцелуев» тот же Лернуций пишет цикл «Глазки», Эвфрений — «Кудри», а Скультеций — «Вздохи». Из латинских стихов подражания переходят в новоязычные. Здесь первыми оказываются поэты французской «Плеяды» — стихи, переложенные из Секунда или написанные по его образцу (часто — с выдающими названиями «Поцелун», «Поцелуй», «Другой поцелуй») мы находим и у Ронсара, и у дю Белле, и у Белло, и у Баифа. Одна из самых знаменитых песен Ронсара к Елене представляет собой точный перевод 2-го стихотворения из сборника Секунда. Расходясь вширь, влияние Секунда постепенно слабеет, и в XVII в. его можно обнаружить лишь у таких средних поэтов, как В. Драммонд в Англии, Г. Р. Векхерлин в Германии, Г. Муртола (переложивший и «Поцелуи» Секунда, и «Глазки» Лернуция) в Италии. Но еще на исходе XVIII в. Мирабо в Венсенской тюрьме коротает время, переводя «Поцелуи», а молодой Гете пишет стихотворение «К духу Иоанна Секунда», именуя

в нем голландского поэта «милый, святой великий целователь».

Иоанн Секунд прожил короткую жизнь. Он умер в один год с Эразмом Роттердамским, между тем как по возрасту годился ему в сыновья. Это придает его образу цельность, какая есть не у всякого поэта его поколения. Секунд и его сверстники начинали писать в привольной атмосфере аристократического гуманизма, а кончали в обстановке всеобщего озлобления, порожденного реформацией и контрреформацией. Из двух братьев-стихотворцев Секунда Адриан Марий стал впоследствии членом страшного трибунала при герцоге Альбе, а Николай Грудий выпустил сборник «Благочестивые стихотворения» и горько жалел о своих юношеских мирских стихах. Смерть уберегла Иоанна Секунда от такой судьбы. Маленькая книжка «Поцелуев» явилась в кратком историческом промежутке между многословной гармонией Ренессанса и многословной дисгармонией барокко. Это и придало ей ту живость, легкость и свежесть, которые делают ее одним из лучших образцов латинской поэзии нового времени.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ СТИХОТВОРЕНИЯ

Примечания к переводу содержат сведения, необходимые для понимания отдельных мест текста стихотворений Эразма. В них также объяснены собственные имена, мифологические, географические и иные названия.

При составлении примечаний частично использован критический аппарат упомянутого издания поэзии Эразма, осуществленного Корнелисом Рэдейком (сокращенно: К. Рэдейк, с. ...).

Цитаты из Библии и ссылки на ее текст даны по московскому изданию 1968 г.

1. 1483 г. Это первое стихотворение юного Эразма написано в духе древней «буколической» (пастушеской) поэзии, родоначальником которой был Феокрит (III в. до н. э.), а на римской почве — Вергилий, многочисленные реминисценции из «Буколик» которого встречаются в этом стихотворении. Данное стихотворение Эразма — характерная для этого жанра поэзии жалоба влюбленного пастуха, не встречающего взаимности.

<sup>26</sup> *...Аминта...* — имя пастуха в VII идиллии Феокрита. Этим же именем назовет свою пасторальную поэму Торквато Тассо (1544—1595).

<sup>30</sup> *Пашешь ты берег...* — т. е. занимаешься напрасным делом.

<sup>38</sup> *...супруга Титона...* — Заря, Аврора.

<sup>47</sup> *Он, как и Нестор...* — царь Пилоса, старейший участник Троянской войны, царствовавший к ее началу уже над третьим поколением людей. См. также 45, ст. 67.

<sup>62</sup> *Как Аониды, Налды, а с ними и девы Дриады...* — Аониды — музы. Налды — нимфы рек и источников.



Дриады — нимфы-покровительницы деревьев, живущие и умирающие вместе с ними.

- <sup>71</sup> *С ней не сравниться Цитере...*— т. е. богине Венере, названной так по о-ву Кифера, одному из мест ее культа.

2. Около 1487 г.

- <sup>17</sup> *Пусть же к Стигийским волнам...*— т. е. к водам Стикса, ядовитой реки подземного царства, водами которой клялись боги.

3. Около 1487 г.

- <sup>24</sup> *Мягкую пряжу дала в руки Алкиду любовь...*— Алкиду — Гераклу, внуку Тиринфского царя Алкея. Служа Лидийской царице Омфале, Геракл пряд для нее шерсть.
- <sup>26</sup> *И Закида...*— т. е. Ахилла, внука Эгинского царя Зака, ставшего после смерти одним из трех судей подземного царства (Зак, Минос и Радаманф).
- <sup>29</sup> *...Соломона мудрее...*— Соломон (972—932 до н. э.), царь Израиля и Иудей.
- <sup>36</sup> *Аргуса очи слепит...*— т. е. многоглазого великана, часть глаз которого бодрствовала, когда сам он спал. Символ неусыпного стража.
- <sup>45, 46</sup> *В сердце несчастной Дидоны любовь кинжал погрузила, / Петлей Филлиду сдавив...*— Дидона — дочь Тирского царя Бела, основательница Карфагена. Покончила с собой из-за любви к покинувшему ее Энею. Филлида — фракийская царевна. Повесилась, когда обручившийся с ней Троянский герой Демифонт не вернулся к назначенному сроку.
- <sup>47, 48</sup> *Из-за тебя лишь, любовь, умерла вавилонянка Тисба! / ... к Стиксу Пирам отошел...*— О трагической любви Пирама и Тисбы, античных Ромео и Джульетты, см. Овидий, *Метаморфозы*, IV, 55—166.
- <sup>49</sup> *...Побеждает тот мальчик негодный...*— Амур.
- <sup>50</sup> *...мальчика грозная мать...*— богиня любви Венера.

4. Около 1487 г.

5. Около 1487 г. Первый стих — гексаметр, второй — ямбический.

- <sup>23</sup> Ты еще горе познаешь, Меналк...— Меналк — имя пастуха из 3-й и 5-й эклог Вергилия.
- <sup>25</sup> ...самого Ганимеда сильнее...— красивого юноши, похищенного Зевсом, принявшим облик орла.
- <sup>29</sup> Или тот цвет, говорят, на картинах что был Апеллеса...— знаменитого греческого живописца из Колофона (IV в. до н. э.), автора несохранившейся картины «Афродита анадियोмена» (выходящая из пены морской).

6. Около 1487 г. Асклепиадов хориямбический стих с четвертым стихом гликонеем. *Заголовок*. Друг, к которому обращена эта эпиграмма (как и стихотворение 5) — Серватий Рогер, умерший в 1540 г.

<sup>5</sup> *Аффрик*...— юго-западный ветер.

7. Около 1487 г.?

<sup>8</sup> *Попа, носителя бурь*...— сильного южного ветра, обычно сопровождавшегося ливнями или градом. См. также 8, ст. 6.

<sup>28</sup> *Будем, друг мой, ловить первые, лучшие дни*.— Реминаценция из Горация (Оды, кн. I, 11 — к Левкое), его знаменитое кредо: «лови день» (сагре diem).

8. Около 1488 г.?

<sup>19</sup> *...хоть и Креза ты стал бы богаче*...— Крез (ок. 560—546 до н. э.) — царь Лидии, обладатель несметных богатств.

<sup>25</sup> *...Эвмениды суровые вьются*...— божества возмездия и кары, хранительницы нравственных устоев.

<sup>29</sup> *...исходят под плектрами струны*...— плектр — палочка для игры на струнных инструментах, например на кифаре.

<sup>47</sup> *Все это Парки прядут*...— три богини судьбы: Клото (прявшая нить жизни), Лахеса (тянувшая эту нить) и Атропа (обрывающая ее).

<sup>53</sup> *...Иов, герой достоитимый*...— персонаж одноименной книги Ветхого Завета, праведный старец, благочестие которого испытывал бог.

9. Весна 1488 г.? Стихотворение представляет собой дружеское поэтическое состязание 19-летнего Эразма и Вильяма Германа, его товарища по учебе в Девентере.

<sup>53</sup> *О благая Венера...*— здесь реминисценция из поэмы Лукреция «О природе вещей», кн. 1, ст. 2.

10. Между 1487—1489 гг. Эпитафия посвящена жене де Кервера (латинизированное имя: Фисциний) Маргарите, богатой горожанке Гауды.

<sup>1</sup> *...кто заслуженно звалась Гонорой...*— латинское прилагательное *honorata* означает «достохвальная», «досточтимая» и содержит намек на имя покойной.

11. 1488—1498 гг. *Заголовок*. Энгельберт Лейденский (Энгельберт Скут из Лейдена), умерший ок. 1503 г., учился в Цволле и Девентере, а также в Кёльнском университете (после 1438 г.). В 1458 г. он был руководителем школы в Лейдене, но в 1464 г. оставил этот пост и преподавал в епископской школе (до 1483 г.). Его сын Корнелис (1468—1533), художник, был учителем Луки Лейденского.

12. Около 1489 г. Это, как и следующее стихотворение — эпитафия Берте де Гейн, которая поддерживала юношу Эразма.

13. Около 1489 г. Стихотворение написано анапестом.

<sup>12</sup> *Пока Феба росистая...*— т. е. Диана, богиня Луны, сестра Аполлона (Феб).

<sup>18</sup> *Кто свирепостью лютого Орка...*— Орк: 1) римское божество смерти, доставлявшее людей в подземное царство; 2) само подземное царство.

14. Весна 1489 г.? Три первые стиха — Асклепиадовы, четвертый — гликоней. *Заголовок*. Корнелий — Герард Корнелий, современник и друг Эразма, фигурирующий в его переписке с 1489 г. С 1497 г.— в Париже. В 1508 г. император Максимилиан I увенчал его лавровым венком «поэта-лауреата». В этом стихотворении (как и в 116) нашли отражение идеи «ученого благочестия» как часть «нового благочестия» Эразма. См. главу «Новое благочестие и значение девентерской школы в подготовке гуманистического движения в Германии» (в кн.: *Неми-*

лов А. Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979, с. 39—45).

- <sup>15</sup> ...лики горы двойной...— т. е. Геликона, горной цепи в Беотии, посвященной Аполлону и музам.
- <sup>23</sup> ...сонмы Аркадии...— жители легендарной страны мира и счастья.
- <sup>27</sup> С Каллионой самой...— музой эпической поэзии. Здесь — муза вообще. См. также 14, ст. 79.
- <sup>39</sup> Дщери Зевса...— музы.
- <sup>51</sup> Что Пеона рукой...— т. е. рукой Аполлона — Целителя или Асклепия, как богов медицины.
- <sup>58</sup> Вот апостол, писал Павел...— послание апостола Павла «К галатам», 5.  
...миру Меонии...— т. е. дух гомеровской эпической поэзии.
- <sup>64</sup> ...Лука и Иероним.— Лука — один из четырех евангелистов (Матфей, Марк, Лука, Иоанн). Иероним (ок. 346—420) — один из отцов западной церкви, автор многочисленных сочинений и писем, переводчик Библии на латинский язык (так называемая «Вульгата»).
- <sup>71-72</sup> ...стихов... Утонченных Папиния.— Папиний Стаций (I в.) — римский эпический поэт, автор поэм «Фиваида» и «Ахиллеида» и сборника стихотворений «Сильвы» (буквально: «Леса», «Сады»).
- <sup>73</sup> Флакк...— т. е. Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт. Наряду с Вергилием и Овидием один из самых любимых поэтов Эразма.
- <sup>74</sup> Лукан...— римский эпический поэт (39—65), автор поэмы «Фарсалия», посвященной гражданской войне между Цезарем и Помпеем.
- <sup>75</sup> Зятя пел...— т. е. Помпея, женатого на дочери Цезаря, Юлии. ...языком славного Пиндара...— греческого поэта (522—442 до н. э.), автора торжественных од.
- <sup>85</sup> Феспиадов Гадес...— ныне Кадис, город на юго-западном побережье Испании.
- <sup>89</sup> Крайняя Туле их...— легендарная островная страна на крайнем севере Европы.
- <sup>92</sup> Сам Родопский поэт, Орфей...— Легендарный певец и музыкант. Своей игрой и пением укрощал диких зверей и сдвигал скалы.

- <sup>83-94</sup> Он игрою своей о похищении / Эвридики скорбя...— об Орфее и его жене Эвридике см. Овидий, *Метаморфозы*, кн. X, ст. 1—85.
- <sup>98</sup> Укротил Загрид...— Орфей.
- <sup>101</sup> И Бистонский поэт...— Орфеем, уроженец Фракии, поэтическое название которой было Бистония.
- <sup>122</sup> Побеждал Гедеон, пела пока труба...— намек на эпизод из Ветхого Завета. Израильтяне, напавшие на кочевников мадианитян, привели их в смятение звуками труб (см. Книга Судей, 7, 17—23).
- <sup>147</sup> Веспер...— вечерняя звезда, вечер.
- <sup>151</sup> ...с теплым Фавонием...— юго-западным ветром (ср. Зефир).
- <sup>181</sup> ...жар Аонид...— т. е. муз, названных так по месту их культа, Аонии (в Беотии).
- <sup>175, 178</sup> Но Давида уж скиптр... что был / Из Мелхома отлит венца.— О Мелхоме, царе аммонитов, см. Матфей, 2, 1—12.
- <sup>177</sup> Дебелайма дочь...— Гóмер, жена пророка Исаяи. См. Исаяя, 1—2.
- <sup>180</sup> В лоне сладостном Либетрид.— Т. е. муз, названных так по имени города Либетра в Фессалии, где находился посвященный им источник.
- <sup>183</sup> ...флейты Родопские...— т. е. фракийские, связанные с легендарным фракийским певцом и музыкантом Орфеем.
- <sup>203</sup> ...строфы твои, поэт...— Эразму была известна поэма Корнелия «О смерти» и, возможно, другие его поэтические сочинения.
- <sup>220</sup> Пусть Лакеса...— см. примеч. к 7, ст. 47.
15. Весна 1498 г.? Данное стихотворение связано с предыдущим и как бы продолжает, устами Иеронима, его тему.
- <sup>6</sup> Песни невесты, Мудрец...— т. е. «Песнь песней» царя Соломона. Под словом Мудрец подразумевается Соломон, которому приписывается также одна из книг Библии: «Книга Екклезиаста, или Проповедника».
- <sup>16</sup> ...любви к Пиеридам...— т. е. музам, олицетворявшим науки и искусства: Каллиопа, Клио, Мельпомена, Полигимния, Талия, Терпсихора, Урания, Эвтерпа, Эрато.

<sup>19</sup> *Стиль утонченный, и ты, из Египта блестящие  
взявши / Вазы, Господу ими украсишь священные  
сени...*— Смысл этих строк следующий: подобно тому,  
как евреи при исходе из Египта забрали свою утварь,  
присвоенную когда-то египтянами, так и христиане  
имеют право обращаться к языческой поэзии и муд-  
рости, потому что в конечном счете она пронстекает  
из того же божественного источника. Это популяр-  
ное в эпоху Средних веков уподобление восходит  
к Аврелию Августину (354—430).

<sup>21</sup> *Так, полагаю, прочтешь...*— ср. Левит 2, 12: «Как при-  
ношение начатков приносите их Господу; а на жерт-  
венник не должно возносить их в приятное благоуха-  
ние».

16. Весна 1489 г.? Данное стихотворение предпослано  
«Наставлению христианского воина» Эразма, которое  
было издано Дирком Мартенсом из Алоста (см. примеч.  
к 115) в 1503 г. Оно написано, вероятно, весной 1489 г.  
В нем, как и в 14, 15, нашли отражение идеи «ученого  
благочестия», явившиеся развитием положений «ново-  
го благочестия» (см. примеч. к 14). Памяти Д. Мартенса  
посвящена эпитафия 115.

17. Март 1489 г. Хориямбический Асклепиадов размер,  
включающий в четвертом стихе гликопей. Монастырь  
Стейн, куда вступил Эразм, был посвящен св. Георгию.

<sup>9</sup> *...благородный род...*— отец Григория Великого, Гор-  
диан, происходил из знатного патрицианского рода  
Анциев.

<sup>13</sup> *И когда средь тревог...*— намек на наводнение  
и вспышку чумы.

<sup>16</sup> *Выдал ясным сиянием.*— К. Рэдейк пишет: «...история  
о том, что Григорий искал убежища в лесах и был  
обнаружен по исходившему от него необыкновенно-  
му сиянию, зафиксирована в его жизнеописании, со-  
ставленном неизвестным монахом из Висби около  
713 г.» (К. Рэдейк, с. 172).

<sup>17</sup> *...грядешь ты к наивысшему...*— Григорий был про-  
возглашен папой Римским 3 сентября 590 г. (умер  
в 604 г.).

...ни диадемы все... — намек на папский венец — тиару, которая состояла из трех соединенных венцов (корон), как символ власти над Римом, душами всех людей и всеми светскими владыками.

18. Около 1489 г. «Четыре последние вещи», о которых здесь идет речь: смерть, страшный суд, преисподняя и небо. Учение о четырех последних вещах было основным в эсхатологии, распространившейся в конце XV столетия, особенно в Нидерландах.

19. Около 1488 г. Двухчленная четырехстрочная одиннадцатисложная сапфическая ода. Культ девы Марии занимал особое место в теологии Эразма. Именно с ним Эразм связывал основу христианского вероучения — греховное искупление.

- <sup>3</sup> *Геликона край...* — Геликон — горная цепь в Беотии, посвященная Аполлону и музам.
- <sup>29</sup> *Но и черный Стикс, и Аверн враждебный...* — о Стиксе см. примеч. к 2, ст. 17. Аверн — мрачное озеро в Кампании, близ Неаполя, расположенное в кратере потухшего вулкана. По преданию, там находился вход в подземное царство.
- <sup>30</sup> *...Флегетонт угрюмый...* — река в подземном царстве.
- <sup>34</sup> *Радаманф...* — сын Зевса и Европы, один из трех судей подземного царства. См. примеч. к 3, ст. 26.
- <sup>35</sup> *Сестры...* — Эриннии, живущие в подземном царстве богини мщения: Тисифона, Алекто и Мегера.
- <sup>41</sup> *Набатей...* — здесь — житель Востока.
- <sup>42</sup> *...Титан лик из волн являет...* — Титан — солнце.
- <sup>44</sup> *С дымом Сабейским.* — Т. е. с воскурениями. Саба — главный город «Счастливой Аравии», славился благовониями.
- <sup>64</sup> *Росная Феба...* — см. примеч. к 13, ст. 2.
- <sup>74</sup> *...и Сивилл Делийских...* — пророчиц, связанных с культом Аполлона Прорицателя, в честь которого на о-ве Делосе раз в четыре года устраивались игры.
- <sup>81</sup> *И терновый куст...* — Исход, 3, 2.
- <sup>89</sup> *Мегит ветвь тебя...* — Числа, 17, 8: «На другой день вошел Моисей (и Аарон) в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов от дома Левитина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали».

- 91, 92 *Влажное тебя отмечало руно / В месте иссохшем.*— Книга Судей, 6, 36. Ср. 105, ст. 20 сл.
- 93, 95 *Древле и Эсфирь... и Юдифь...*— геронни библейских сказаний.
- 106 *Люцифер, с толлой вниз катясь надменной...*— Люцифер — буквально: «светоносный» — утренняя звезда. В патристике — «сын зари» (ср. Исая, XIV, 12), является обозначением дьявола.
- 129, 130 *Малобатр... Циннамом и нард...*— ароматические растения.
- 1 сл. *Он, пособником обойден несожжим...*— У К. Рэдейка: «Эразм проводит различие между падением человека, который был введен в грех, почему этот грех и может быть искуплен, и виной Сатаны, который действовал по собственной воле и чье наказание поэтому должно быть вечным» (с. 180).
- 223 *...в емкий облик...*— смысл стиха не вполне ясен. Возможно следующее толкование: зачем было Христу воплощаться в человеческом облике?
- 280 *Ветвь Иессей...*— Иессей — отец Давида.
- 345 *...Лизя струи...*— вино. Лизей — буквально: «отгоняющий заботы», один из эпитетов Вакха.
- 350 *Исмара скалы...*— горной цепи во Фракии, на северо-востоке Греции.
- 382 *...и свирепых Сиртов...*— Сирты (большой и малый) — два изобилующих подводными скалами и отмелями залива на побережье Северной Африки.
20. Около 1489 г. Первая строка — Асклепиадов хорямбический стих, вторая — Архилохов ямбический диметр.
- 6 *Девятый проходя предел...*— т. е. девятый час. Марк, 15, 34; Матфей, 27, 45; Лука, 23, 44.
- 10 *И скалы сами рушатся...*— Матфей, 27, 51.
- 25–28 *Коль в темнице своей... / День не увидит завтрашний.*— См. Матфей, 27, 58.
- 37, 38 *...Феба нежданно / С собой закрыла братний свет.*— Т. е. Луна закрыла свет солнца.
- 40 *В стране халдеев...*— т. е. в юго-западной части Вавилонии, стране звездочетов и магов.



21. Около 1489 г. На тему о нисхождении Христа в ад писали Гелий Эобан Гесс (1517) и Матиас Функ (1514). На эту же тему написаны поэма Иоганна Шпенгенберга (1484—1550) и стихотворение И. В. Гёте (1765).

<sup>9</sup> *...Диеспитер это родился...*— Диеспитер — Юпитер; здесь — Иисус Христос.

<sup>63</sup> *...седых патриархов...*— в оригинале: *patres* — отцов. Перевод сделан с учетом примечания К. Рэдейка (с. 192).

<sup>78</sup> *...Кощица бродячие струи...*— реки подземного царства, притока Стикса; буквально — «стонущий».

<sup>80</sup> *Сто Эвменид...*— т. е. Эриний. См. примеч. к 19, ст. 35.

<sup>83</sup> *...в ужасной темнице Аверна...*— см. примеч. к 19, ст. 29.

<sup>133</sup> *...беспощадного Дита...*— древнего италийского бога Преисподней, отождествлявшегося с Андом или Орком (см. ниже ст. 142).

<sup>159</sup> *Но зловещие сестры...*— Эринии. См. примеч. к ст. 80 и к 19, ст. 35.

<sup>162</sup> *Те же, плененных кого...*— т. е. павшие ангелы и демоны.

<sup>280</sup> *...на красном сияют виссопе.*— Виссон — тончайшая льняная или шелковая ткань.

<sup>315-322</sup> *...взгляни на колеблемый мир... / ...и мраком еще непроглядным...*— представляют собой реминисценцию из предыдущего стихотворения Эразма.

22. Около 1489 г. Еще в 1481 г. Родольф Агрикола написал свой эпиграмм, посвященный св. Анне, которая была канонизирована только в XV в. Эразм находился под влиянием этого сочинения Р. Агриколы.

<sup>13</sup> *Стыдливый отрицает муж...*— Иоаким.

<sup>20</sup> *Чем Сары плач с Ревеккою...*— Бытие, 11, 30 и 25, 21—22.

<sup>21</sup> *Иль той...*— т. е. Анны.

<sup>30</sup> *Жрец оттолкнул неистовый.*— Рубен. Иоаким и Анна хотели принести жертву по случаю праздника Обновления жертвенника (в 25-й день месяца Кислев).

23. Около 1489 г.

24. Около 1489 г.

<sup>25</sup> ...*быстрого Эвра*...— сильного юго-восточного или восточного ветра.

<sup>26</sup> ...*Гebra стремительных вод*...— реки во Фракии (ныне Марица).

25. Около 1489 г.

<sup>9</sup> *Скал не страшатся, Харибды*...— Харибда (и Скилла), по Гомеру, два чудовища, пожиравшие моряков, пльвших по Сицилийскому проливу.

<sup>15</sup> *Глупый, что новых предлогов ты ищешь с лицом одержимым?*— Смысл этого стиха остается неясным.

<sup>35</sup> *Ахар*...— (или Ахаз)— библейский персонаж. См. Исая, 7.

<sup>36</sup> *Лепрой, как снегом покрыт, сгинул Гиезий за них*...— лепра— проказа. О Гиезии и Неемане см. Книгу царств, 4, 5.

<sup>38</sup> *Усугубила жена хитрые ковы свои*...— Далила, погубившая Самсона.

<sup>39</sup> ...*невинного агнца предатель*...— Иуда, предавший Христа за 30 серебрянников и повесившийся.

<sup>45</sup> *Въяве златая Церера*...— богиня полей и земледелия. Здесь в смысле: хлеб, злаки.

<sup>71, 72</sup> ...*терзают у Тития печень / Коршуны*...— Титий— великан, низвергнутый Зевсом в Аид за покушение на честь Латоны, матери Аполлона и Артемиды (Дианы).

<sup>93</sup> ...*также и Тантал страдает*...— царь Фригии (или Лидии). За оскорбление богов терзаем в Аиде неутолимой жаждой и голодом, ибо вода убегала от его губ, а плоды не давались в руки.

<sup>107</sup> ...*из Креза сделает Иром*...— т. е. из богача бедняком. Крез (ок. 560—546 до н. э.), царь Лидии, обладатель несметных богатств. Ир— персонаж «Одиссеи» Гомера (XVIII, ст. 25 сл.), бедняк-попрошайка.

<sup>121</sup> ...*и Крассу и Крезу богатство*...— Марк Лициний Красс, по прозвищу «богатый», один из триумвиров (вместе с Цезарем и Помпеем). Погиб в битве с парфянами при Каррах в 53 г. до н. э.

<sup>124</sup> *И унесла Лаомедонта она*.— Лаомедонт— царь Трои, отец Приама. Убит Гераклом.

26. Около 1490 г. Одиннадцатисложный размер.

<sup>2</sup> Нет нужды находить тебе патронов...— т. е. покровителей.

27. Между 25 апреля 1492 г.— летом 1495 г.?

28. Между 25 апреля 1492 г.— летом 1495 г.?

29. Середина мая 1494 г.?. *Заголовок*. Одилия, которой посвящена эта эпитафия, не может быть идентифицирована с каким-либо конкретным лицом.

30. Между маем 1494? — летом 1495 г.

31. Между серединой мая 1494 г.? — летом 1495 г.

<sup>11</sup> ...что жезлом ударенный круглым...— см. Исход, 17, 1—6. Моисей ударом жезла высек из скалы воду, чтобы напоить свой народ.

<sup>13</sup> ...на древе известном...— на древке знамени. Намек на библейскую легенду о медном змие. См. Числа, 21, 5—9.

32. Между 1494 г. и февралем 1496 г. Ян Окегем (ок. 1430 — между 1494 и февралем 1496 г.), знаменитый певец и композитор, служивший при дворе герцога Бургундского, а затем при дворе французских королей: Карла VII, Людовика XI и Карла VIII. Эразм и Окегем могли познакомиться в Париже летом 1495 г.

33. Осень 1495 г. Один стих — гексаметр, а другой — ямбический диметр. Стихотворение написано, вероятно, по прибытии Эразма в Париж. К. Рэдейк (с. 224) считает, что оно должно было быть приятно Р. Гагену (Гагуину), который еще в 1489 г. написал произведение на ту же тему.

<sup>14</sup> Дворцы тирана Лидии...— Креза. См. примеч. к 25, ст. 107 и 121.

<sup>50</sup> ...супруг стыдливейший...— Иосиф.

34. Осень 1495 г. Двучленная одиннадцатисложная Сапфическая ода.

<sup>7</sup> сл Пусть слетит сюда Серафим... / ...пусть звучит...  
Плменем слово.— Ср. Исая, 7, 6—7: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горя-

щий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен».

...как пироп сверкает...— буквально: «огненосный» (греч.). Род граната, преимущественно богемского, наиболее ценной разновидности этого драгоценного камня.

- <sup>65</sup> У Пелора так Сицилийский берег...— Пелор (или Пелорида) — мыс на северо-восточной оконечности о-ва Сицилия.

35. Осень 1495 г.

- <sup>11</sup> Тот познал, кого льву лизать приятно...— т. е. пророк Даниил, попавший в львиный ров. Ср. Даниил, 6, 10—24.

- <sup>13</sup> Пред Захарией, тем супругом старым...— см. Лука, 1, 8—21.

- <sup>25</sup> И творец тогда об искусствах новых...— ср. Лука, 1, 26—38.

36. Осень 1495 г.

- <sup>3</sup> К первым двум себя...— т. е. к архангелам Михаилу и Гавриилу.

- <sup>8</sup> Товия снова.— Товия — сын израильтянина Товита, жителя Персидской земли, которому он с помощью ангела Рафаила вернул зрение. См. Товит, 5—12.

- <sup>22</sup> ...от заразы лютой...— чумы, вспышка которой осенью 1495 г. заставила Эразма бежать из Парижа в деревню.

37. Осень 1495 г.

- <sup>29</sup> ...в садах Кекропейских...— т. е. в садах Аттики, которая считалась землей Кекропа, основателя Афин, сына богини Геи (Земли).

- <sup>31</sup> Вылетает рой...— ср. Варрон, О сельском хозяйстве, III, 16, 7, 31 и Вергилий, Георгики, IV, 151.

38. Около сентября 1495 г. Одиннадцатисложный стих обращается к своим музам. Это, как и следующее стихотворение, написано по приезде Эразма в Париж, вероятно, осенью 1495 г.

- <sup>4</sup> *Словно Парменион Теренцианский...*— персонаж комедии Теренция (ок. 190—159 до н. э.) «Евнух», ст. 1321 сл.
- <sup>15</sup> *Кем, скажите, считаете Роберта...*— Р. Гагена (Гагунна) (1433—1501), гуманиста, доктора канонического права, ректора Парижского университета, друга и корреспондента Эразма.
39. Осень 1495 г. *Заголовок*. Фаусто — Ф. Андрелини (1460—1518), ученик Франческо Филельфо. С 1489 г. читал лекции в Сорбонне. В 1496 г. получил титул «королевского поэта».
- <sup>7</sup> *Вместе с Мароном моим...*— т. е. с Вергилием. Ср. Вергилий, Георгики, II, 488—489.
- <sup>26</sup> *Ливий — в одном, во втором же — Саллюстий...*— сравнение Р. Гагена и Ф. Андрелини с римским историком Титом Ливием (59 до н. э.— 17 н. э.), автором «Римской истории» и римским писателем Саллюстием Криспом (86—39 до н. э.), автором «Заговора Катилины» и «Югуртинской войны».
- <sup>32</sup> *Сам Сципиад...*— член рода Сципионов. Вероятно, речь идет здесь о Публие Корнелие Сципионе Старшем, консуле 205 и 194 гг. до н. э., победителе Карфагена во второй Пунической войне.
- <sup>50</sup> *Ливии нет в ней...*— вероятно, речь идет о Ливии Друзилле, бабушке Клавдия и жене Октавиана Августа. Она вышла за него будучи беременной и родила через три месяца после свадьбы. По этому поводу Светоний в «Жизнеописаниях 12 цезарей» (Божественный Клавдий, 1) замечает: «Везучие родят на третьем месяце».
- <sup>51</sup> *Здесь к Алексису — красавцу нигде Коридон не пыляет...*— Коридон — персонаж 2-й эклоги Вергилия (ст. 1 сл.).
- <sup>52</sup> *Нет и Филлиды...*— Филлида — возможно, героиня 2-го письма «Геронд» Овидия (Филлида — Демофонту).
- <sup>54</sup> *Много у ней всевозможных Катонов...*— т. е. придирчивых судей. Здесь намек на Марка Порция Катона (234—149 до н. э.), римского государственного деятеля и писателя, автора многих сочинений по различ-

ным отраслям знаний. Его имя еще в древности стало нарицательным для поборника строгой нравственности и простоты. К. Рэдейк (с. 242) видит в этом «ранний признак неодобрения Эразмом ограниченности сорбонских профессоров».

- <sup>57</sup> *И Ипполит прочитал бы...*— Ипполит — сын Афинского царя Тесея, целомудренный юноша, отвергнувший любовь своей мачехи Федры, за что та оклеветала его перед отцом.
- <sup>59</sup> *Всякий тот Галл, всякий Вар, Поллион поистине всякий...*— Галл — Гней Корнелий Галл (69—21 до н. э.), оратор и поэт, друг Вергилия. Вар — Публий Алфений Вар — римский государственный деятель, консул суффектус во 2 г. до н. э. Поллион — Гай Азиний Поллион (75 до н. э.—5 н. э.) — оратор, историк и поэт, друг Горация. К нему обращена одна из его од (Оды, II, 1).

40. Весна? 1496 г.

- <sup>14</sup> *...старец с косою...*— Сатурн.
- <sup>15</sup> *Вулкану кто соперник был...*— Марс, бог войны, возлюбленный богини Венеры, жены Вулкана.
- <sup>16</sup> *...хладный и пламенный...*— К. Рэдейк отмечает (с. 244): «Представление Сатурна и Марса как стариков не является общепринятым в классической мифологии».
- <sup>18</sup> *Три богини...*— три Парки. См. примеч. к 7, ст. 47.
- <sup>20</sup> *Из богинь, верим, крылатая...*— т. е. Фортуна, богиня Судьбы, Случая и Удачи. Часто изображалась в виде крылатой женщины на колесе или шаре (символ переменчивости счастья) и с рогом изобилия.
- <sup>24</sup> *Поликрата себе долю счастливого...*— Поликрат (VI в. до н. э.) — богатый и щедрый тиран о-ва Самоса. Распят персидским сатраном Оретом.
- <sup>25</sup> *И Суллы...*— Луций Корнелий Сулла (139—78 до н. э.) — консул 88 г., диктатор с 82 г. Будучи суеверным, присвоил себе имя «Счастливым». Имея в виду это прозвище, римский поэт Квинт Серен Самоник («Медицинская книга», IV, ст. 62) назвал Суллу, погибшего от фтириазиса (вшивости), «несчастливым». О смерти Суллы см. также Плутарх, Сулла, 36.

<sup>26, 27</sup> *Сам Арпинский не раз... консул...*— Гай Марий (157—86 до н. э.), римский полководец, победитель нумидийского царя Югурты, а также кимвров и тевтонов. См. Плутарх, Марий, 45.

<sup>40</sup> *...ларчик обрушился...*— ларец, в котором были заключены все людские беды и пороки. Зевс, желая наказать Прометея за похищение огня, послал этот ларец брату Прометея, Эпиметею (это имя буквально означает: «думающий после»), женившемуся вопреки предупреждению Прометея на Пандоре, которая из любопытства открыла ларец и выпустила его содержимое (на дне ларца осталась лишь надежда).

41. 1496 г. Давид, которому посвящена эта эпитафия, побочный сын герцога Бургундского Филиппа Доброго, епископ г. Утрехта с 1456 г. Ученый и покровитель наук.

42. 1496 г.

43. Зима 1496—97 г. Эта эпиграмма помещена на титульном листе издания Од Вильяма Германа (Париж, Г. Маршан, 1497), поэта и друга детства Эразма, учившегося вместе с ним в Гауде и Девентере, а затем поступившего, как и Эразм, в монастырь Стейн.

44. Около 1498 г. *Заголовок*. Издание Вергилия, выпущенное Августом Винцентом Карминадом, которого восхваляет здесь Эразм, вышло в Париже у Ж. Филиппа 19.II.1498 г. Его издатель Винцент был знаком с Эразмом еще в 1497 г., а в 1500 г. встречался с ним в Орлеане. В 1510 г. Винцент был секретарем магистрата г. Миддельбурга. Об объекте этой сатирической эпиграммы, П. Маллеоле, известно только, что он был автором письма, посланного им Эгидию из Дельфта, которое было напечатано в двух изданиях «Грамматики» Николая Перотта Сепонтинского (оба издания в 1504 г.). См. К. Рэдейк, с. 246—247.

<sup>1</sup> *...Варию с Туккой...*— Варий Луций — римский трагический и эпический поэт, современник и друг Вергилия и Горация, неоднократно ими упоминаемый. Тукка Плотий — римский поэт, современник Горация (см. Сатиры, I, 5, ст. 40).

<sup>12</sup> *В скверном да гибнет огне...*— в оригинале игра слов, передать которую однозначно невозможно. *Malleus* — буквально: молот, т. е. орудие разрушения, уничтожения (ср. название известного сочинения Г. Инститора и Я. Шпренгера «Молот ведьм» (*Malleus maleficarum*), служившего руководством на соответствующих процессах и неоднократно переиздававшегося в XV в. Имя «корректора» — Маллеол (от латинского *malleolus* — молоток) означает также: зажигательная стрела, т. е. тоже орудие уничтожения. Кроме того оно означает болезнь — сап. Смысл стиха, по всей вероятности, следующий: эту заразу (т. е. Маллеола) можно истребить лишь наилучшими средствами истребления.

45. Осень 1499 г. Двучленная двустроичная ода с чередованием героического гексаметра и ямбического триметра. Эта ода в 1499 г. была поднесена Эразмом принцу Генриху, будущему королю Англии Генриху VIII Тюдору (см.: *Осиновский И. Н.* Томас Мор. М., «Наука», 1974, с. 20—21). Характеристика правления его отца, Генриха VII, данная в ней Эразмом, опровергается поэмой Томаса Мора на коронавание Генриха VIII (см. *Мор Т.* Эпиграммы. История Ричарда III. М., «Наука», 1973, с. 13—17).

<sup>7</sup> *...богатая рада Панхей...*— о-в у берегов Счастливой Аравии, славившийся ладаном.

<sup>8</sup> *...земля иберов...*— Испания. Золотоносной считалась река Таг (ныне Тахо). Ср. Марциал. Эпиграммы, 1, 49, ст. 15—16:

В тени деревьев Тага златоносного  
От зноя ты укроешься.

(Перевод Ф. А. Петровского).

<sup>20</sup> *С его сестрою...*— т. е. Дианой, богиней Луны.

<sup>21</sup> *...шерстью хваленого Бета...*— Бет (Бетис) — основная река южной Испании, ныне — Гвадалквивир.

<sup>28</sup> *Султан на шлеме я взношу торжественно...*— т. е. горжусь (своим новым королем).

<sup>37</sup> *Децим не был свой Рим, своя Аттика Кодру дороже...*— Деций — имя двух знаменитых римлян:



- 1) Публия Деция Муса, участника 1-й Самнитской войны и 2) его сына, тоже Публия Деция Муса. Кодр — последний Афинский царь, отдавший жизнь ради спасения родины.
- <sup>40</sup> *Не знали ни Метелл, ни муж Эгерии.* — Метелл — фамильное имя рода Цецилиев, к которому, в частности, принадлежал Кв. Цецилий Метелл, завоеватель (148 г. до н. э.) Македонии. Муж Эгерии — Нума Помпилий, 2-й Римский царь, сабинянин родом. Эгерия — италийская нимфа, жена и советница Нумы Помпилия.
- <sup>41</sup> *...у властителя Пилоса...* — Нестора. См. примеч. к 1, ст. 47.
- <sup>54</sup> *Вернувшись, зло Астрея все рассеяла...* — Астрея — дочь Юпитера и Юноны, богиня справедливости, покинувшая землю с наступлением жестокого «железного века». См. Овидий, *Метаморфозы*, I, ст. 150.
- <sup>57</sup> *Януса можно уже запереть...* — т. е. запереть двери храма бога Януса на Квиринале в Риме, закрытые в мирное время.
- <sup>68</sup> *Когда он старость превзойдет Титонову.* — Титон — сын Троянского царя Лаомедонта, муж богини Эос (Авроры), давшей ему вечную жизнь, но без вечной юности.
- <sup>72</sup> *Три — королей отцы, две ж будут матери.* — Генеалогия рода Тюдоров: основатель династии Тюдоров Генрих VII (1485—1509) был по материнской линии в родстве с Ланкастерами. У Генриха VII было два сына: 1) Артур, умерший в 1502 г. и не оставивший потомства, и 2) Генрих, будущий Генрих VIII (1509—1547). Третий сын Генриха VII, Эдмонд, умер в младенчестве. Генрих VII имел также двух дочерей: 1) Маргариту (в замужестве за шотландским королем Джеймсом IV) и 2) Марию (первым браком за королем Франции Людовиком XII).
- <sup>73</sup> *Так же, как в Пестума кущах...* — города на юго-западном побережье Лукании, славившегося трехкратным цветением роз.
- <sup>75</sup> *Самый приятный цветок...* — роза, посвященная богине Венере. См. Авсоний, *Розы*, ст. 21—22:

Общая их госпожа — у звезды и у розы — Венера  
Им повелела одеть тот же пурпурный наряд.  
(Перевод Ю. Ф. Шульца).

- <sup>80</sup> *Сливает розы алые и белые...* — намек на бракосочетание Генриха VII и Елизаветы, дочери Эдуарда IV, которая, став женой Генриха VII, принесла алую розу в герб Тюдоров (в гербе Ланкастеров — алая роза, Йорков — белая), объединив таким образом некогда враждовавшие королевские дома. Ср. эпиграмму Т. Мора 5 (указ. соч., с. 18) «О двух розах, срощенных воедино».
- <sup>98</sup> *Иль цветом брата...* — т. е. Феба (Солнца), отраженным светом которого светит его сестра Диана (Луна).
- <sup>105</sup> *Это — Арктур мой...* — намек (по созвучию) на имя Артура, первого сына Генриха VII, умершего в 1502 г. Арктур — самая яркая звезда в созвездии Волопаса.
- <sup>111</sup> *Был вот таким Иессид...* — Давид, сын Иессея. Его отпрыск — Соломон.
- <sup>115, 116</sup> *...которой даровано имя / Жемчужины...* — Жемчужина — margarita. Речь идет о Маргарите, одной из дочерей английского короля Генриха VII. См. примеч. к ст. 72.
- <sup>129</sup> *Вот уж и Генрих, дитя...* — сын Генриха VII, будущий король Генрих VIII.
- <sup>130</sup> *При Скелтоне...* — Джон Скелтон (ок. 1460—1529), наставник принца Генриха, затем придворный поэт короля Генриха VIII. Писал в духе английской народной поэзии и в традициях Джеффри Чосера, автора «Кентерберийских рассказов» (XIV в.). Занимался астрономией и медициной. См. также 46, ст. 3.
- <sup>133</sup> *Это ж отца отраженье блистало в Аскании древле...* — т. е. в сыне Троянского героя Энея, мифического родоначальника римского народа.
- <sup>140</sup> *И фесценники вы прозвучите песнями...* — фесценники — род народных сатирических, порой весьма вольных песен. «Неясно, почему Эразм применил этот эпитет к колыбельной песне», — замечает К. Рэдейк (с. 253).

<sup>143</sup> *Кассию, кальту, тимьян...*— здесь и далее даны названия ароматических растений.

46. Осень 1499 г.

<sup>5</sup> *...сестер Пиерийских...*— муз, названных так по месту возникновения их культа в Пиерии (близ Олимпа).

<sup>11</sup> *Слаще Гиблейского меда...*— названного по имени горы Гибла в Сицилии, славившейся своим медом.

47. Осень 1499 г.? Как отмечает К. Рэдейк (с. 255), это стихотворение — черновик более обширного стихотворения, напечатанного в 1511 г. (см. 85).

48. Между 1496—1506 гг.; около 1500 г.?

<sup>1</sup> *...дать другу большому...*— Адольфу из Веера, которому Эразм послал свои сочинения с посвянительной надписью, вероятно, в 1500 г.

49. Между 1499—1506 гг. Слепой, о котором здесь идет речь — Бернар Андре из Тулузы, автор истории Генриха VII и комментариев к Теренцию, Вергилию и Стацию. Преподавал в Оксфорде (1486 г.). Придворный поэт.

50—57. Эти восемь стихотворений — эпиграмм (в буквальном значении эпиграмма означает: надпись), созданные, вероятно, в конце весны 1501 г., предназначенные для новых колоколов церкви св. Михаила в Хеме, отлитых взамен старых, сгоревших от удара молнии.

53.

<sup>1</sup> *Глас вопиющего был...*— см. Матфей, 3, 3; Марк, 1, 3; Лука, 3, 4; Иоанн, 1, 23.

55. Холиямб.

57.

<sup>1</sup> *Пусть за меня ни Додона, ни светская бронза Коринфа...*— Додона — город в Эпире (северная Греция) с оракулом Зевса. Одним из видов прорицаний было там толкование эхо от удара в бронзовый гонг. Коринфская бронза в древности ценилась чрезвычайно высоко (см. Плиний, Естественная история, кн. 34, гл. 5—12).

58—60. Эти три стихотворения, написанные, вероятно, в 1501 г., посвящены неизвестному придворному. К. Рэдейк (с. 259) полагает, что это «тот Иоанн — военный и знакомый Эразма и Батта, к которому Эразм обращается в 1-м издании «Наставления христианского воина» (1503 г.), чтобы осудить его нехристианский образ жизни».

58.

<sup>1</sup> *Вот он Урсал — Мидас...* — намек на Фригийского царя Мидаса, легендарного богача, у которого все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Мидас умолил Диониса снять с него эти чары, так как ему грозила голодная смерть (в золото превращалась и пища, которую он хотел принять).

<sup>4</sup> *И в Фаларида Мидас...* — Фаларид — тиран города Агригента на о-ве Сицилия (565—549 до н. э.). Жестоким правитель. По преданию, заживо сжигал людей, заключив их в тело медного быка. См. Лукриан, «Фаларид и Поллен», «Стратегемы», кн. V, гл. 1.

<sup>6</sup> *Некий гречишко...* — Герострат, обуреваемый жаждой прославиться во что бы то ни стало, сжег храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес света. См. Плутарх, Александр, 3.

59.

<sup>2</sup> *Малх, не свирепствовал так...* — Малх — имя раба в Новом Завете, которому Симон Петр отсек правое ухо (Иоанн, 18, 10).

<sup>7, 8</sup> *...что в отцовском / Прозвище...* — адресат этого стихотворения был связан (родством?) с семейством Борсселен. К. Рэдейк (с. 259) пишет: «Игра слов, которую я не могу объяснить иначе, может как-то основываться на связи: *crepare — borsten (to burs — англ. взрываться) — Borsselen*».

61. До 1502 г. Батт Яков (1464? — 1502) — педагог, знакомый Эразма с 1494 г.

<sup>1</sup> *Батт — мой владелец...* — так же звали пастуха, выдавшего Гермесу тайну, которую ему он же поклялся хранить (см. Овидий, Метаморфозы, II, ст. 676—717).

Смысл: пусть укравший рукопись Батта всюду найдет Батта — разоблачителя.

62. 1502 г. Написано греческим ямбическим диметром. Оригинал по-гречески.

63. 1502 г. Написано по-латыни.

64—66. Эти три стихотворения, написанные осенью 1502 г.,— эпитафии на смерть Генриха из Бергена, епископа г. Камбре (с 1480 г.), канцлера (с 1493 г.) ордена «Золотого руна». Он сопровождал в 1501 г. эрцгерцога Филиппа в его путешествии в Испанию. Умер в 1502 г.

64.

<sup>6</sup> *Твою обитель, Яков...*— монастырь св. Якова в городе Компостелла на северо-западе Испании, наиболее популярное место паломничества в Средние века, наряду с Иерусалимом и Римом. См. также стихотворение 65, где повторяется то же свидетельство.

66. Написано элегическим дистихом. Обращено к Антонию Бергенскому, брату умершего Генриха, епископа Камбре.

67. 12 февраля 1503 г. Написано для трактата Якова Антония Миддельбургского «*De praecellentia imperatoriae potestatis*», напечатанного в Антверпене в 1508 г. Его автор — юрист и знаток гражданского права. Во время своего пребывания в Брюсселе Эразм был гостем Я. Миддельбургского. В стихотворении содержится реминисценция из Светония («Божественный Юлий», 49).

68—72. Эти пять стихотворений, написанные около 1503 г.?, посвящены произведениям живописи и представляют собой объяснительные надписи к неизвестным нам картинам. Эразм увлекался живописью и в молодости сам рисовал (см. 16, ст. 5), однако в дальнейшем он, видимо, оставил это увлечение. Род стихотворных надписей, связанных с произведениями искусства, был распространен еще в древности и широко представлен среди эпиграмм Греческой (Палатинской) и Латинской антологий.

69.

- <sup>1</sup> *...без отца народившись, Гиганты...*— сыновья Геи (Земли), змееногие великаны, пытавшиеся завоевать небо и пораженные Юпитером.

70.

- <sup>2</sup> *Кто чужеземного Вакха тайны...*— существует версия о негреческом происхождении культа Диониса — Вакха. Пенфей, царь Фив, запретивший женщинам чествовать Вакха, был за это растерзан вакханками, среди которых была и его мать Агава.

71.

- <sup>1</sup> *Тот, кто с вершины быков...*— Гермес. См. Овидий. *Метаморфозы*, II, ст. 833 сл.

73. Между 1502—1504 гг.

- <sup>1</sup> *Я — Вильгельмина...*— дочь Арнольда ван дер Бекен, бывшего профессором канонического права в Лувене в 1481—1487 гг.

74. Около 1503 г.? *Заголовок.* Марулла, о котором идет речь, может быть идентифицирован с Антонием из Бергена (см. примеч. к 77).

- <sup>11</sup> *Совет он к палинодии...*— палинодия — буквально: «обратная песнь», песнь отречения, отказ от прежних слов.

75. Осень 1503 г. Холиямб. Адресат этого стихотворения епископ Аррасский (с 1501 г.) Николас Рутернус (Рюйстр) (ок. 1442—1509). С 1487 г. он был канцлером Лувенского университета. Стихотворение помещено на титуле издания Либания (Лувен, Т. Мартенс, 1519).

- <sup>4</sup> *И Эритрейские ты превзойдешь камни...*— т. е. жемчуг.

76. Ноябрь 1503 г.? *Заголовок.* Буслейден Жером (Иероним) (ок. 1470—1517) — дипломат на службе Австрийского дома и видный церковный деятель, пробст в городе Эр (в области Артуа). Покровитель наук и искусств, друг Эразма и Мора. Эразм познакомился с ним в 1500 г. в Орлеане.

77. До 1506 г.

<sup>1</sup> *...Антония библиотеку...*— Антоний, упомянутый здесь, либо Антоний Бергенский, аббат монастыря св. Бертина, либо его секретарь Антоний Люксембургский, с которым Эразм познакомился около 1500 г. (К. Рэдейк, с. 271).

78. Около февраля 1504 г. Эразм вручил это стихотворение эрцгерцогу Филиппу 6 января 1504 г. в Брюсселе по его возвращении из путешествия, имевшего целью утвердить, после смерти Изабеллы Кастильской, свои права на трон Кастилии (К. Рэдейк, с. 272). Календарь этого путешествия эрцгерцога см. у К. Рэдейка, с. 274.

<sup>44, 45</sup> *...тройная / Галлия...*— намек на начало сочинения Юлия Цезаря «Записки о галльской войне», первые слова которого были: «Вся вообще Галлия разделена на три части...».

<sup>45</sup> *...великого тестя державу...*— Фердинанда II Арагонского (1479—1516).

<sup>47</sup> *...у сестры...*— Маргариты, бывшей в замужестве за Филибером II, герцогом Савойским (1497—1504).

<sup>49</sup> *Где твой родитель царит...*— германский император Максимилиан I (1493—1519), который еще в 1477 г. женился на Марии Бургундской, дочери Бургундского герцога Карла Смелого.

<sup>66</sup> *...дважды родной...*— Маргарита (см. примеч. к ст. 47) была до этого замужем за дон Хуаном, братом Иоанны, жены эрцгерцога Филиппа.

<sup>67</sup> *Титулом гордый двойным.*— Т. е. коронами Кастилии и Леона.

<sup>69</sup> *...Савойя довольна сестрой — господою...*— т. е. Марией Бургундской, матерью Филиппа.

<sup>71, 72</sup> *...я утверждаю / Первенство...*— Филипп родился в Брюгге 22 июня 1478 г.

<sup>76</sup> *Люцина* — римская богиня деторождения, отождествлявшаяся с Юноной или Дианой.

<sup>92</sup> *Так продолжай же, Лазеса...*— одна из трех Парок, прявшая нить жизни.

<sup>100</sup> *Ате* (или Ата) — олицетворение мгновенного безумия, поражавшего рассудок богов и людей. Лишен-

ная Зевсом власти над богами, Ате сохранила эту власть над людьми.

79. Около февраля 1504 г. Написанное по-гречески, это стихотворение представляет собой так называемый «центон», составленный из стихов и полустихов поэм Гомера. Непревзойденным мастером таких «лоскутных» стихотворений был римский поэт Децим Магн Авсоний (IV в.), скомпоновавший строки своего «Брачного центона» из стихов и полустихов Вергилия. При переводе использованы соответствующие стихи «Илиады» и «Одиссеи» в переводах Гнедича и Жуковского.

80. Январь 1506 г. Написанное ямбическим триметром, это стихотворение предпослано латинскому изданию «Гекубы» и «Ифигении» Еврипида, переведенных Эразмом и впервые изданных в Париже в 1506 г. *Заголовок*. Уильям — Уильям Уорхем (1450? — 1532), архиепископ Кентерберийский (1503 г.), лорд-хранитель печати, затем лорд-канцлер. Друг и покровитель Эразма.

<sup>1</sup> *Марон* — т. е. Вергилий. Ср. Вергилий, Эклоги, 3, ст. 29.

81. Около 1506 г. Адресат стихотворения — Пьетро Кармелиано из Брешии (умер в 1527 г.), прибывший в Англию еще при Эдуарде IV (1442—1483) и ставший латинским секретарем Генриха VII (1485—1509). В эпиграмме «На глупого поэта» (эпигр. 129) его высмеял Томас Мор.

82. Июнь 1506 г.? Ученик Эразма, а затем его покровитель Вильям Блунт, лорд Маунтджой (1479—1534), в 1503 г. был назначен комендантом замка Геммс (близ Кале); до него эту должность занимал его отец, умерший в 1485 г. Эразм нанес визит Маунтджою в 1506 г. на пути из Англии в Италию (см. К. Рэдейк, с. 279).

<sup>2</sup> *Рема Тарпейский оплот...* — Капитолийский холм в Риме.

<sup>8</sup> *Чтобы дозорный Линкей...* — Мессенский герой, отличавшийся необыкновенно острым зрением, — символ зоркого стража, от которого ничего не может укрыться.



<sup>16</sup> ...у приметных значков...— в оригинале: symbola. Возможно, речь идет об изображениях гербов над главным входом в крепость, как это было обычно принято. Журавль — символ величайшей бдительности. Именно в этом смысле он фигурирует на гравюре, изображающей триумфальную арку в честь императора Максимилиана I (гравюру резали в 1512—1515 гг. А. Дюрер и его ученики).

83. Август 1506 г. Стихотворение написано в дороге, когда Эразм впервые ехал в Италию из Парижа через Орлеан, Лион и, преодолев Альпы, прибыл в Турин, где в начале сентября 1506 г. получил степень доктора теологии. О том, как было написано это стихотворение, сам Эразм говорит следующее: «Итак, чтобы обмануть неудобство в дороге верхом, избегая разговоров со спутниками, я сочинил это стихотворение, записывая его меж тем на бумаге, положенной поверх седла, чтобы не упустить чего-нибудь в одном месте, пока я искал в другом. Из записочек я переписывал то, что родилось всякий раз, когда прибывал на постоянный двор. Ты имеешь теперь стихотворение конное или, лучше сказать, альпийское, которое, однако, ученые считают совсем уж никчемным, поскольку оно уже родилось».

<sup>98</sup> *Сродни пчеле Матинской...*— по имени города и мыса в Апулии (на востоке южной Италии).

<sup>128</sup> ...ни зелья Кирки...— волшебницы, превратившей спутников Одиссея в свиней. Одиссей провел у нее целый год. См. Одиссея, песнь 1.

<sup>129</sup> ...Майина сына...— Гермеса.

<sup>130, 131</sup> *Ни фессалийцев злые / Все заклинанья...*— Фессалия еще в древности считалась классической страной всякого колдовства и волшебства. Именно там развертывается действие знаменитых «Метаморфоз» («Золотой осел») Апулея из Мадавы (II в. н. э.).

<sup>137</sup> ...супруга Титона...— богиня Эос, Заря.

<sup>139</sup> *Раз, как Фаон...*— судовладелец с о-ва Митилены, который перевез, не требуя платы, Афродиту с о-ва Хиоса на материк. В благодарность богиня сделала его красавцем и предметом любви многих женщ-

щин, в том числе поэтессы Сапфо. См. Лукиан. Разговоры в царстве мертвых, 9, 2.

*Травы Хирон...*— Хирон — мудрый кентавр, наставник Ахилла и других греческих героев. Был искусен в музыке, медицине и других областях знания.

<sup>142</sup> *Ни перстенок...*— вероятно, речь идет о перстне-талismane.

<sup>148</sup> *И звездные Плеяды...*— семь звезд в созвездии Тельца (время видимости от середины мая до конца октября). По мифу, семь дочерей Атланта и Плейоны, дочери Океана.

<sup>172</sup> *А мы, подстать фригийцам...*— т. е. троянцам, которые лишь после 10-летней осады Трои начали думать о возвращении похищенной ими у греков Елены, ставшей причиной возникновения Троянской войны. Здесь в смысле: слишком позднее раскаяние.

<sup>233, 234</sup> *...горе любое / Не тронет Гиппоклида...*— см. Геродот. История, VI, 127—129; Лукиан. Про Геракла, 8; Оправдательное письмо, 15; Друг отечества, или поучение, 29; Эразм. Адагии, 912. «Что до того Гиппоклиду» — ставшие поговоркой слова жениха Гиппоклида, — ответ будущему тестю, сказавшему, что Гиппоклид «проплясал свою невесту» и не получит ее в жены.

84. Лето 1509 г.? Холиямб.

<sup>6</sup> *Эвой...*— (или Эвое!) — ликующий возглас мистов, посвященных в таинства Вакха на празднествах в его честь.

<sup>7</sup> *Кто дважды восемь люстр своих...*— т. е. шестнадцать пятилетий — 80 лет.

85. Около 1510 г.? Об истории написания этого стихотворения см. К. Рэдейк, с. 291—293. Предварительно тема разработана в стихотворении 47, с которым здесь есть текстуальные совпадения. Это стихотворение нашло отклик у сторонников Реформации (У. Цвингли).

<sup>50</sup> *Когда и пес свой помнит долг...*— ср. Плиний Старший. Естественная история, кн. VIII, гл. 40.

86—90. Написаны, вероятно, около 1510 г. на изображение Иисуса, которое украшало школу, учрежденную

другом Эразма Джоном Колетом (1466—1519), настоятелем собора св. Павла и руководителем этой школы.

87. Написано «Фалековым стихом» — дактилическо-трохаическим одиннадцатисложником.

88. Ямбическое стихотворение.

90. Сапфическое (стихотворение).

91. Около 20 октября 1511 г.

<sup>1</sup> *Аммоний* — Андреа Аммоньо (ок. 1478—1517), родом из Лукки. Прибыл в Англию в 1506 г. В 1509 г. находился на службе у лорда Маунтджоя. В 1511 г. стал латинским секретарем короля Генриха VIII. Друг Эразма.

92. Весна 1512 г. Стихотворение написано ямбом. Оригинал по-гречески. В это время Эразм совершал свое первое паломничество в Уолсингем, город к северо-востоку от Лондона, место поклонения Уолсингемской Богоматери. Эразм побывал там и в 1514 г.

<sup>9</sup> *Иные жребий старца ждут Пилосского...* — т. е. долголетия Нестора, царя Пилоса. См. примеч. к 45, ст. 41.

93. Осень 1513 г. Холиямб. Написано по случаю победы англичан над французами в битве при Гингате (северная Франция) 16 августа 1513 г.

94. 1513—1514 гг. Тезис в заголовке стихотворения — фраза из послания апостола Павла «К галатам», 5. Это стихотворение Эразма — перевод английского «Катехизиса» Дж. Колета.

<sup>44</sup> *...«синаксис»...* — (греч.) буквально: собрание, сход (единоверцев). Как указывает К. Рэдейк (с. 309), у некоторых писателей это слово употреблялось в значении: общение с богом.

<sup>134</sup> *Пусть умастит...* — в оригинале: *ceromate* — мазью, состоящей из воска и масла.

95—98. Эти четыре стихотворения, написанные в августе 1514 г. (98 — в 1514—1515 гг.), посвящены гуманистам С. Бранту, Т. Дидиму (Фоглеру), И. Сапиду и др. Во время поездки из Лувена в Базель в августе

1514 г. Эразма с почетом встречали в Майнце, Страсбурге и Шлеттштадте. И. Сапидус сопровождал его до Базеля. *Заголовок*. Брант Себастьян (ок. 1458—1521) — писатель-гуманист, автор «Корабля дураков» — (латинское издание: Базель, 1497). С 1503 г. был секретарем магистрата г. Страсбурга.

95. Фалеков стих.

96.

<sup>1</sup> *...ученейший Дидим...* — Дидим Томас (Томас Фоглер) (умер в 1532). Латинизированное имя: Аукупарий (в заголовке 96) — калька с немецкого. Поэт-лауреат. Издал сочинения итальянского гуманиста Поджо Браччолини и комедии Теренция (для школьного употребления).

97. *Заголовок*. И. Сапидус (умер в 1561) — латинизированное имя гуманиста И. Витца из города Шлеттштадта. Он учился в Париже (в 1508 г. магистр), затем преподавал и руководил латинской школой своего родного города. Один из корреспондентов Эразма.

98. 1514—1515 гг. Написано элегическим стихом.

<sup>1</sup> *О благородный Шлеттштадт...* — имперский город на Рейне (латинское название Селестадиум).

<sup>20</sup> *Конь тот предательский...* — т. е. Троянский конь, ставший причиной падения Трои. См. Вергилий, Энеида, 11, ст. 1 сл.

*...Вимфелинг и Спигеллий...* — Вимфелинг Яков (1450—1528) — немецкий гуманист, профессор красноречия Гейдельбергского университета; считался главой рейнских гуманистов. Спигеллий Яков (ок. 1483—1547) — племянник Я. Вимфелинга. Учился в Гейдельберге. Был профессором права в Вене. Автор многочисленных трудов, среди которых «Словарь гражданского права».

<sup>22</sup> *Кирхер* — Иоганн Кирхер (умер в 1519). Один из корреспондентов Эразма. Учился в Париже и, возможно, во Фрейбурге.

<sup>23</sup> *Сапидус твой...* — см. примеч. к 97, заголовок.

<sup>24</sup> *Шторк, как и твой Фригион...* — Шторк Иоганн — гуманист, уроженец Шлеттштадта. Получил степень ма-

гистра искусств в Базеле в 1486 г. Фригион Павел Константин (ок. 1483—1543) — ученый-гуманист. Изучал теологию во Фрейбурге и Париже. Преподавал в Базеле.

<sup>25</sup> *Молю, откуда Арнольд...*— Арнольд Батт (1485—1532)— гуманист, секретарь императоров Максимилиана I и Карла V.

<sup>26</sup> *...Шурер еще Матиас...*— (1470—1519), воспитанник Краковского университета. Работал корректором у различных печатников города Страсбурга.

<sup>27</sup> *...но Беат тот Ренан...*— Беат Бильд из Рейнау в Эльзасе (1485—1547). Немецкий гуманист, член эльзасского кружка гуманистов. Учился в Париже, работал корректором в типографии Анри Этьена (Генриха Стефана). Друг и корреспондент Эразма.

99. 1514—1515 гг. Вероятный адресат этого стихотворения — Филипп Бургундский, приор аббатства Ключи, умерший в 1514 г. По мнению К. Рэдейка (с. 308), Эразм мог быть в Ключи летом 1506 г. на пути из Англии в Италию.

100. Июль 1516 г.? *Заголовок*. Сальве — (лат.) приветствие: здравствуй.

101. Около 1515 г.

<sup>6</sup> *...Палиур мой...*— Палиур — латинизированное имя Луки Клетта, родом из Руффаха (Эльзас), держателя частной школы, затем (в 1517—1538 гг.) советника ряда базельских епископов.

102. Конец июля 1515 г. Написано в дороге на пути из Англии в Базель.

<sup>16</sup> *И, смешав твой привычный титул...*— намек на официальный титул Юпитера в римском пантеоне: «*Jupiter Optimus Maximus*» — «Юпитер наилучший величайший».

103. Этому стихотворению, написанному, вероятно, весной 1516 г., подражал Филипп Меланхтон (1497—1560), также подаривший Незену калам со следующим посвятельным стихотворением:

Этот, ученый Незен, посылает калам тебе также  
Ныне Филипп, как залог истинной дружбы своей.  
Он не равняет, однако, себя с подарком Эразма,—  
Ведь и Эразма перу этот уступит калам.  
В хладной Саксонии этот рожден, на болотистых водах,  
Тот же — на Нила брегах некогда выращен был.  
Тот, наконец, отряхнул летейскую дряхлость вселенной,  
Те начертая труды, что господин сотворил.  
Стольких Меркурия жезл золотой заслуг не имеет,  
Сколько хвалений себе то заслужило перо.  
Столько стихов начертало мое, и тебе,— я желаю,—  
Пусть начертает оно, сколько ты хочешь стихов.

(Перевод Ю. Ф. Шульца).

*Незен Вильям* (Гуильельм) (между 1493—1495 — 6 июля 1542) — знакомый Эразма, магистр в Базеле (1515 г.). Утонул в р. Эльбе на пути в Виттенберг.

<sup>3</sup> *...подарил же Рейхлин Эразму...*— Рейхлин Иоганн (1455—1522) — немецкий гуманист, филолог и писатель. Автор «Писем знаменитых людей» и многих других сочинений.

104. Около ноября 1516 г.? Написано ямбическим триметром. Яков де Круа (умер 15 августа 1516 г.), как епископ Камбре, наследовал Генриху из Бергена (см. примеч. к 64—66).

<sup>5</sup> *...деве посвященный день...*— день Вознесения Богоматери, отмечавшийся 15 августа.

105. 1516—1517 гг. Стихотворное обращение к читателю. Написано Эразмом для поэмы испанского автора Альвара Гомеца (1488—1538), посвященной истории ордена «Золотого руна», основанного в январе 1429—1430 г.

<sup>17</sup> *Не представляет Ясона...*— как отмечает К. Рэдейк (с. 325), А. Гомец, где только можно, подчеркивает библейское происхождение орденового знака (шкура золоторунного барана.— Ю. Ш.). Это действительно золотое руно и именно его имел в виду Филипп, основывая орден. Однако с 1440 г. и далее на собрании орденового капитула демонстрировался гобелен, на котором была изображена история Гедеона, а не

Ясона, т. е. окончательно закреплен библейский вариант происхождения орденской символики.

<sup>19</sup> ...из свежих борозд прорываются воины к бою.— Намек на миф об аргонавтах. По требованию царя Ээта, владевшего золотым руном, Ясон вспахал поле, посвященное богу войны Аресу, и засеял его зубами дракона. Из этих зубов выросли воины, готовые наброситься на Ясона. По совету волшебницы Медеи, помогавшей Ясону, тот бросил в них камень, и они стали истреблять друг друга.

<sup>20-22</sup> Но превосходные чуда руна... / ...между тем как руно было сухо...— См. Книга судей, 6, 37—40.

<sup>23</sup> И Гедееона дерзанья...— см. Книга Судей, 6, 37—40; 7, 4—6.

<sup>34</sup> ...величайший Карл...— Карл V, римский император.

106—107. Две эпитафии И. Буслейдену, написанные ок. 26 марта 1518 г. *Заголовок*. Иероним (Жером) Буслейден (1470—1517). См. примеч. к заголовку 76. 106 написано по-гречески, ямбический триметр.

107.

<sup>7</sup> *Трехязычная ученость*...— т. е. знание трех древних языков: древнееврейского, древнегреческого и латинского.

108. Ноябрь 1519 г. *Заголовок*. *Амербах Бруно* (1485—1519) — сын Иоганна Амербаха, компаньона базельского типографа Иоганна Фробена, друга и издателя многих сочинений Эразма, в том числе и его поэзии.

109. Июль 1520 г. Речь идет о союзе Генриха VIII Английского и Германского императора Карла V, заключенном в 1520 г. К. Рэдейк (с. 329—330) отмечает, что этому предшествовала встреча между Генрихом VIII и французским королем Франциском I. Эразм в присутствии Т. Мора беседовал с Генрихом VIII и кардиналом Уолси в Кале.

110. Июль 1520 г. Справедливо предположение К. Рэдейка, что постройки в Кале, о которых сказано в заголовке стихотворения, носили временный характер и были возведены специально к встрече двух монархов.

111. Оставлена без перевода.

112. Около сентября 1522 г. Эразм посетил г. Констанц осенью 1522 г. Замок Меерсбург на Боденском озере с 1508 г. принадлежал епископу г. Констанца, Г. Хохенланденбергу.

<sup>2</sup> *Катона ль, черепахи ль изречение...*— т. е. какого-нибудь поэта. «Черепашкой» называлась лира с резонатором из черепашьего щита. С такой лирой обычно изображали поэтов и певцов (ср. многочисленные изображения Орфея).

<sup>15, 16</sup> *...возвеличен им / Бароном Иоганном...*— появление в этих стихах Иоганна, барона Меерсбурга, как владельца этого замка, К. Рэдейк (с. 332) склонен объяснить свойством Эразма путать имена и лица людей, с которыми он встречался.

113. 8 ноября 1525 г. *Заголовок. Дорп Мартин* (1485—31 мая 1525) учился в Лувене. Доктор теологии (1515). Его знакомство с Эразмом относится к 1502—1504 гг.

<sup>4</sup> *Камены плачут...*— т. е. музыки.

114. Осень 1526 г.? *Заголовок. Фолькерд Яков* (ок. 1500—1526) из Бергена, гуманист и педагог.

115. Осень? 1527 г. *Заголовок. Мартенс Теодорик* (Дирк) из Алоста (1446/47—1529) — фламандский печатник. С 1515 г. работал в Базеле по рекомендации Мартина Дорпа (см. эпитафию 113). Антверпенский гуманист П. Жиль (Эгидий) (1486—1533), друг Эразма и Мора, одно время был корректором у Мартенса. Сам Мартенс неоднократно упоминается в письмах Эразма. Он печатал в Алосте, Антверпене и Лувене. У него вышло в свет 1-е издание «Утопии» Т. Мора (1516 г.).

<sup>5</sup> *Якорь священный...*— намек на типографскую марку (сигнет) Дирка Мартенса — двойной якорь, которой он пользовался с 1517 г. Якорь также является символом надежды и спасения.

116, 117. Ноябрь? 1527 г. Эти две эпитафии (117 написана по-гречески) посвящены крупному базельскому типографу, другу Эразма и Мора, Иоганну Фробену (ок. 1460—1527). В марте 1518 г. И. Фробен



выпустил в свет 1-е издание эпиграмм Эразма (вместе со 2-м изданием «Утопии» Т. Мора и его же эпиграммами). В доме Фробенов в Базеле скончался Эразм. Эпитафия 116 высечена на надгробной плите И. Фробена в церкви св. Петра в Базеле.

118, 119. Написаны в октябре 1528 г. как обращение к читателю «Астрономических наставлений» («*Institutio-nes astronomicae*») Иоахима Штерка (ок. 1499 — после 1531) из Антверпена, увидевших свет в Базеле 31 октября 1528 г. в типографии В. Куриона. Первое из этих стихотворений сопровождало и последующие издания этого популярного труда, а второе — парижское издание Хр. Вехеля (1530). Осенью 1528 г. И. Штерк посетил Базель, где встречался с Эразмом.

120. 1528 г.? *Заголовок. Ганетон Филлип* (умер 18 апреля 1528) — «кавалер золотых шпор», аудиенциарий (в 1517—1518 гг.). С 1520 г. секретарь Великого Совета и казначей ордена Золотого руна. См. К. Рэдейк, с. 341—342.

121, 122. 1 февраля 1529 г. 122 написана по-гречески. *Заголовок. Уутенховен Николас ван* (умер 11 февраля 1527 г.) — советник Карла V, затем (с 1520 г.) наместник Фландрии.

<sup>5</sup> *...отцу сироты...* — Н. Уутенховен оставил двух сыновей: Николаса и Карла. Последний был учеником Эразма и жил у него в Базеле в 1528 г.

123. 13 апреля 1529 г.

<sup>2</sup> *Гостеприимней ко мне бывший так много годин...* — с ноября 1521 г. по апрель 1529 г., когда Эразм из-за обострившихся религиозных трений был вынужден эмигрировать во Фрейбург, о чем он пишет в письме своему другу, гуманисту и библиофилу Вилибальду Пиркгеймеру (1470—1530).

124. Июль 1529 г. Это стихотворение находится в письме Эразма (Ер. № 2180) его ближайшему другу и душеприказчику Бонифацию Амербаху (1495—1562). К. Рэдейк (с. 345) усматривает в нем намек на религиозные

волнения в Базеле, принудившие Эразма переселиться во Фрейбург (см. примеч. к 123, ст. 2).

125. 13 апреля 1529 г. *Заголовок*. Для молодой четы Епископиев, Николая и Юстины (дочери И. Фробена), Эразм, уезжавший во Фрейбург, оставил в подарок всех кур, бывших в его доме. Н. Епископий (ок. 1505/1507—7 марта 1564) после женитьбы на Юстине Фробен (ок. 1512—сентябрь 1564) стал компаньоном издательской фирмы своего тестя И. Фробена.

126, 127. Январь 1530 г. Эти две эпитафии посвящены Корнелии Сандерс, первой жене антверпенского гуманиста Петра Жилля (Эгидия), на которой он женился в августе 1514 г. Эразм, впервые встретившийся с Эгидием в 1504 г., был затем частым гостем в их доме в Антверпене.

126.

<sup>5</sup> *Детей любовью чистой...*— из детей П. Эгидия и К. Сандерс известны: Иоганн, ставший секретарем Генеральных Штатов в 1576 г., и Иоахим, бывший в 1562 г. членом Совета в Брабанте.

<sup>12</sup> *Мне люстр шестой ококчить...*— т. е. дожить до 30 лет. Люстр — пятилетие.

128. Январь 1530 г.

<sup>1</sup> *Под камнем сим Мария Дионисия...*— Дионисия (Дениз) — вторая жена П. Жилля (Эгидия), умершая зимой 1529—1530 гг. В связи с ее смертью Эразм выражал ему свое соболезнование.

129. Январь 1530 г. *Заголовок*. Клява (Кольве) Антоний (умер 31 мая 1529 г.) — один из старшин города Гента во Фландрии, друг П. Жилля (Эгидия), библиофил и покровитель наук. По мнению К. Рэдейка (с. 348), знакомство Кольве с Эразмом могло состояться в Лувене не ранее лета 1514 г.

<sup>5</sup> *...Люстр четырнадцать...*— см. примеч. к 127, ст. 12.

130. Зима 1530—1531 г. Оригинал по-гречески. Эта эпиграмма-надпись помещена на титульном листе издания сочинений Аристотеля (Базель, И. Бебель, 1531, 2; переиздания: Базель, 1539 и 1550).

...Стагирит со мной...— т. е. Аристотель (384—322 до н. э.), бывший родом из македонского города Стагиры.

<sup>6</sup> ...Амалфеи рог...— Амалфея — нимфа, вскормившая своим молоком Зевса, когда Рея укрывала его от отца Крона; здесь в смысле: рог изобилия.

<sup>9</sup> Его грудолубивый Бебель нам несет...— Иоганн Бебель — базельский печатник, издатель сочинений Аристотеля и Галена (1538 г.).

131. До 1531—1532 г.? Это, написанное по обету стихотворение, одно из лучших в поэзии Эразма. Приступ четырехдневной лихорадки застиг Эразма еще в январе 1497 г.

<sup>7</sup> Та, где Секвана...— латинское название р. Сены.

<sup>8</sup> Вод, что Матрона выносит...— латинское название р. Марны.

<sup>13</sup> ...твердыню...— гору св. Женевьевы, на которой было расположено аббатство св. Женевьевы, покровительницы Франции.

<sup>14</sup> ...храм Матери-Девы...— Нотр-Дам, собор Парижской Богоматери.

<sup>19</sup> Малое есть поселенье...— Нантерр, расположенное на левом берегу Сены в 8 милях к западу от Сите по прямой. Лат. Наметодорум.

<sup>21</sup> Храм, посвященный тебе, Дионисий...— аббатство Сен-Дени, основанное в 630 г. Дагобером. То же название носил городок на правом берегу Сены в 5,5 милях к северу от Сите. Св. Дионисий (Дени) — мученик, первый епископ Парижский (в 270 г.), святой, покровитель Франции.

<sup>26</sup> Наметодор существует...— см. примеч. к ст. 19.

<sup>30</sup> ...многочисленной Лютеции счастье...— т. е. Парижа (лат. Лютеция).

<sup>35</sup> И отвращаешь несчастья от галлов...— по преданию, св. Женевьева убила жителей Парижа во время нападения Аттилы на Галлию в 451 г. не покидать город; Аттила не тронул Парижа.

<sup>41</sup> Вам друидов родных и сенат...— К. Рэдейк (с. 352) по этому поводу замечает: «Я склонен перевести весь этот довольно туманный отрывок как не лишен-

ный иронии намек на теологов Сорбонны, с которыми Эразм был неизменно в плохих отношениях с 1522 г.». Сенат — парижский парламент.

<sup>42</sup> ...*короля — христолюбца храните*... — Франциска I, короля Франции в 1515—1547 гг.

<sup>67</sup> *И ко Христу — жениху стала ближе*... — во время болезни Эразма Сена залила город, и останки св. Женевиевы были перенесены в Нотр-Дам. Значение этих строк К. Рэдейк (с. 354) видит в том, что св. Женевиева, пользуясь теперь гостеприимством Богоматери, ближе к Христу, чем обычно, и потому еще более всесильна.

<sup>92</sup> *Копом тот был*... — Коп Вильям (Гуильельм) (ок. 1466—1532) — врач, астроном, гуманист, друг Эразма, у которого он брал уроки греческого языка. Он учился также у гуманиста Конрада Цельтиса (1459—1508) и преподавал в Сорбонне (1497/8—1511/12). Им опубликованы в английских переводах труды корифеев медицины: Гиппократ, Галена и Павла Эгинского. В Копу посвящена поэма Эразма о старости (ст. 83).

132—133. Написаны 24 сентября 1532 г. Петр, упомянутый в первой из них (ст. 1) — П. Кастелланус (умер 8 февраля 1552/1553) г.), ученик Альциати. В 1527 и 1532 гг. встречался с Эразмом в Базеле и Фрейбурге. Впоследствии епископ Орлеана.

133.

<sup>2</sup> *Но хилиадами их*... — т. е. тысячами (греч.).

134. Между 24 сентября 1532 — мартом 1533 г.

135. Начало апреля 1536 г. *Заголовок*. Цазий (Цези) Ульрих (1461—24 ноября 1535) более известен под латинизированным именем Удальрикус Цазиус. Ученый-правовед, профессор гражданского права во Фрейбурге. В 1508 г. он стал советником императора Максимилиана I. Друг Эразма, который вывел его под именем Главкоплута в диалоге «Рыбоедство» («Разговоры запросто»).

136. Начало апреля 1536 г. В стихотворении непереводимая игра слов. Эразм говорит здесь о финиках, из-

древле применявшихся в медицине при желудочных заболеваниях, в том числе при дизентерии, которой страдал Эразм.

<sup>1-2</sup> ...у которого ножка как пальчик... И называет его пальчиком галльский язык...— от слова *pede* оригинала (К. Рэдейк, с. 358) легко перейти в метрическом смысле к пальцу (греч. *δάκτυλος* — стопа и стихотворный размер, состоящий из долгого и двух кратких слогов). Намек на это мы находим во второй строке, где подразумевается близкая к латинской старофранцузская форма названия пальца (*dactil* вместо современного *datte*). Сочетание в ст. 1 оригинала: *pede... curto* он толкует как равнозначное латинскому уменьшительному: *pediculo* — ножкой. Известно, что Эразм очень любил сладости, и это отражено в его переписке с Бруно Амербахом.

...эта концовка...— в оригинале — *clausula*, буквально имеет это значение, но допускает игру слов, означая также заключительную часть стиха или метрическое завершение периода в прозе. Идентификация Рэдейком слов *clausula* и *colon* — толстая кишка — сомнительна.

## ДОПОЛНЕНИЯ

(стихотворения, приписываемые  
Эразму Роттердамскому)

1—2. Около 1509 г.? *Заголовок*. Европа — дочь Финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом, принявшим образ быка.

3. 1513—1514 г.?

<sup>1-2</sup> *Как Юлия второго подошло тебе / Прекрасно имя...*— Юлий II из рода Ровере, папа Римский (умер в 1513 г.).

<sup>4</sup> *И нечестиво тот тираном сделался...*— т. е. Юлий Цезарь (102—44 до н. э.), знаменитый римский полководец и государственный деятель. Писатель, автор

«Записок о галльской войне», «Записок о гражданской войне» и др. Убит Кассием и Брутом в мартовские иды (15 марта) 44 г.

<sup>11</sup> *И ты погибель галлов величайшая.*— Войну с Францией Юлий II начал в 1511 г

<sup>12</sup> *...лишь святую хворь...*— эпилепсию (буквально: «священную болезнь», по-латыни *morbus sacer*).

<sup>22</sup> *Но, видно, Брута на тебя не сыщется...*— намек на убийство Юлия Цезаря 15 марта 44 г. Подобной участи, по мнению поэта, несомненно заслуживает и папа Юлий II.

<sup>23</sup> *И Ликомеда мало одного тебе.*— Намек на свидетельство Светония о нравах Юлия Цезаря («Божественный Юлий», 49) и вместе с тем характеристика нравов самого папы Юлия II.

4. Октябрь-ноябрь 1526 г.

<sup>1</sup> *Здесь похоронен Эгмонд...*— т. е. П. Бехем (1462? — 23 августа 1526), глава лувенских кармелитов, противник Эразма, порицавший его «Разговоры запросто».

5. Заголовок. Мор Томас (1478—1535) — великий английский гуманист, государственный деятель и поэт, друг Эразма, павший жертвой абсолютизма Генриха VIII (казнен 6 июня 1535 г.). Фишер Джон — английский церковный и государственный деятель, епископ Рочестерский (с 1504 г.). Казнен вместе с Томасом Мором по обвинению в государственной измене: он отказался присягнуть Елизавете, дочери Генриха VIII и Анны Болейн, как наследнице престола.

ИОАНН СЕКУНД  
ПОЦЕЛУИ

Перевод сделан по изданию: Ioannes Nicolai Secundus. Basia. Mit einer Auswahl aus den Vorbildern und Nachahmern hrsg. v. G. Ellinger. Berlin, 1899 (Lateinische Literaturdenkmäler des 15. u. 16. Jahrhunderts, No. 14).

На русском языке стихи Иоанна Секунда публикуются впервые. Анонсированный в 1912 г. издательством «Мусагет» перевод С. Соловьева света не увидел, и рукопись его не разыскана.

1. Когда Эней на пути из-под Трои достиг берегов Африки, то мать его Венера, желая соединить его браком с карфагенской царицей Дидоной, послала к нему Амора в образе Энеева сына, мальчика Аскания, настоящего же Аскания усыпила и перенесла в свое царство. Таков рассказ Вергилия в «Энеиде», 1, 689—694; но ни о розах, ни о поцелуях там не упоминается, этот миф — изобретение Секунда.

2. Размер стихотворения и вступительный образ подсказаны 15 эподом Горация, героиню которого тоже зовут Неерой:

...И обвивая тесней, чем плющ — ствол дуба высокий,  
    Меня руками гибкими,  
Ты повторила:...

Описание элизия, где не рождает земля и т. д., сходно с описанием Счастливых островов в следующем, 16 эподе Горация; представление же о рае одних влюбленных образовано едва ли не под влиянием «птичьего рая» Овидия («Любовные элегии», II, 6), где Овидий, в свою очередь, входившаяся знаменитыми стихами Катутла на смерть ручного воробья Лесбии. Это стихотворение Секунда имело особенный успех у его подражателей. Приводим наиболее известное из этих подражаний — стихотворение Ронсара к Елене в переводе И. А. Аксе-

нова (1884—1935), полностью публикуемом впервые; архаический стиль, избранный переводчиком, хорошо оттеняет гладкий стиль Секундова образца:

Крепче лоз, оплетающих ульмову кору,  
Гибкой мощью дрожа,  
Узой рук меня, плачу, в блаженную пору  
Ты обвей, госпожа!  
И, притворствуя сон, ты, лица обаянье  
На чело мне клоня,  
Лобызал, излей свою прелесть, дыханье  
Да и сердце в меня.  
Если так ты поступишь — очами твоими  
(Нет милее мне клятв!)  
Я клянусь, что отныне не буду другими  
Обольщеньями взят;  
Но, склоненный в ярмо твоего государства,  
Сколь ни строг его лет,  
Одновременный нас в Елисейское царство  
Корабль перевезет.  
Залюбившимся на смерть, нам в сени миртинной  
Лет бесчисленный ряд  
Слушать, как там герои и героини  
Лишь любовь говорят.  
То мы будем плясать по цветеньям прибрежным  
В пеньях той стороны,  
То, от бала устав, мы укроемся в нежной  
Вечных лавров тени,  
Где легчайший Зефир, задыхаясь, качает  
На весенний распев,  
Где — цветы апельсин, где — влюбленный, играет  
Меж лимонных дерев.  
Милого там апреля бессмертное время  
Неизменно стоит,  
Там земля, упраздняя заботное бремя,  
Вольной грудью дарит,  
Там давнишних влюбленных святая станица,  
Славя нас по векам,  
На поклон принесется и будет гордиться,  
Что приблизилась к нам.  
Хоровода среди, на цветущие травы  
Нас ведя восседать,



Ни одна, ни Прокрида не счтет себя правой  
Места нам не отдать,  
И ни та, кого бык под обманчивой шкурой  
Умыкал за моря.  
И ни та, кого Фебу невинной и хмурой  
Лавра скрыла кора,  
И ни те, кто, мечтая, склонились на ложе —  
Артемис и Дидо,  
И ни элинка та, с кем красую ты схожа,  
Будто имя твое.

4. *Кекропийские розы* — аттические, по имени древнего царя; названы по смежности с аттическим же Гиметтским медом, пользовавшимся широкой известностью. Об античном пчеловодстве Секунд и его современники знали по IV книге «Георгик» Вергилия.

6. Подражание Катуллу осложнено здесь подражанием Марциалу, VI, 34 (пер. Ф. А. Пегровского):

Жажду твоих поцелуев взасос, Диадумен!

«А скольких?»

Ты заставляешь меня счесть Океана валы,  
Раковин россыпи счесть по всему Эгейскому морю  
И над Кекропа холмом реющих пчел сосчитать,  
Рукоплескания все и крики в полном театре,  
Если внезапно народ Цезаря лик увидал!  
Сколько Катулл умоляя дать Лесбию, я не желаю:  
Жаждет немного тот, кто в состоянье считать.

Мотив несчетности трав на лугу, пчел на Гиметто и т. д. — один из самых распространенных в риторике. «*Оная богиня*», плывшая по морю в «*конхе*», т. е. раковине, — Венера.

7. Размер стихотворения (гликоней) — из гимна-эпиграмм Катулла, 61.

8. Размер стихотворения (усеченный ямбический ди-метр) — традиционный в греческой анакреонтической лирике.

9. Зачин стихотворения от «Не всегда...» и т. д. восходит к знаменитой оде Горация к Вальгию Руфу

(II, 9). Из Горация же — мысль о необходимости меры во всем, повторяющаяся у него много раз.

11. «Предки суровые» и «строгая толпа» — реминисценции из Катутла, 5 (см. выше, с. 256).

12. Ритмика и образы подсказаны стихотворениями из безымянного сборника I в. «Приапеи»; ср., например:

Отойдите, стыдливые матроны,—  
Вам зазорно читать такие речи!  
А они не отходят, а подходят:  
И на вид, и на ошупь не противна  
Для матроны . . . . .

(№ 8).

Что смеешься, девчонка-недотрога?  
Не Скопас меня делал, не Пракситель,  
Не обточен я Фидиевой дланью,—  
Из брэнна меня вытесал крестьянин  
И промолвил: «да будешь ты Приапом!»  
А взгляни на меня — и рассмеешься... и т. д.

(№ 10).

13. Тема стихотворения восходит к одной из самых ранних обработок мотива поцелуя в античной литературе — эпиграмме Платона («Палатинская антология», V, 78, пер. Л. Блуменау):

Душу свою на устах я имел, Агафона целуя,  
Словно стремилась она переселиться в него.

Эта эпиграмма была переложена в довольно пространственные стихотворения уже в античности (цитируется у Геллия, XIX, 11), а потом, по этому образцу, поэтом XV в. Петром Кринитом (тоже назвавшим свою героиню Неерой).

14. Заключительный образ (*mollior anseris medulla*) — реминисценция из Катутла, 25, 2 (повторен в «Приапеях», 64).

15. Подражание эпиграмме Палатинской антологии, VII, 137.

16. Сколько нежных Венер и Купидонов всех — тоже реминисценция знаменитого начала стихотворения Ка-

тулла на смерть воробья Лесбии: «Плачьте, все Купидоны и Венеры...»

18. *На Иде... пред пастухом-судьей* — суд богинь перед Парисом.

19. Подражание эпиграмме Мелеагра (Палатинская антология, V, 163, пер. Л. Блуменау):

Пчелка, живущая соком цветов, отчего так, покинув  
Чашечки луга, к лицу Гелиодоры ты льнешь?  
Хочешь ли тем показать, что и сладких и горьких до  
боли

Много Эротовых стрел в сердце скрывает она?  
Если пришла мне ты это сказать, то лети же обратно,  
Милая! Новость твою сами мы знаем давно.

*«От крови убитого вепрем»* — т. е. Адониса, любовника Венеры.

## СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

*Ганс Гольбейн Младший. Эразм Роттердамский. Париж. Лувр. (Фронτισпис)*

*А. Дюрер. Конрад Цельгис подносит свой труд курфюрсту Саксонскому Фридриху Мудрому*

*Ганс Гольбейн Младший. Томас Мор*

*А. Дюрер. Эразм Роттердамский, гравюра, 1526*

*Иос ван Клеве (ок. 1464—1540). Св. Семейство с предполагаемым изображением Эразма в виде Иосифа. Ленинград, Эрмитаж*

*Адриан Изенбрандт (ум. в 1551). Св. Иероним в пустыне. Ленинград, Эрмитаж*

*А. Дюрер. Себастьян Брант. Изображение на титульном листе его «Разных стихотворений». Базель, ок. 1493—1494*

*Эразм Роттердамский и его секретарь Жильбер Кузен, гравюра, 1530*

*Вид города Базеля. Гравюра из «Хроники саксов» Конрада Бото. Майнц, Петер Шёффер, 1492*

*Вид города Франкфурга. Гравюра из «Хроники саксов» Конрада Бото. Майнц, Петер Шёффер, 1492*

*Титульный лист «Эпиграмм» Эразма. Базель, И. Фробен, 1518*

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эразм Роттердамский</i>	
<b>СТИХОТВОРЕНИЯ</b> . . . . .	5
Перевод с латинского Ю. Ф. Шульца	
<b>ДОПОЛНЕНИЯ</b>	
Стихотворения, приписываемые Эразму Роттердамскому . . . . .	211
Перевод Ю. Ф. Шульца	
<i>Иоанн Секунд</i>	
<b>ПОЦЕЛУИ</b> . . . . .	215
Перевод с латинского С. В. Шервинского	
<b>ПРИЛОЖЕНИЯ</b>	
<i>Ю. Ф. Шульц. Поэзия Эразма из Роттер- дама</i> . . . . .	237
<i>М. Л. Гаспаров. Поэзия Иоанна Секунда</i> .	256
<b>ПРИМЕЧАНИЯ</b>	
<i>Эразм Роттердамский. Стихотворения</i> . .	273
Составил Ю. Ф. Шульц	
<i>Иоанн Секунд. Поцелуи</i> . . . . .	312
Составил М. Л. Гаспаров	
<b>Список иллюстраций</b> . . . . .	317

**ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ**  
**СТИХОТВОРЕНИЯ**  
✻  
**ИОАНН СЕКУНД**  
**ПОЦЕЛУИ**

Утверждено к печати  
Редколлегией серии  
«Литературные памятники»  
Академии наук СССР

Редактор  
*И. Г. Древянская*

Художник  
*В. Г. Виноградов*

Художественный редактор  
*Т. П. Поленова*

Технический редактор  
*Н. Н. Кузнецова*

Корректоры  
*Л. И. Кириллова, Г. М. Котлова*

**ИБ № 25107**

**Сдано в набор 21.10.82  
Подписано к печати 11.03.83.**

**Формат 70×90<sup>1/32</sup>**

**Бумага типографская № 2  
Гарнитура елизаветинская**

**Печать высокая**

**Усл. печ. л. 12,1**

**Усл. кр.-отт. 13,23**

**Уч.-изд. л. 14,3**

**Тираж 100 000 экз.**

**1 завод (1—50 000)**

**Тип. зак. 2380**

**Цена в переплете 2 руб.,  
в обложке 1 р. 70 к.**

**Издательство «Наука»  
117864, ГСП-7, Москва, В-485,  
Профсоюзная ул., 90**

**2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**



*А. Дюрер.  
Конрад Цельтис подносит свой труд  
курфюрсту Саксонскому Фридриху Мудрому*





*Ганс Гольбейн Младший.  
Томас Мор*



*А. Дюрер.  
Эразм Роттердамский,  
гравюра, 1526*



*Нос ван Клеве (ок. 1464—1540).  
Св. Семейство с предполагаемым изображением Эразма  
в виде Носифа.  
Ленинград, Эрмитаж*



*Адриан Изенбрандт (ум. в 1551).  
Св. Иероним в пустыне.  
Ленинград, Эрмитаж*



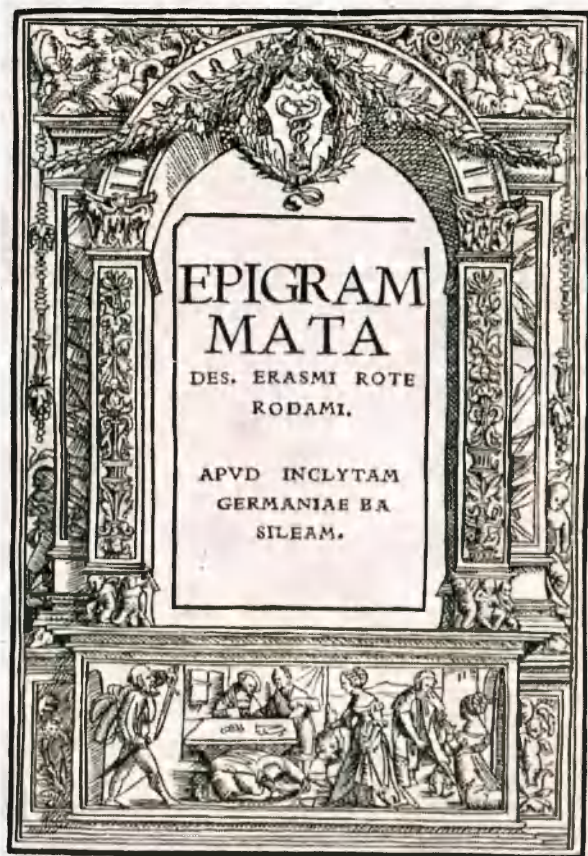
*А. Дюрер.  
Себастьян Брант.  
Изображение  
на титульном листе его  
«Разных стихотворений».  
Базель, ок. 1493—1494*

*Эразм Роттердамский  
и его секретарь  
Жильбер Кузен,  
гравюра, 1530*

*Вид города Базеля.  
Вид города Франкфурта.  
Гравюры из «Хроники  
саксов» Конрада Бото.  
Майнц, Петер Шёффер,  
1492*







*Титульный лист «Эпиграмма» Эразма.  
Базель, И. Фробен, 1518*